

ФЭННЦ

ФЛЭГ

Жареные зеленые помидоры

рочот

Жареные зеленые помидоры

PO4401

Se-condo

Annotation

Знаменитый роман известной американской писательницы Ф. Флэгг рассказывает о дружбе женщин, живших в первой половине нынешнего столетия и в наше время. Тонко проникая в психологию героев, автор неожиданным образом переплетает их судьбы, полные драматических событий и житейских забот, любви и ненависти, побед и поражений. По роману в 1991 году был снят фильм, имевший огромный успех во всем мире.

- [illegible]

DECLARATION OF INTEREST

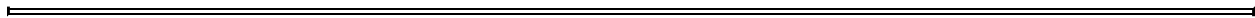

-
-
-
-
-
-
-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

◦ [31](#)

Фэнни Флэгг

Жареные зеленые помидоры в кафе

«Полустанок»

Благодарность

Я бы очень хотела выразить признательность тем людям, которые оказали мне неоценимую помощь и поддержку, когда я писала эту книгу. Прежде всего, это относится к моему литературному агенту Венди Уэйл, которая никогда не теряла веры в меня, редактору Сэму Вогену — за его заботу и внимание и за минуты хохота в процессе работы над текстом, и Марте Левин из «Рэндом хаус», ставшей моей ближайшей подругой. Я благодарю также Глорию Сейфер, Лиз Нок, Маргарет Кафарелли, Анну Бейли, Джулию Флоренс, Джеймса Хэтчера, доктора Джона Никсона, Джерри Ханна, Джея Сойера и Фрэнка Селфа. Компания «Де Томас, Бобо энд ассошиейтс» помогла мне в нелегкие времена нужды. Я благодарна Барнаби и Мэри Конрад из Ассоциации писателей Санта-Барбары, Джо Рой из Бирмингемской публичной библиотеки. Джеффу Нореллу из Бирмингемского южного колледжа, Энн Харви и Джону Локу из издательства «Оксмур хаус паблишинг». Огромное спасибо моей помощнице и машинистке Лизе Макдональд и её дочери Джесси, которая спокойно сидела и смотрела сериал «На улице Сезам», пока мы с её мамой работали. И особую благодарность я шлю всем милым моей душе жителям Алабамы — сердца моего, дома моего.

Томми Томпсону

«Плоть моя обитает в приюте для престарелых „Розовая терраса“, но сердце мое и мысли никогда не покидали кафе „Полустанок“, где на обед подают жареные зеленые помидоры...»

Из размышлений миссис Вирджинии Тредгуд в приюте «Розовая терраса», июнь, 1986 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

12 июля 1929 г.

НОВОЕ КАФЕ

На прошлой неделе по соседству со мной, рядом с почтой, открылось кафе «Полустанок». Его хозяйки — Иджи Тредгуд и Руфь Джемисон — кажется, довольны: дело потихоньку налаживается. Иджи просит знакомых не беспокоиться, что здесь их отравят: сама она не готовит, на кухне заправляют две негритянки, Сипси и Онзелла, а за барбекю персонально отвечает муж Онзеллы, Большой Джордж.

Тем, кто ещё не успел заглянуть в кафе, Иджи сообщает: завтрак здесь подают с 5.30 до 7.30. Вы можете заказать яйца, овсянку, сухарики, бекон, колбасу, ветчину под острым томатным соусом и кофе — все это обойдется вам в 25 центов.

На обед и ужин вас ждут свиная отбивная с подливкой, жареный цыпленок, зубатка, курица с клецками или барбекю. Кроме того, можно взять овощи, сухарики или кукурузный хлеб плюс десерт и кофе — за все про все 35 центов.

Иджи говорит, что из овощных блюд вам предложат кукурузу под белым соусом, жареные зеленые помидоры, жареную окру, капусту или репу, коровий горох, сладкий батат, каролинские бобы или лимскую фасоль. А на сладкое — пирог.

Мы с моей дражайшей половиной, Уилбуром, вчера там обедали, и было так вкусно, что он заявил: «Все, дома больше не ем». Ха-ха! Хорошо, коли так. А то я не вылезаю из кухни, стряпая для этого проглота, и все никак не могу накормить его досыта.

Кстати, Иджи уверяет, что одна из её кур снесла яйцо с десятидолларовой бумажкой внутри.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
15 декабря 1985 г.*

Сегодня Эвелин Коуч снова потащилась с мужем в «Розовую террасу» навещать Большую Маму — его мать. Свекровь её терпеть не могла, и Эвелин быстренько удрала от них в зал для посетителей, чтобы в тишине и покое полакомиться припасенными сладостями. Но как только она устроилась поудобнее, старушка в соседнем кресле ни с того ни с сего заговорила:

— Если вы меня спросите, в каком году такой-то или такой-то женился, на ком женился и в чем была мать невесты, я в девяти случаях из десяти отвечу правильно. Но хоть убей, никак не могу вспомнить, когда же я успела так состариться. Как-то неожиданно все получилось: раз — и уже старуха.

Знаете, в первый раз я обнаружила это в июне, когда попала в больницу с желчным пузырем. Они, наверно, до сих пор его хранят, а может, и выкинули уже, кто знает. Медсестра — толстуха такая, аж страшно — как раз собиралась ставить мне вторую клизму, они там просто обожают делать клизмы. И тут смотрю, на руке у меня бумажка вроде бирочки. Пригляделась, а на ней написано: «Миссис Вирджиния Тредгуд, 86 лет». Представляете!

Вернулась я домой и говорю миссис Отис, приятельнице своей: мол, нам только и осталось теперь что сидеть сложа руки да ждать, пока сдохнешь. А она: «Предпочитаю выражение „отойти в мир иной“». Бедняжка! У меня как-то язык не повернулся сказать ей, что разницы-то, собственно, никакой: как ни назови — все одно помрем.

А все же забавно: пока ты маленькая, время на одном месте топчется, а как двадцать стукнет, так и понеслось, словно скорый до Мемфиса. Мне иногда кажется, что жизнь как-то мимо нас проскальзывает, её и не чувствуешь даже. Я, конечно, по себе сужу, не знаю, как у других бывает. Вроде вчера ещё маленькая девочка, а нынче — хоп, и взрослая женщина, с грудью и волосами на укромных местах. И как это я все умудрилась пропустить, ума не приложу. Впрочем, особого ума у меня никогда не было, ни в школе, ни потом...

Я и миссис Отис из маленького городка, Полустанок называется. Это в десяти милях от «Розовой террасы», там, где железнодорожная сортировочная, — слышали, может? Отсюда и название Полустанок. Мы с ней последние тридцать лет жили на одной улице. Когда муж миссис Отис умер, сын и невестка уговорили её переехать сюда, в приют. А меня вот попросили пожить с ней хотя бы первое время, пока она тут не пообвыкнет. Потом-то я домой вернусь, только это секрет, понимаете?

А здесь не так уж и плохо. На Рождество мы все надевали праздничные колпачки. На моем были вышиты сверкающие елочные шары, а у миссис Отис — рожица Санта Клауса. А вот кошечку пришлось оставить дома. Жалко ужасно! Скучаю я по ней очень. Я ведь всю жизнь кошку держала, а то и двух. Пришлось отдать её соседской девочке, которая поливает мои герани. У меня, знаете, четыре кадки с геранями перед домом, и герань такая чудесная, просто глаз не отвести.

Моей миссис Отис всего семьдесят восемь. Она славная женщина, правда, славная, только немного нервная. Я хранила под кроватью камни из желчного пузыря в банке, так она заставила меня убрать их подальше. Сказала, что от их вида у неё депрессия начинается. Как маленькая. Впрочем, она ведь и росточка маленького, а я, сами видите, дама крупная. Кость у меня широкая, да и все остальное.

А вот машину я никогда не водила. Такое неудобство. Вечно привязана к дому, сиди и жди, пока кто-нибудь заскочит и подбросит в магазин, или там к врачу, или в церковь. Раньше до Бирмингема можно было добраться на дрезине с ремонтниками, но дрезины эти давным-давно не ходят. Вернусь домой — обязательно получу водительские права.

Знаете, забавно получается: начинаешь ценить радости жизни только когда оказываешься вдали от дома. Мне, например, не хватает запаха кофе и жареного бекона по утрам. Здешняя стряпня вообще ничем не пахнет, а о жареном даже не мечтай. Все вареное, и ни грамма соли. Мне эти паровые котлеты и даром не нужны, а вам? — Она тараторила, не дожидаясь ответа. — Я просто обожаю пахту с крекерами или кукурузным хлебом вместо второго завтрака. Размочишь все в чашке и хлебаешь ложечкой. Но нельзя же есть на людях как дома себе позволяешь, правда?

И ещё скучаю по дереву. Мой домишко — старая развалюха: гостиная, спальня и кухонька. Но весь из дерева, и стены изнутри обиты сосной. За это и люблю его. Терпеть не могу штукатурку. Стены какие-то холодные получаются, окостеневшие, что ли.

У меня была с собой фотография, я там маленькая качаюсь на качелях на заднем дворе, а в руке у меня голубые воздушные шары. Хотела

повесить у себя над кроватью, так сиделка не позволила: мол, девочка здесь по пояс голая, а это неприлично. Представляете? У меня эта карточка лет пятьдесят провисела, а мне и в голову не приходило, что я там голая. Неужто кто-то из здешних старичков разглядит голую грудку, с их-то зрением! Но раз уж тут все такие нравственные собрались, ладно, убрала я фотографию в шкаф, пускай полежит вместе с моими желчными камнями.

Хорошо бы сейчас очутиться дома. Там, правда, беспорядок жуткий: я и забыла, когда подметала последний раз. И знаете почему? Вышла я как-то на крыльцо, а на дереве сойки дерутся. Ну я и запустила в них веником, а он застрял между ветками. Надо будет попросить кого-нибудь снять мой веничек, когда вернусь.

А недавно сын миссис Отис забрал нас домой с чаепития, которое устраивали в здешней церкви по случаю Рождества. Так вот, он повез нас вдоль железной дороги по Первой улице, там ещё когда-то было кафе, мимо старого дома Тредгутов. Конечно, многие дома на этой улице теперь заколочены, иные разрушены, но, знаете, когда мы подъезжали, фары осветили окна, и мне показалось, что дом совсем не изменился. Стоит вроде такой же, как и семьдесят лет назад, везде свет горит, веселье, суматоха. Могу поклясться, я слышала чей-то смех, а в маленькой гостиной Эсси Ру брэнчала на пианино «Эй, девушки из Буффало, погуляем вечером» и «Огромны горы сладостей», или что там ещё было тогда в моде. Смотрю — а может, все же показалось? — Иджи Тредгуд опять спряталась в ветвях иранской мелии и воет собакой каждый раз, когда Эсси заводит песню. Она всегда говорила, что Эсси Ру умеет петь хуже, чем корова танцевать. Сдается мне, из-за этих видений да ещё моей тоски по дому я теперь только о прошлом и могу думать.

Помню все как вчера, да и вряд ли хоть одна мельчайшая подробность, касающаяся семьи Тредгутов, могла ускользнуть из моей памяти. Бог мой, разве такое возможно! Я ведь с самого рождения жила по соседству с Тредгудами, а потом вышла замуж за одного из их мальчиков.

Детей у них было девять человек. Трое из них — Эсси Ру и близняшки — примерно моего возраста, вот я и торчала там все дни напролет. Мы играли, устраивали всякие вечеринки на всю ночь. Мама моя умерла от чахотки, когда мне было четыре года. А когда в Нашвилле погиб отец, я просто осталась жить у них, и все. Можно сказать, я так и не вернулась с той вечеринки.

*«Бюллетень Полустанка»
8 октября 1929 г.*

МЕТЕОРИТ ПОПАЛ В ЖИЛОЙ ДОМ ПОЛУСТАНКА

Миссис Бидди Луис Отис из дома № 401 по Первой улице, заявила, что в четверг вечером крышу её дома пробил метеорит весом около двух фунтов.^[1] Сама она осталась цела и невредима, а вот радио пострадало. Миссис Отис говорит, что она сидела на кушетке, потому что кресло заняла собака, и слушала передачу, как вдруг что-то грохнуло. Теперь в её крыше огромная дыра, а радио разбито вдребезги.

Берта и Гарольд Вик отпраздновали годовщину свадьбы на лужайке перед домом, чтобы видели все соседи.

От души поздравляем мистера Эрла Эдкока, начальника железнодорожной станции, которому только что приказом № 37 присвоили звание Самого восторженного председателя Общества защиты лосей, членом которого является и моя дражайшая половина.

Кстати, Иджи доводит до вашего сведения, что если вы хотите из чего-нибудь приготовить барбекю, то присылайте это «что-нибудь» к ней в кафе. Большой Джордж все приготовит для вас в лучшем виде: цыпленка — за 10 центов, а стоимость свинины будет зависеть от величины куска.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
15 декабря 1985 г.*

Прошел час, а миссис Тредгуд все говорила и говорила. Эвелин Коуч уже съела три шоколадки и принялась за второе печенье, гадая, уймется когда-нибудь эта старушка или нет.

— Знаете, просто обидно, что дом Тредгузов так сильно обветшал. Там столько интересного произошло, столько народилось детишек, столько прожито счастливых минут! Дом был большой, двухэтажный, с прекрасной

верандой вокруг. И во всех спальнях — шикарные обои с розами, ну просто загляденье, особенно когда вечером зажигали свет.

Железная дорога проходила сразу за домом, и летними ночами на заднем дворе собирались тысячи светлячков. Вдоль путей росла дикая жимолость, невероятно душистая. Папа посадил там яблони и фиговые деревья и смастерил для мамы чудесную беседку, увитую виноградом и глицинией. А возле дома красовался розовый куст, папа в нем просто души не чаял. Какая жалость, что вы не видали тех роз.

Мама и папа Тредгуды воспитывали меня как родную, и я всех их просто обожала. Особенно Бадди. Но замуж вышла за Клео, его старшего брата. Он потом стал мануальным терапевтом, и, представляете, с возрастом у меня начала побаливать спина, так что все получилось как нельзя кстати.

Вся моя жизнь прошла вместе с Иджи и Тредгудами. Но тут, какими словами ни расписывай, все равно не расскажешь. А пожила я красиво, можно сказать, славно пожила.

Я всю жизнь была очень привязчивой, прямо-таки прилипала к людям. Хотите верьте, хотите нет, но раньше я не была болтушкой, зато как пятьдесят стукнуло, прямо не остановишь. А однажды Клео мне говорит, мол, Нинни, — вообще-то меня зовут Вирджиния, но для краткости Нинни, — так вот, Нинни, говорит, я только и слышу от тебя: Иджи то, Иджи се, неужели ты не можешь найти себе занятие поинтересней, чем целыми днями просиживать в этом кафе?

А я подумала-подумала и отвечаю: «Нет, не могу», — не для того, чтобы обидеть его, нет, просто так оно и было.

Я похоронила Клео в феврале, аккурат тридцать один год назад. И часто спрашиваю себя, не слишком ли его задел тогда мой ответ. Наверное, все-таки нет, потому что он любил её не меньше всех нас и всегда хохотал, когда она что-нибудь эдакое выкидывала. Она была его младшей сестрой и шутить умела как никто другой. Ведь это она открыла кафе «Полустанок» вместе с Руфью.

Иджи готова была на уши встать, лишь бы кого-нибудь рассмешить. Знаете, что она сделала однажды? Запихнула чипсы в ящичек для пожертвований в баптистской церкви. Характер у нее, конечно, был тот еще, но как все могли подумать, что это она убила того типа, у меня в голове не укладывается.

Тут Эвелин перестала жевать и впервые взглянула на довольно миловидную старушку в выцветшем платье в голубой цветочек и с седыми кудряшками. А старушка продолжала как ни в чем не бывало:

— Некоторые думают, что все началось в тот день, когда она встретила Руфь, а мне кажется, это случилось в воскресенье за ужином, первого апреля девятнадцатого года, в том году как раз Леона вышла замуж за Джона Джастиса. Точно, первого апреля, потому что в тот день Иджи за обедом показывала всем маленькую коробочку, в которой на тряпке лежал палец, и уверяла, что нашла её на заднем дворе. А потом оказалось, что это был её собственный палец, она его просунула в дырку на дне коробки. Первого апреля никому не верю!

Помню, смеялись все, кроме Леоны. Она была старшая из сестер, самая красивая, и папа Тредгуд избаловал её до безобразия. Да и все остальные, по-моему, слишком с ней цацкались.

Иджи тогда было лет десять-одиннадцать. Она спустилась к столу в белом кисейном платье, которое ей сшили специально для свадьбы, и все ахали, какая она в нем нарядная. Мы так замечательно и весело поужинали и уже принялись за черничный пирог, как вдруг совершенно неожиданно Иджи встала и заявила: «Никогда в жизни не надену больше платье!» И знаете, милочка, что она сделала? Отправилась к себе наверх и напялила старые рабочие штаны Бадди и рубаху. Я до сих пор голову ломаю, что это вдруг на неё нашло, да и никто этого не понял.

Но Леона прекрасно знала, что Иджи слов на ветер не бросает, и прямо-таки завопила: «Ой, папа, я чувствую, Иджи мне всю свадьбу испортит!»

А папа сказал: «Ничего подобного, детка. Ты у нас будешь самой красивой невестой в Алабаме». Он в то время носил здоровенные усы, похожие на велосипедный руль. Так вот, он глянул на всех нас и сказал: «Правда ведь, дети?» — и все сказали «угу», лишь бы Леона успокоилась и заткнулась. Все, кроме Бадди, который сидел и потихоньку ухмылялся. Он вообще в Иджи души не чаял и всегда приходил в восторг от её фокусов.

Ну, Леона доела свой пирог, все уже вроде успокоились, и вдруг она как взвизгнет, да так громко, что негритянка Сипси с перепугу что-то уронила на кухне: «Ой, пап, а вдруг кто-нибудь умрет?» Вот это сказанула, правда?

Мы все посмотрели на маму, а она положила вилку и тихо сказала: «В общем, так, дети, я уверена, что ваша сестра пойдет на такую маленькую жертву и оденется на свадьбу как положено. Конечно, упрямства ей не занимать, но, в конце концов, она же разумная девочка».

Правда, недели две спустя я случайно подслушала, как мама говорила Иде Симмс, портнихе, которая шила свадебные наряды, что ей, возможно, понадобится зеленый вельветовый костюмчик для Иджи и галстук-бабочка.

Ида улыбнулась: «Неужто костюмчик?», а мама вздохнула в ответ: «Да знаю, Ида, все знаю. Как я ни старалась уговорить её одеться поприличнее, но если этот ребенок что-нибудь решил, так это намертво».

Что и говорить, Иджи уже тогда была крепким орешком. Я так думаю, она во всем хотела походить на Бадди. Эти двое были не дети, а просто катастрофа! — Старушка засмеялась. — Однажды они притащили енота, назвали его Кок. Я могла часами смотреть, как он пытается помыть безе. Перед ним ставили на заднем дворе тазик с водой и давали безе, а он мыл их, одно за другим. Бедняжка никак не мог сообразить, куда они деваются. Каждый раз смотрел на свои опустевшие лапки и страшно удивлялся. Знаете, он едва ли не целую жизнь потратил на попытки вымыть безе. И печенье тоже мыл, но это было не так смешно, а как-то раз даже помыл мороженое.

Ой, мне лучше не вспоминать этого енота, не то все подумают, что я такая же чокнутая, как миссис Филбим, — вон она там, в холле. Благослови её Бог, она уверена, что «Корабль любви»^[2] везет её к Аляске. Многие из этих несчастных даже имени своего не помнят.

Эд, муж Эвелин, уже стоял в дверях и в нетерпении подавал ей знаки. Эвелин скомкала фантики, сунула их в сумочку и встала.

— Прошу прощения, но меня зовет муж. Нам пора.

Миссис Тредгуд удивленно взглянула на нее:

— Это обязательно?

— Да, к сожалению. Он торопится.

— Ну что ж, приятно было поболтать с вами. А как вас зовут, милочка?

— Эвелин.

— Ну тогда приезжайте навестить меня. Буду очень рада. Пока! — крикнула она вслед Эвелин, высматривая следующего посетителя.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

15 октября 1929 г.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ МЕТЕОРИТ?

Миссис Веста Эдкок и её сын, Эрл-младший, объявили себя полноправными хозяевами метеорита, объясняя это так: дом, в который

попал небесный камень, Отисы арендуют у них, а поскольку дом принадлежит им, значит, и то, что в него попало, — тоже.

Когда миссис Бидди Луис Отис спросили, что она по этому поводу думает, она ответила: по её мнению, метеорит все же принадлежит ей, поскольку он разбил её радио. Ее муж Рой, кондуктор на железной дороге, в тот день работал допоздна и свидетелем происшествия не был, но сказал, что в 1833 году за одну только ночь нападало десять тысяч метеоритов, а тут мы имеем дело всего с одним. Есть из-за чего шум поднимать!

Бидди сказала, что хочет оставить его у себя на память — я имею в виду метеорит.

Кстати, это моя фантазия или в самом деле наступили трудные времена? Уилбур, моя дражайшая половина, сказал, что на прошлой неделе в кафе заходили ещё пять бродяг и просили поесть.

Дот Уимс

ДАВЕНПОРТ, ШТАТ АЙОВА

*Лагерь безработных
15 октября 1929 г.*

Пять человек ежились вокруг костерка, оранжевые блики и черные тени плясали по лицам. Они пили кофейную бурду из жестяных кружек: Джим Смоки Филлипс, Элмо Уильямс Клякса, Джейк Долгоносик, Кривой Саккет и Чаттануга Рыжий Брехун — пятеро из тысячи двухсот мужчин и подростков, скитавшихся в том году по городам и весям.

Смоки Филлипс глянул на небо и промолчал; остальные сделали то же самое. На разговоры сегодня не тянуло, потому что ледяные пощипывания ночного ветерка означали приближение ещё одной суровой зимы. Смоки понимал: пора снова подаваться на юг вслед за стаями диких гусей.

Он родился морозным утром в Смоки-Маунтинс в Теннесси. Его отец, кривоногий мужичок, был самогонщиком во втором поколении и с большим почтением относился к продукции собственного производства. Он совершил роковую ошибку, женившись на «добропорядочной деревенской девушке», которая целиком и полностью посвятила жизнь некоей Пайнгроувской добровольной баптистской церкви.

В детстве Смоки часами просиживал со своей младшей сестрой

Бернис на жесткой деревянной скамье в церкви, думая только о еде. Иногда во время молитвенного собрания мать вставала и начинала бормотать что-то бессвязное на непонятном языке. Но чем одержимее становилась мать, тем меньше религиозности оставалось в отце. В конце концов, он совсем перестал ходить с ними в церковь, а детям сказал: «В Бога я верю, но сомневаюсь, что надо сходить с ума, пытаюсь доказать это».

Однажды весной — Смоки тогда было восемь лет — Господь объявил матери, что в её мужа вселился дьявол, и она донесла на него в налоговую полицию. Смоки помнит, как они с сестрой провожали отца от сарая, где стоял перегонный куб, до дороги, а за спиной у него шел вооруженный полицейский.

Проходя мимо жены, отец недоуменно посмотрел на неё и сказал: «Женщина, ты хоть понимаешь, что натворила? Ты вырвала кусок хлеба у себя изо рта».

В тот день Смоки видел его в последний раз.

После этого мать совсем обезумела и связалась с группой темных фанатиков из секты святых заклинателей змеи. Однажды вечером краснолицый растрепанный проповедник целый час драл глотку и бил кулаками по Библии, чем довел своих босых прихожан до полного иступления. Вся публика что-то монотонно распевала и колотила по полу пятками. Потом проповедник достал откуда-то холщовый мешок, выхватил из него двух огромных гремучих змей и принялся крутить их над головой, взывая к Богу.

Смоки оцепенел и сжал руку сестренки. Проповедник прыгал по кругу, призывая верующих взять змею и очистить душу верой в Авраама.

Вдруг мать вскочила, схватила одну из змей и что-то забормотала, уставясь в желтые змеиные глаза, а прихожане начали раскачиваться из стороны в сторону и стонать. Когда мать пошла по комнате, держа змею в руке, они стали падать на пол, извиваться, визжать, заползать под скамьи и прыгать между рядами. Люди впали в неистовство, а мать выкрикивала: «Хосса! Хеламна! Хессамия!»

Прежде чем Смоки понял, что происходит, малышка Бернис вырвала руку, подбежала к матери и, дергая её за подол, закричала:

— Мапочка, не надо!

Все ещё пребывая в трансе, женщина на какое-то мгновение опустила безумные глаза на ребенка, и в это время змея бросилась ей в лицо и ужалила в щеку. Ошеломленная, мать посмотрела на змею, и та снова ужалила её, на этот раз в шею, вонзив ядовитые зубы прямо в сонную артерию. Женщина с глухим стуком выронила злобную тварь, и змея

неторопливо поползла между рядами.

Мать оглядела комнату, где воцарилась гробовая тишина. Прихожане, не понимая, что произошло, смотрели на неё в недоумении. Глаза матери начали стекленеть, она медленно осела на пол и умерла.

К Смоки подошел дядя и повел его к выходу. Бернис забрали соседи, а Смоки так и остался жить у дяди. Когда ему исполнилось тринадцать, он ушел по железной дороге куда глаза глядят, чтобы больше никогда не возвращаться в тот дом. С собой он прихватил только фотографию. Иногда он вытаскивал её из кармана и долго рассматривал. На выцветшем раскрашенном снимке было двое румяных, улыбающихся детей — маленькая пухлая девочка с челкой и розовой лентой, повязанной вокруг головы, и Смоки с аккуратно причесанными каштановыми волосами. Он стоял чуть позади сестренки, прижавшись к ней щекой. Смоки часто думал о Бернис, представлял, как они встретятся, если, конечно, ему суждено будет вернуться.

Ему было лет двадцать, когда охранник столкнул его с товарняка прямо в холодную желтую реку где-то в Джорджии. Барахтаясь в воде, он потерял фотографию и теперь почти не вспоминал о сестре, разве что когда проезжал по ночам мимо Смоки-Маунтинс, кочуя с места на место...

Наутро Смоки Филлипс сел в битком набитый поезд, идущий во Флориду. Его мучил голод — последний раз он ел два дня назад. И тут Смоки вспомнил, как его друг Элмо Клякса рассказывал о двух женщинах, которые открыли кафе неподалеку от Бирмингема и никому не отказывали в куске хлеба. Из окна поезда он видел рекламу этого кафе на стенках грузовых вагонов и, когда на глаза ему попала надпись ПОЛУСТАНОК, АЛАБАМА, спрыгнул с подножки.

Элмо ничего не напутал: кафе и вправду находилось рядом с железной дорогой — маленькая зеленая развалюха с навесом в белую полоску, под рекламой кока-колы прибита вывеска КАФЕ «ПОЛУСТАНОК». Он обошел дом и постучал в дверь, затянутую москитной сеткой. Невысокая негритянка жарила цыпленка и резала тонкими ломтями зеленые помидоры. Увидев Смоки, она крикнула:

— Мисс Иджи!

К двери подошла приятная блондинка лет двадцати с веснушками и кудряшками. На ней была чистая белая рубашка и мужские брюки. Смоки снял шляпу:

— Простите, мэм, не найдется ли у вас какой-нибудь работенки или ещё чего... Мне сейчас трудновато приходится.

Иджи оглядела его драную грязную куртку, выцветшую коричневую

рубашу, выдавшие виды ботинки без шнурков и поняла, что он не врет. Открыв дверь, она кивнула:

— Заходи, парень, сейчас что-нибудь придумаем. Как тебя звать?

— Смоки, мэм.

Она обернулась к девушке за стойкой. Смоки давно не видел таких опрятных девушек, а эта вдобавок была ещё и необыкновенно хороша собой. На ней было платье в горошек, золотисто-каштановые волосы перевязаны красной лентой.

— Руфь, это Смоки. Он будет работать у нас.

Руфь улыбнулась:

— Вот и хорошо. Рада с вами познакомиться.

— Не хотите привести себя в порядок, а потом перекусить?

— Хорошо, мэм.

В большой ванной комнате с потолка свисал длинный шнурок выключателя. Смоки легонько потянул за него и увидел в углу допотопный умывальник с педалью и черной резиновой пробкой на цепочке. На раковине были разложены бритва, миска с мыльной пеной и кисточка.

Смоки поглядел на себя в зеркало, и ему стало стыдно: честно говоря, он давненько не держал в руках мыла. Он взял большой кусок коричневого мыла «Оквидол» и попытался отскрести угольную пыль, вьёвшуюся в лицо и руки. Вот уже сутки у него не было во рту ни капли спиртного, и руки дрожали так, что ему стоило больших трудов кое-как побриться. Смоки протер лицо лосьоном «Олд спайс», причесался и вернулся в зал.

Иджи и Руфь накрыли для него стол — блюдо с жареным цыпленком, коровий горох, репу, жареные зеленые помидоры, кукурузный хлеб и чай со льдом. Смоки взял вилку и попытался есть. Руки так дрожали, что он не мог донести кусок до рта да вдобавок облил рубашку чаем. Он понадеялся, что девушки не заметят, но вскоре блондинка сказала:

— Пошли, Смоки, прогуляемся чуток.

Он взял шляпу и вытер рот салфеткой, решив, что его вышвыривают.

— Да, мэм.

Она вывела его через черный ход на задворки кафе, откуда начинались поля.

— Что, нервишки пошаливают?

— Извините, мэм, что намусорил там у вас, но если честно... В общем, это... Ладно, пойду я. Но все равно спасибо.

Иджи порылась в огромном кармане фартука, выудила маленькую бутылку виски «Дикая индюшка» и протянула ему.

Смоки был благодарным человеком. Он сказал:

— Бог запишет вас в святые, мэм.

Они уселись на бревно под навесом, и, пока Смоки успокаивал нервы, Иджи болтала с ним так, словно они много лет знакомы.

— Видишь вон тот пустырь?

Он посмотрел:

— Да, мэм.

— Когда-то здесь было самое красивое озеро в Полустанке. Летом мы там купались, ловили рыбу. Можно было даже на лодке кататься. — Она грустно покачала головой. — Знал бы ты, как мне его не хватает, ужасно не хватает.

Смоки смотрел на голый пустырь.

— И что же с ним случилось, высохло, что ли?

Она прикурила для него сигарету.

— Нет, хуже. Однажды в ноябре сюда прилетела огромная стая уток, штук сорок, если не больше. И сели они точнехонько посерединке нашего озера, а пока они там сидели, случилась невероятная вещь. Ни с того ни с сего так быстро похолодало, что все озеро замерзло, секунды за три стало твердым как камень. Раз, два, три — и все.

Смоки изумился:

— Вы это серьезно?

— Ага.

— Что ж, бывает. Бедные утки, наверно, передохли все.

— Да нет же, черт побери! В том-то и дело! Они просто улетели, прихватив с собой озеро. Теперь оно, наверно, где-нибудь в Джорджии.

Смоки уставился на девушку. И когда до него дошло, что она просто-напросто морочит ему голову, вокруг его синих глаз расплзлись морщинки, и он захохотал так, что даже закашлялся, и Иджи пришлось постучать ему по спине.

Утирая слезы, он вернулся в кафе, сел за стол и обнаружил, что еда до сих пор теплая. Обед держали в духовке, пока его не было.

Ах, где ты, мальчик, вернись домой,

Где же ты, мой родной?

Шпалы считаешь ты день-деньской

И спишь на земле сырой.

Слышу цокот копыт,

Значит, ты не убит!

Ах, мальчик, вернись домой!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

22 октября 1929 г.

МЕТЕОРИТ БУДЕТ ВЫСТАВЛЕН В КАФЕ

Миссис Бидди Луис Отис сегодня заявила, что метеорит, который на прошлой неделе пробил крышу её дома, она собирается отнести в кафе, и пусть её перестанут донимать звонками. Ей надоело целый день бегать к телефону. Еще она сказала, что метеорит этот — не что иное как большой серый камень, но если кто захочет поглазеть на него, то пожалуйста, на здоровье, — он будет лежать на стойке.

Иджи говорит, что в кафе можно приходить в любое время.

Простите, но больше новостей за эту неделю мне собрать не удалось, поскольку моя дражайшая половина Уилбур подхватил насморк, и мне пришлось бегать вокруг него на задних лапках и выполнять всевозможные капризы.

Что может быть хуже больного мужчины?

С прискорбием сообщаю, что наша дорогая Бесси Вик, свекровь Берты, вчера скончалась на девяносто девятом году жизни. Врачи полагают, что от старости.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

Старое шоссе Монтгомери,

Бирмингем, штат Алабама

22 декабря 1985 г.

В следующее воскресенье, когда Эвелин вошла в зал для посетителей, миссис Тредгуд уже поджидала её в том же самом кресле и в том же платье.

Веселая, как жаворонок, она пустилась рассказывать о доме Тредгудов так, будто они не разлучались на неделю, и Эвелин не осталось ничего другого, как слушать. Она уселась в кресле поудобней и развернула шоколадку с миндалем.

— Так вот, перед нашим домом росла большая старая иранская мелия. Помню, мы весь год собирали маленькие ягоды, а на Рождество нанизывали их на нитку и украшали дерево с макушки до корней. Мама всегда предупреждала, чтобы мы не смели запихивать эти ягоды в нос, и, разумеется, первое, что сделала Иджи, едва научилась ходить, — это пошла в сад и насовала ягод в нос и в уши. Пришлось вызвать доктора Хэдли. Он сказал маме:

— Миссис Тредгуд, похоже, у вас в доме стало одним хулиганом больше.

Разумеется, Бадди эти слова привели в щенячий восторг. Он ей во всем потакал. Но в больших семьях всегда так: у каждого свой любимчик. Вообще-то её настоящее имя Имоджин, это Бадди прозвал её Иджи. Ему было восемь лет, когда она родилась, и он таскал её с собой по всему городу, как куклу. Ведь и на ногах-то ещё как следует не стояла, а уже ковыляла за ним эдаким утенком, волоча деревянного петушка на веревке.

Что и говорить, Бадди выглядел на миллион долларов со своими темными глазницами и ослепительно белыми зубами. Он мог очаровать вас в одну секунду — и навсегда. Все девчонки Полустанка влюблялись в него если не на всю жизнь, то хотя бы на время.

Говорят, шестнадцатый день рождения запоминается на всю жизнь, и это правда. Я до сих пор помню розово-белый торт с каруселью на верхушке и бледно-зеленый пунш, — мама подавала его в огромных стеклянных чашах. А по всему саду развесили бумажные фонарики. Но больше всего мне запомнилось, как Бадди Тредгуд втихаря поцеловал меня за беседкой, увитой виноградом. Представляете, взял и поцеловал! Но, увы, я была у него не единственной...

Иджи день и ночь таскала для Бадди любовные записки — то туда, то обратно, за что получила прозвище Купидон. У неё были светлые, короткие, выющиеся волосы, синие глаза и веснушки — вылитая мама. В девичестве маму звали Алиса Ли Клауд,^[3] и она всегда смеялась:

— До замужества я была облаком.

Мама была ужасно симпатичной. Почти всем детям достались её голубые глаза, за исключением разве что Бадди и бедняжки Эсси Ру, у которой один глаз получился голубой, а другой — карий. Мама говорила, что именно поэтому у неё такие замечательные способности к музыке. Она

во всем видела только хорошее.

Однажды Иджи и Бадди сперли у старика Сокуэлла четыре здоровенных арбуза и припрятали в зарослях ежевики. А на следующее утро, милочка, прежде чем они успели забрать свою добычу, мама нашла её и страшно удивилась: батюшки, за одну ночь такие арбузищи вымахали! Клео говорил, что с тех пор мама каждый год огорчалась, почему они больше не растут. Никто так и не решился сказать ей, что арбузы были краденые.

Мама была баптисткой, а папа — методистом. Он говорил: мне отвратительна мысль, что меня могут утопить.^[4] Поэтому каждое воскресенье папа поворачивал налево к Первой методистской церкви, а остальные — направо, к баптистам. Иногда Бадди ходил с папой, но потом перестал, сказал, что баптистские девушки красивее.

Приезжие всегда останавливались в доме Тредгутов. Помню, одно время у нас жил толстый-претолстый баптистский проповедник, который приехал в Полустанок, чтобы прочесть проповедь в загородном баптистском лагере. Когда он ненадолго вышел из дому, близняшки пробрались к нему в комнату и принялись играть с его огромными штанами. Пэтси Рут влезла в одну штанину, а Милдред в другую. Они забавлялись, пока не услышали на лестнице шаги, и так испугались, что кинулись в разные стороны. Штаны хрясь — и пополам! Мама говорила, что папа не задал им трепку только потому, что проповедник был баптистский. Но между ними никогда не возникало серьезных разногласий на этой почве, и после церкви мы все возвращались домой и усаживались за воскресный ужин.

Денег папа Тредгуд зарабатывал немного, но по тем временам он казался нам богачом. Он владел единственным магазином в городе, и купить там можно было все — от стиральной доски до шнурков. Хотите корсет — пожалуйста, а можно и маринованный огурчик прямо из бочонка.

Бадди одно время работал там за стойкой. Я отдала бы весь чай Китая за стаканчик земляничного коктейля, который он готовил. Весь Полустанок ходил туда за покупками. Вот почему мы так удивились, когда в двадцать втором году магазин пришлось закрыть.

Клео объяснял это по-своему: мол, папа разорился из-за того, что никому не мог отказать — ни белому, ни черному. Если человеку что-нибудь было нужно, папа просто укладывал это «что-нибудь» в пакет и отдавал в кредит. Клео говорил, что удача выходила из папиных дверей в бумажных пакетах. Между прочим, ни один Тредгуд не умел сказать «нет». Да, милочка, они готовы были снять с себя последнюю рубашку, только

попросите. И Клео был не лучше. У нас с ним никогда не водилось модных, дорогих вещей, но, знаете, Бог распорядился так, что мы ни в чем не нуждались. Я верю, бедняки — по большей части хорошие люди, за исключением разве что нечестных... Но нечестных и богатство не сделает лучше.

Знаете, в «Розовой террасе» живут почти одни бедняки, и все, что у них есть, это пособие и «медикейд».^[5] — Миссис Тредгуд повернулась к Эвелин. — Да, милочка моя, вот уж что вас никогда не подведет — это «медикейд», без него вы даже чихнуть не посмеете.

А вообще-то здесь не только бедняки живут, есть и богатые. Недели две назад сюда приехала миссис Веста Эдкок, маленькая такая, с птичьей грудкой. Я её знаю, она из Полустанка, вон та, в лисьих мехах и бриллиантовых кольцах. Вот уж кто богатенький. Но что-то не заметно, чтобы богатство делало их счастливыми. И ещё я вам скажу, дети навешают их не чаще, чем остальных.

Норрис и Фрэнсис, сын и невестка миссис Отис, приезжают сюда каждую неделю в любую погоду. Вот почему по воскресеньям я торчу здесь, в приемной, — даю им возможность побыть наедине. Но Бог мой, у вас бы сердце разорвалось, если бы вы видели, как эти старички ждут дня посещения. Прическу делают уже в субботу, а в воскресенье, с утра пораньше, при всем параде — встречают... И в результате никто не приезжает. Так их жалко, ужас просто, да ведь чем поможешь! Э-эх... Если у тебя есть дети — это вовсе не гарантия того, что тебя будут навешать. Нет, никаких гарантий...

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

12 июля 1930 г.

ПОЛУСТАНОК РАСТЕТ НЕ ПО ДНЯМ, А ПО ЧАСАМ

Опал Тредгуд, жена Джулиана, взяла в аренду помещение рядом с почтой, через два дома от меня, и открывает собственный салон красоты. До сегодняшнего дня она делала прически у себя на кухне, но Джулиан попросил её отказаться от этого, поскольку женщины повадились целыми днями ходить к ним через черный ход, а куры от беспокойства перестали

нестись.

Опал сказала, что цены останутся прежними: мытье и укладка — 50 центов, а завивка — полтора доллара. Я, например, в восторге от такого новшества на нашей улице.

Только подумайте, теперь у нас можно отправить письмо, пообедать и сделать прическу, и не надо ради этого ходить за семь верст: все рядом. Осталось только открыть кинотеатр, и тогда мы будем окончательно избавлены от поездок в Бирмингем.

Миссис и мистер Рой Гласс устроили ежегодное семейное собрание. Глассы со всего штата собрались за столом, накрытом на заднем дворе их дома. Вильма сказала, что пирог на вкус оказался лучше, чем на вид.

Кстати, моя дражайшая половина недавно ходил рыбачить и проколол себе палец крючком, поэтому я снова имела удовольствие созерцать его дома, охающего и стонущего.

Дот Уимс

КАФЕ «ПОЛУСТАНОК»

Полустанок, штат Алабама

18 ноября 1931 г.

Теперь название кафе красовалось на сотнях грузовых вагонов — от Сиэтла до Флориды. Щепка Джонс видел эту рекламу даже в Канаде.

Год выдался исключительно тяжелый, леса вокруг Полустанка мерцали кострами безработных бродяг, и не было среди них человека, которого Иджи хоть раз не накормила.

Клео, брату Иджи, это очень не нравилось. Он заехал в кафе за женой Нинни и сынишкой Альбертом и теперь сидел за столом, пил кофе и грыз орешки.

— Иджи, я тебя умоляю, не корми ты каждого, кто ошивается возле твоих дверей! У тебя же бизнес. Джулиан заходил к тебе на днях и видел, как семеро здоровенных мужиков без зазрения совести лопали твою еду. Он говорит, что ты скорее Руфь и ребенка оставишь без обеда, чем этих бродяг.

Иджи фыркнула:

— Много твой Джулиан понимает! Да он бы сам давно с голоду

окочурился, если бы Опал не открыла салон. Нашел кого слушать! Да ему Бог дал мозгов меньше, чем козлу.

С этим Клео не мог не согласиться.

— Что верно, то верно, но речь сейчас не о Джулиане. Я за тебя беспокоюсь.

— Да я знаю.

— Просто я хочу, чтобы ты не была такой дурой и не швыряла деньги на ветер.

Иджи улыбнулась:

— Между прочим, Клео, до меня дошли слухи, что добрая половина населения этого города задолжала тебе по крайней мере лет за пять. И я что-то не замечала, чтобы ты кого-нибудь выставил за дверь.

Нинни, которая обычно предпочитала помалкивать, на этот раз не удержалась:

— Вот именно, Клео.

Клео с хрустом разгрыз орех, а Иджи подошла и обняла брата.

— Слушай, ты, старый сухарь, да ведь ты ни разу в жизни не прогнал голодного человека!

— Просто не было случая: они все у тебя толкутся. — Клео кашлянул. — А теперь серьезно, Иджи. Я не пытаюсь вмешиваться в твои дела, вынюхивать что-то, но скажи мне, ты хоть немного скопила или нет?

— А зачем? — усмехнулась Иджи. — Знаешь, деньги ведь и убить могут. Вот не далее как сегодня заходил сюда парень и рассказал про своего дядю, у которого была хорошая денежная работа в Кентукки, на монетном дворе. Он чеканил деньги, и все шло лучше некуда, пока... В общем, однажды он нажал не на ту кнопку, и его раздавил мешок с десятицентовиками весом в семьсот фунтов.

Нинни воскликнула:

— Какой ужас!

Клео посмотрел на жену как на сумасшедшую.

— Боже правый, женщина, да ты, никак, веришь всему, что плетет моя ненормальная сестрица!

— А что, разве такого не могло случиться? Его и вправду убило монетами, Иджи?

— Конечно. Семьсот фунтов десятицентовиков или триста фунтов четвертаков — точно не скажу, но парня раздавило в лепешку, это чистая правда.

Клео покачал головой и расхохотался.

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
29 января 1986 г.*

Каждое воскресенье в день посещений Эд Коуч и его мать, Большая Мама, сидели до вечера в её тесной комнатухе и смотрели телевизор. Сегодня Эвелин почувствовала, что если она сию же минуту не уйдет отсюда, то не выдержит и завопит. Она извинилась и сказала, что ей нужно в туалет. Спустившись к машине, Эвелин обнаружила, что ключи остались у Эда... И вот она опять сидит в зале для посетителей, разрывает пакетик с кокосовыми пирожными, а миссис Тредгуд рассказывает о вчерашнем обеде в «Розовой террасе».

— Во-он там сидела, во главе стола, вся такая надутая, прямо чуть не лопалась от гордости.

— Кто?

— Миссис Эдкок.

— Миссис Эдкок?

— Миссис Эдкок! Помните, миссис Эдкок — в лисьих мехах — миссис Эдкок!

Эвелин напрягла память.

— А-а, та богачка.

— Вот-вот, миссис Эдкок, с кольцами.

— Теперь вспомнила. — Эвелин протянула ей пакетик.

— Ой, спасибо, люблю кокосовые. — Старушка откусила кусочек и сказала: — Эвелин, не хотите кока-колы? У меня в комнате найдется немного мелочи, могу вас угостить. Тут в холле есть автомат.

Эвелин покачала головой:

— Нет, спасибо, миссис Тредгуд. А вы хотите?

— Ой, нет, милочка. Вообще-то я люблю колу, но сегодня меня немного пучит, я бы лучше водички попила, если вас не затруднит, конечно.

Эвелин принесла два бумажных стакана с холодной водой.

— Вот спасибо.

— Так что вы говорили о миссис Эдкок?

Миссис Тредгуд посмотрела на нее:

— Миссис Эдкок? А вы её знаете?

— Нет, я не знаю, но вы только что рассказывали, как она чем-то там сильно гордилась...

— А-а, правильно, рассказывала... Так вот, миссис Эдкок за обедом хвасталась, что у неё в доме сплошной антиквариат, она его чуть ли не пятьдесят лет собирала. Сказала, что потратила на это кучу денег. А я и говорю миссис Отис: «Начинала я свою жизнь без гроша, а теперь сама превратилась в бесценный антиквариат. Может, я теперь стою целое состояние».

Старушка даже засмеялась, так ей понравилась собственная шутка, потом задумалась.

— Интересно, а что стало со всей моей кукольной посудой и с тележкой, в которую мы впрягали козла?

По субботам мы все катались на этой тележке, папа Тредгуд специально смастерил её для девочек. Нам это казалось интересней, чем в Париж съездить. Не удивлюсь, если старый козел до сих пор жив. Его звали Гарри... Представляете, козел по имени Гарри! Ел все подряд. — Она улыбнулась. — Однажды Иджи скормила ему целую банку Леониного крема от пота, так он вылизал эту банку, будто его угостили мороженым...

Мы играли в разные игры, но больше всего Тредгуды обожали всякие переодевания. Однажды мама сшила всем девочкам карточные костюмы для конкурса, который устраивали в церкви, и у каждой была своя масть. Я изображала трефы, близняшки — черви и бубны, Эсси Ру — пики, а у Иджи был костюм джокера. Представляете, мы заняли первое место!

А ещё я помню, как однажды на День независимости мы нарядились в платья со звездами и полосками и надели бумажные короны. Мы ели во дворе мороженое домашнего приготовления и ждали, когда начнется фейерверк, и тут появляется Бадди Тредгуд. Спускается по лестнице в матросском платье Леоны и начинает жеманничать. Это он Леону изображал, понимаете? А потом вообще умора была. Эдвард и Джулиан или кто-то другой из мальчишек вытащили на двор шарманку и принялись крутить ручку, зазвучал «Арабский шейх», и Бадди протанцевал вокруг нас неприличный танец. Мы четыре года без смеха не могли об этом вспоминать. Потом, конечно, Бадди извинился перед Леоней, подарив ей крепкий поцелуй... Да, Бадди вы простили бы все что угодно.

А когда стемнело, папа нанял пиротехников и устроил фейерверк для всего города... и цветные из Трутвилля тоже пришли поглазеть. Такое было зрелище, скажу я вам! Эти парни взрывали петарды и залили огнем все небо. И конечно же, мальчишки как сумасшедшие топтали башмаками шутихи. А когда все закончилось, мы вернулись домой и уселись в беседке,

а Эсси Ру брэнчала на пианино. Она играла «Послушай пересмешника», «Нолу» и какие-то другие модные тогда песенки, а Иджи взобралась на дерево и выла на нее.

Мне кажется, Иджи всегда ходила в рабочем комбинезоне и босиком. Конечно, это удобно. Какие уж тут платья, когда она вечно лазила по деревьям, охотилась и ловила рыбу вместе с Бадди и другими братьями.

Бадди говорил, что она стреляет не хуже любого парня. Иджи была симпатичной девчушкой, если, конечно, не считать того случая, когда Бадди постриг её «под ежик». Клянусь, вы бы тогда приняли её за мальчика.

Вообще-то все девочки Тредгудов были красивые. Не то чтобы они никаких усилий к этому не прилагали. Особенно Леона старалась. Она очень серьезно к себе относилась и совершенно не терпела шуток в свой адрес.

Я в их семье была белой вороной: вымахала эдакой дылдой. Даже горбиться немного начала из-за этого. Но мама Тредгуд сказала: «Нинни, Господь сделал тебя высокой, чтобы ты была ближе к небесам». Сейчас-то я уже не такая высокая, как прежде. Старики как-то съеживаются, усыхают, что ли.

А правда, волосы — забавная вещь? Многие на них просто помешаны. Но мне кажется, так уж человек устроен. В Библии часто говорится о волосах: Самсон, и эта женщина из Савы, и девушка, которая Иисусу ноги отерла своими волосами... Вам не кажется странным, что негритянки хотят непременно распрямить свои кудряшки, а мы все время завиваемся? У меня были каштановые, а теперь я пользуюсь краской «Силк энд силвер»^[6] номер пятнадцать... Я как-то брала шестнадцатый, но от него волосы слишком темные получаются, сразу видно, что крашенные.

Ну так вот, я делала на затылке обыкновенный пучок и бежала по своим делам. Но Леона такого себе не позволяла. Как-то раз она крепко поссорилась с Иджи из-за волос. Иджи тогда было, наверно, лет девять-десять. Однажды она пошла в Трутвилль поиграть с цветными ребятишками и притащила домой вшей. Разумеется, всех нас заставили мыть голову этой ужасной смесью серы, керосина и топленого свиного сала. В жизни не слышала столько воплей и визга! Можно было подумать, что Леону сжигают заживо. Она потом долго не разговаривала с бедной Иджи.

В один из таких дней Бадди вернулся домой и увидел, что Иджи сидит совсем кислая. Он как раз собирался вечером на футбол, и уходя, крикнул: «Пошли, Малыш!» И взял её с собой. Прямо на скамейку игроков посадил.

Вот он какой был, наш Бадди...

Думаю, Леона так и не простила Иджи, пока замуж не вышла. Она до самой смерти гордилась своей внешностью. Как-то в «Макколлсе»^[7] она прочла статью, где говорилось, что от злости и ненависти могут появляться морщины. Она без конца шипела на Иджи, мол, та её уморить хочет, но при этом у неё с лица не сходила улыбка.

Конечно, Леона отхватила себе богатого муженька и устроила шикарную свадьбу. Она страшно боялась, что Иджи испортит всю церемонию, но зря она так переживала: Иджи почти весь день провела с семьей конюха и всех там очаровала, они в неё прямо влюбились. Даже в детстве она была обаятельна, как все Тредгуды. И никто в мире не мог сравниться в этом с Бадди.

Миссис Тредгуд на секунду замолчала, чтобы глотнуть воды, и вдруг по её лицу пробежала тень.

— Знаете, это кокосовое пирожное напомнило мне о пикнике в тот ужасный день.

Я была обручена с Клео, значит, семнадцать мне уже стукнуло. Это был июнь, суббота, мы тогда здорово повеселились на пикнике, который устроила наша церковь. В тот день уезжали ребята из андалузской баптистской церкви, и мама с Сипси напекли по этому случаю штук десять кокосовых пирогов. Мальчики нарядились в белые костюмы, а Клео купил в папином магазине новую соломенную шляпу, и Бадди почему-то выклянчил её у Клео на денек.

После пикника Эсси Ру и я вернулись домой с блюдами от пирогов, а мальчики отправились на станцию с ребятами из Андалузии — они всегда ходили провожать их. Мама на заднем дворе собирала инжир. Я была с ней, когда это случилось...

Мы слышали, как тронулся поезд, но едва он отъехал, раздался свисток. Поезд с визгом и скрежетом затормозил, и в тот же миг закричали девчонки.

Мама внезапно схватилась за сердце, упала на колени и воскликнула: «Нет, только не мой ребенок! Боже милосердный, только не мой!»

Папа Тредгуд услышал из магазина шум и побежал к станции, а мы с мамой стояли на крыльце. Потом несколько человек отделились от толпы у путей и направились в нашу сторону. Я как увидела соломенную шляпу в руках Эдварда, так сразу поняла: Бадди!

Он в тот день флиртовал с красоткой Мэри Миллер, и, когда поезд тронулся, он шагнул на рельсы, щегольски надвинув шляпу на лоб, и послал ей свою самую обворожительную улыбку. И тут как раз свисток...

Говорят, он даже не услышал, как сзади подъехал паровоз. Боже мой, и зачем Клео дал ему эту треклятую шляпу! — Она покачала головой. — Вы не представляете, нас как будто всех задавило. Но больше всех убивалась Иджи. Ей было тогда, кажется, лет двенадцать-тринадцать, и в тот день, когда это случилось, она была в Трутвилле, играла в футбол. Клео пришлось ходить за ней.

Я никогда не видела, чтобы так горевали. Я думала, она прямо за ним следом умрет. На неё невозможно было смотреть. В день похорон она убежала. Не выдержала. А вернувшись, поднялась наверх, заперлась в комнате Бадди и сидела там, пока все не закончилось, просто сидела одна в темноте. Потом собрала вещи и ушла жить к Сипси в Трутвилль... Но, знаете, она так ни разу и не заплакала. Ей было слишком больно, чтобы плакать. Странно, иногда сердце продолжает биться даже когда разбито.

Мама Тредгуд очень переживала за нее, но папа велел всем оставить её в покое, мол, пусть делает что хочет. Конечно, Иджи после этого страшно изменилась. Только после знакомства с Руфью она стала понемногу приходить в себя. Но я знаю, она так и не смогла до конца пережить эту смерть... и никто из нас не смог.

Нет, не хочу больше об этом говорить, слишком печально, зря только вас расстроила. И кроме того, Бог никогда не запирает дверь, пока не откроет другую. Я думаю, Он потому и послал к нам Руфь в то лето.

Воззрит Он и на воробья,
Как Он может не видеть меня?

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

*«Бюллетень Полустанка»
1 декабря 1931 г.*

РАДИОЗВЕЗДА ПОЛУСТАНКА

Что нам Голливуд! Каждый день в 6.30 утра, в радиопередаче «Время королевского бисквита», вы можете услышать нашу собственную Эсси Ру Лаймуэй, она ещё играет на органе в баптистской церкви и аккомпанирует

квартету «Парики для веселых красотонок». На радио Эсси участвует в рекламе кампании «Органы и рояли Стэнли Чарльза». Когда мистер Чарльз говорит: «Помните, я могу поддержать у себя ваш орган или рояль до Рождества», в это самое время наша Эсси Ру играет «Колокольчики звенят». Так что слушайте.

Эсси сказала, что у Стэнли Чарльза в этом году склады полностью забиты инструментами, которые надо поскорее продать. А ещё она говорит, что достаточно упомянуть её имя, и вам сделают скидку. Магазин расположен в центре Бирмингема, рядом со стоянкой машин, напротив забегаловки Гаса, где торгуют хот-догами.

Кстати, от вывески салона красоты миссис Опал отвалилась буква «О» и едва не угодила в голову миссис Бидди Луис Отис. На что Опал заявила: «Хорошо, что она не пострадала, но разве не совпадение, что фамилия миссис Отис тоже начинается с „О“?» Джулиан обещает на неделе приладить упавшую букву, но Бидди говорит, что отныне она будет ходить только с черного хода.

Дот Уимс

Р. С. Опал просила сообщить, что к ней поступила партия накладных кудрей. «Если вам есть куда добавить локон-другой, то милости прошу», — сказала она.

РОДС-СЕРКЛ, 212

*Бирмингем, штат Алабама
5 января 1986 г.*

Запершись в комнате для шитья, Эвелин Коуч доедала вторую порцию шоколадного мороженого «Баскин-Роббинс» и тупо разглядывала в беспорядке сваленные на стол выкройки фирмы «Баттерик», к которым не притрагивалась со дня покупки, совершенной в порыве творческого энтузиазма. Эд в кабинете смотрел футбол, и слава Богу, поскольку стоило ей взять в рот какой-нибудь кусок пожирнее, как он смотрел на неё с наигранным удивлением и спрашивал: «Разве твоя диета это позволяет?»

Она соврала мальчишке из «Баскин-Роббинс», сказав, что мороженое

берет для внуков. Нет у неё никаких внуков.

Эвелин было сорок восемь, и она чувствовала себя совершенно потерянной. Слишком уж быстро все изменилось. Пока она растила двух долгожданных детей — мальчика для мужа и девочку для себя, — мир стал совершенно другим, она ничего вокруг не узнавала.

Она перестала понимать шутки, они казались ей глупыми. А язык — это же какой-то тихий ужас! Эвелин за всю свою жизнь ни разу не сказала нецензурного слова. Теперь она смотрит только старые фильмы да повторение «Шоу Люси».^[8] Когда началась война во Вьетнаме, она поверила Эду: по его словам выходило, что война эта правильная и необходимая, а кто против нее, тот коммунист. Потом, много позже, она наконец решила для себя, что эта война была не такой уж и правильной, но на экране уже мельтешила Джейн Фонда со своей аэробикой, и в любом случае мнение Эвелин никого не интересовало. У неё до сих пор зуб против этой Фонды. Хорошо бы она убралась с телевидения и перестала мотать перед носом своими тощими ногами.

Нельзя сказать, что Эвелин совсем опустила руки, нет. Она старалась, чтобы сын рос добрым и отзывчивым, но Эд ужасно напугал её, сказав, что при таком воспитании мальчик просто станет педиком. Эвелин тогда специально стала отдаляться от сына, и теперь он казался ей совершенно чужим.

Дети были не очень близки с ней. Дочь Джанис в свои пятнадцать знала о сексе больше, чем Эвелин сейчас. Да, что-то у неё в жизни разладилось.

В школе все было просто и понятно: есть хорошие девочки и есть плохие, и каждый знал, кто есть кто. Кто не с нами, тот против нас. Она принадлежала к «благородным», к элите. Не знала даже имен тех, кто играл в школьном оркестре. На мальчиков в узких брюках не смотрела, как, впрочем, и на их подружек в прозрачных нейлоновых кофточках и с браслетами на щиколотках. Мальчики её круга стриглись «под ежик» и носили застегнутые под горло жесткие полотняные рубашки и защитного цвета форму, а девочки ходили в блузках фирмы «Шип энд шор» с круглыми значками женского клуба. Они с подругами выкуривали по одной сигарете «Кент» на девичниках и лишь иногда позволяли себе пиво на вечеринках с мальчиками, но не более того. Никакого лапанья, никаких обжиманий.

Эвелин чувствовала себя полной дурой, когда пришла с дочерью подбирать ей противозачаточный колпачок. Сама Эвелин ждала до первой брачной ночи. А какой это был удар! Ее никто не предупредил, что будет

так больно.

Она до сих пор не получает от секса никакого удовольствия. Стоит ей хоть немного расслабиться, дать себе волю, как перед глазами возникает образ «плохой девочки».

Она-то всегда была хорошей, держалась как леди, ни разу в жизни не повысила голос и доверяла всем без разбору. Считала, что где-то там, потом, её ждет за это награда, своего рода приз. Но когда Джанис спросила, спала ли она с кем-нибудь кроме мужа, и она ответила: «Боже мой, конечно нет!», её дочь воскликнула: «Ой, мам, какая глупость! Ты ведь даже не знаешь, хорош ли он в постели. Бедняжка!»

Что правда, то правда. Она не знала.

Как же так получается? Живешь, стараешься, а потом, после стольких лет жизни, выясняется, что вовсе не так и важно, хорошо ты себя вела или плохо. Девочки из колледжа, которые прошли огонь, воду и медные трубы, отнюдь не закончили свои дни на задворках общества, и никто их не презирал, как предполагала Эвелин. Они повыходили замуж — удачно или не слишком удачно — как и все остальные, не хуже и не лучше. А значит, её старания остаться чистенькой, страх, что до тебя дотронутся, страх, что из-за одного твоего неосторожного жеста какой-нибудь мальчик посчитает тебя доступной, животный страх забеременеть — все это было напрасной тратой сил и нервов! Нынешние кинозвезды нарожали себе вагон внебрачных детишек и называют их как хотят, например Лунный Луч или Солнечное Перо.

И какую же награду она получила за свое благоразумие? Ей все время внушали, что нет ничего хуже пьяной женщины, и она никогда не позволяла себе больше одной порции виски. А нынче сливки общества танцуют в «Клубе Бетти», фотографируются Бог знает в чем и таскаются по вечеринкам. Она часто спрашивала себя, ходят ли к «Бетти» люди, у которых имеется фунтов двадцать пять лишнего веса.

Однажды дочь угостила её сигаретой с марихуаной, но, едва почувствовав горячие толчки изнутри, она перепугалась и больше не пробовала. Нет, наркотики не для нее.

Эвелин часто спрашивала себя, есть ли на белом свете такие же люди, как она, и где её место?

Лет десять назад, когда Эд завел себе подружку, — она работала вместе с ним в страховой компании, — Эвелин записалась в группу «Полноценные женщины». Хотела спасти брак. Нельзя сказать, чтобы она сильно любила Эда, но и терять его ей не хотелось. А кроме того, надо же было хоть чем-то заняться. К тому времени они прожили вместе столько же

лет, сколько Эвелин жила до свадьбы с родителями.

В этой группе полагали, что женщина может стать счастливой только если расшибется в лепешку ради мужниного счастья.

Руководитель убеждала их; что все эти богатые, сделавшие удачную карьеру женщины только с виду такие благополучные. На самом деле они страшно одиноки и в глубине души завидуют какой-нибудь простушке с её незатейливым домашним уютом.

С большим трудом Эвелин удалось вообразить, как Барбара Уолтерс,^[9] например, бросает все ради Эда Коуча. Надо сказать, она не отличалась особой религиозностью, но тем не менее мысль, что Библия поддерживает тебя в те минуты, когда ты стелешься перед супругом ковриком для ног, приносила ей некоторое успокоение. И разве не апостол Павел сказал, что женщине надлежит не соперничать с мужчиной, а молча повиноваться?

Посему окрыленная надеждой Эвелин начала восхождение на «Десять ступеней к полному счастью». Чтобы одолеть первую ступень, она в один прекрасный день встретила Эда голая, завернувшись в целлофановую упаковку для макарон. Но Эд отреагировал не совсем так, как предполагалось: он ринулся в дом и поскорей захлопнул за собой дверь: «Боже правый, Эвелин! А если бы это оказался почтальон! Ты что, совсем сбрендил?»

Средство номер два — отправиться к нему в работу, одевшись как проститутка, она так и не решилась применить.

Вскоре их руководитель Надин Фингерхат развелась, ей пришлось устраиваться на работу, и группа распалась. А потом Эд перестал встречаться с той женщиной, и все пошло своим чередом.

Некоторое время спустя, в поисках чего-нибудь для души, Эвелин попыталась ходить в Общественный женский центр. Ей понравились тамошние жизненные принципы, но про себя она подумала, что этим женщинам не помешало бы хоть немного подкрашивать губы и брить ноги. Она единственная явилась на собрание в полном макияже, в колготках и с серьгами в ушах. Она была бы не прочь остаться в их компании, но когда одна дама предложила на следующей неделе всем принести с собой зеркальце, чтобы изучать свое влагалище, Эвелин запаниковала и больше туда не пошла.

Эд уверял, что эти женщины — просто сборище старых дев с несбывшимися надеждами, слишком уродливых, чтобы подцепить хоть какого-нибудь мужчину. Так она и продолжала жить со своей неприязнью к целлофановым упаковкам и со своим страхом заглянуть в собственное влагалище.

Однажды они с Эдом отправились на праздник в честь тридцатилетия их колледжа. Эвелин очень надеялась встретить хоть одну родственную душу, чтобы было кому поплакаться в жилетку. Но собравшиеся там женщины смущались не меньше неё и жались к своим мужьям и коктейлям, чтобы случайно не потеряться в толпе. Похоже, все её сверстники балансируют на заборе, не зная, в какую сторону спрыгнуть.

После той вечеринки она часами рассматривала старые школьные фотографии, а потом начала ездить по местам, где когда-то жила.

Эд махнул на неё рукой. Он все сильнее напоминал своего отца, пытался вести себя так, как, по его мнению, должен вести себя хозяин дома, и с годами становился все более замкнутым. По субботам он совершал долгие, одинокие прогулки вокруг своей страховой компании, все искал чего-то, а чего — и сам не знал. Как и все мужчины, Эд ездил на охоту, рыбалку, смотрел футбол по телевизору, но она начала подозревать, что он тоже всего лишь играет свою роль.

Эвелин с тупым удивлением глядела в пустую коробку из-под мороженого, не понимая, куда могла подеваться та улыбающаяся девочка со старой школьной фотографии.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

2 ноября 1932 г.

В ПОЛУСТАНКЕ ОТКРЫЛСЯ ПОРОСЯЧИЙ КЛУБ

С одобрения Алабамской службы внедрения научных методов ведения сельского хозяйства у нас открылся Поросячий клуб. За дополнительной информацией звоните домой миссис Берте Вик. Берта говорит, что мисс Зула Хайт из Киттрела, Северная Каролина, всего за семь дней сумела заработать чистокровную китайскую свинью с родословной, и вы можете сделать то же самое, если как следует пошевелите мозгами. Она утверждает, что чистокровная свинья — свидетельство вашей оригинальности и принадлежности к кругу избранных, а кроме того, первый шаг на пути к богатству. Такая свинья станет основой вашего благосостояния, на всю жизнь обеспечит хороший доход, и в старости вы не будете знать нужды.

Иджи купила для кафе новый радиоприемник и говорит, что если найдутся желающие послушать передачу «Эймос и Энди»,^[10] то милости просим, приходите, и даже необязательно что-нибудь заказывать. Она уверяет, что слышно прекрасно, особенно по ночам.

Кстати, никто не знает, как избавиться от собачьих следов на бетонной дорожке? Если знаете, позвоните, пожалуйста, или зайдите ко мне на почту, поделитесь опытом.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
12 января 1986 г.*

Эвелин открыла сумочку, достала сверток с сэндвичами с острым сыром, которые она прихватила из дому, и протянула один миссис Тредгуд.

Старушка просияла.

— Вот спасибо! Обожаю сэндвичи с сыром и перцем. Признаться, я люблю красивую еду, а этот сыр такой аппетитный симпатяга. И красный перец тоже люблю. А когда-то обожала засахаренные яблоки, но теперь мне их нельзя: зубы. Вообще, если подумать, то мне все красное нравится.

Она задумалась.

— У нас была красная курица, её звали Сестренка. Каждый раз, когда мне надо было идти на задний двор, я ей говорила: «Сестренка, не клюй мне ноги, девочка, а то запеку тебя в тесте». И знаете, она кивала, квохтала и отходила в сторонку. Она всех клевала, кроме меня и моего малыша Альберта. Мы даже во время Великой депрессии не смогли съесть эту курицу, и она умерла от старости. Когда я попаду на небо ко всем нашим, то, надеюсь, Сестренка и енот Кок тоже там будут. И старушка Сипси меня, небось, ждет не дождется.

Понятия не имею, откуда появилась Сипси... про негров этого никогда не знаешь. Ей было лет десять-одиннадцать, когда она начала работать у мамы Тредгуд. Пришла со стороны Трутвилля, это негритянский квартал за железнодорожными путями, сказала, что её зовут Сипси Пиви и что она ищет работу. Мама сразу её и взяла. Все дети Тредгутов у неё на руках выросли.

Сипси была маленькая, тощая и забавная. И ужасно суеверная. Ее мать была рабыней, и Сипси до смерти боялась сглазов и наговоров. Она рассказывала, что их знакомая в Трутвилле каждую ночь подсыпала соседу в ботинок желтый приворотный порошок, а дело кончилось тем, что бедняга потерял всю свою мужскую силу. Приворожила, называется.

Но больше всего на свете она пугалась, когда видела головы животных. Принесешь, бывало, ей курицу, или рыбу, или поросенка, которого зарезал Большой Джордж, так она к ним ни за что не притронется, пока не похоронит в саду голову. Говорит, если голову не закопаешь, в тебя вселится душа этого животного и ты станешь бешеной. Однажды папа забыл об этом и притащил домой голову поросенка, так Сипси завопила как резаная, убежала и не возвращалась, пока её подруга не поколдовала и не очистила дом. Она, наверно, не одну сотню голов в саду закопала. А знаете, у нас из-за этого росли самые большие в городе помидоры, и окра, и тыквы. — Она засмеялась. — Бадди называл наш сад рыбоголовым.

Но несмотря на все эти чудачества, в штате Алабама не было лучшего повара. Уже в одиннадцать лет Сипси готовила самые вкусные соусы и жареных цыплят, фруктовые пироги и печенье, репу и горох. А плюшки у неё получались такие воздушные, что, казалось, вот-вот взлетят под потолок, и вам придется их ловить, чтобы съесть. В кафе все делалось исключительно по её рецептам. Это она научила Иджи и Руфь готовить.

Не знаю, почему у Сипси не было собственных детей. Я не встречала человека, который любил бы детей больше, чем она. Все негритянки из Трутвилля оставляли ей своих ребятишек, а сами уходили на всю ночь веселиться. Знали, что Сипси позаботится о них наилучшим образом. Она говорила, что нет большего счастья, чем баюкать младенца. Могла всю ночь напролет петь колыбельную и качать ребенка, а то и сразу двоих, и просто умирала от желания иметь своего.

Однажды в ноябре, незадолго до Дня благодарения, — мама рассказывала, что был мороз, и деревья стояли голые, — так вот, Сипси наверху застилала кровати, и вдруг прибежала её подруга и, страшно волнуясь, выпалила, что там, на станции, одна девушка из Бирмингема отдает своего ребенка, и поезд вот-вот тронется.

Сипси со всех ног бросилась вниз и, как была, в легком платье, выскочила на улицу. Мама Тредгуд закричала ей вслед, чтобы хоть пальто накинула, но Сипси сказала: «Нет время, мисс Тредгуд. Я должна взять это дитя!» Мама стояла у порога и ждала. Вскоре поезд отошел, и появилась Сипси. Она улыбалась от уха до уха, ноги у неё были в кровь ободраны о колючий кустарник, а в руках она несла толстущего и чернущего младенца,

завернутого в салфетку с надписью: «Отель Дикси, Мемфис, Теннесси». Сипси объяснила, что эта девица возвращалась к себе домой и не могла показаться там с ребенком, поскольку её муж уже три года как в тюрьме.

Мы так и не узнали имя мальчика. Сипси сказала, что раз он появился с поезда, то пусть его зовут Джордж Пульман Пиви — в честь человека, который изобрел пульмановский вагон. Неизвестно, кто его отец, но наверняка он был гигантом, потому что Джордж вымахал до шести футов четырех дюймов,^[11] а весил целых двести пятьдесят фунтов.^[12]

Когда он был ещё совсем мальчишкой, папа Тредгуд взял его в свой магазин и обучил на мясника. Уже в десять лет он умел разделать свинью, и Сипси ужасно им гордилась. Она не могла бы любить его сильнее, будь он даже её собственным сыном. Часто обнимала его и говорила: «Милый, хоть ты и не родной мне, а все равно что мой».

Когда Большой Джордж угодил под суд, она каждый день ходила на судебные заседания, не важно, дождь на улице или солнце... А ведь ей тогда уже было под девяносто. Хотя по негру никогда не заметно, сколько ему лет.

Еще она все время пела. «В багажном вагоне вперед и вперед», «Утренним поездом еду я домой»... И всегда что-нибудь про поезда. Перед смертью она сказала Большому Джорджу, что ей приснился Иисус весь в белом, он был проводником поезда-призрака и приехал забрать её на небеса.

Я вам скажу, что в восемьдесят лет она ещё готовила в кафе, и неплохо это делала. Большинство посетителей ходили туда только из-за её стряпни. И уж конечно, не для того, чтобы полюбоваться нашим кафе. Когда Иджи и Руфь купили его, это была большая, страхолюдная развалюха. Знаете где? Напротив железнодорожных путей, рядом с почтой, где работала Дот Уимс.

Я хорошо помню тот день, когда они перебрались в кафе. Мы все пришли помогать, Сипси подметала пол и вдруг заметила, что Руфь вешает на стену репродукцию «Тайной вечери». Она бросила веник, долго смотрела на картину, а потом спросила:

«Мисс Руфь, это кто же такой сидит за столом рядом с мистером Иисусом?»

Руфь так ласково ей отвечает: «Ну как же, Сипси, это ведь мистер Иисус и его братья». А Сипси глянула на неё и говорит: «Да ну! А я чего-то думала, что у мисс Марии был только один сын», — и снова взялась за веник. Мы чуть не померли со смеху. Сипси прекрасно знала, что изображает «Тайная вечеря». Просто ей нравилось дурачить людей.

Джулиан и Клео соорудили в зале четыре деревянные кабинки и

пристроили сзади жилую комнату для Иджи и Руфи. Стены кафе обшили сосновыми досками, а пол остался прежним, из старого дерева.

Руфь сначала пыталась украсить кафе. Повесила картину с парусником в лунном свете, но Иджи сняла её и прикрепila рисунок с собаками, которые сидели за карточным столом, дымили сигарами и играли в покер. А внизу подписала: КЛУБ «МАРИНОВАННЫЙ ОГУРЕЦ». Они потом стали так называть свой сумасшедший клуб, который Иджи устроила вместе со своим дружкой Грэди Килгором. Еще она развесила рождественские украшения — их потом так и не сняли — и прилепила старый железнодорожный календарь. Вот и все.

В кафе было только четыре стола и несколько не слишком надежных стульев. — Миссис Тредгуд засмеялась. — Вечно садишься и не знаешь, выдержит тебя стул на этот раз или развалится. Кассового аппарата у них не было. Деньги хранили в коробке из-под сигар, из неё же и сдачу давали. На стойке лежали картофельные чипсы, фотографии известных футболистов, расчески, жевательный табак, наживка для рыбы и маленькие дудочки из кукурузного початка.

Иджи открывала кафе на рассвете и не закрывала, пока, по её словам, последняя собака не наестся. Большая сортировочная станция была всего в двух кварталах, и все железнодорожники ели в этом кафе, и цветные, и белые. Только цветных обслуживали с черного хода. Конечно, многие выражали недовольство, что она продает еду неграм, и нередко из-за этого бывали стычки. Но она говорила: «Никто не смеет указывать, что мне можно делать, а чего нельзя». Клео сказал, что она в одиночку решила бороться со всем ку-клукс-кланом, и возражать ей бесполезно. Вот так и получилось, что наша милая, добродушная Иджи обернулась храбрым рыцарем и ринулась в неравный бой.

КАФЕ «ПОЛУСТАНОК»

Полустанок, штат Алабама

22 марта 1933 г.

Иджи пила кофе и болтала со своим бродячим другом Смоки. Сипси и Онзелла на кухне жарили зеленые помидоры для целой толпы, которая должна была собраться к обеду, ровно в 11.30, и слушали по радио «Евангелический час. Крылья над Иорданом», когда в дверь кухни

постучал Осия Смит. Сипси вышла в зал, вытирая руки передником.

— Мисс Иджи, тут черный юноша просится поговорить с вами.

Иджи подошла к москитной сетке и увидела Осию, своего приятеля из Трутвилля, который работал на сортировочной станции.

— А-а, Осия, привет. Как поживаешь?

— Осия хорошо поживает, мисс Иджи.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Мисс Иджи, нас целая куча ребят вон там, во дворе. Мы вашу барбекю уже два месяца каждый день нюхаем и просто с ума сходим, вот мы и подумали, может, мисс Иджи продаст нам несколько сандвичей с барбекю? У меня с собой деньги есть.

Иджи вздохнула и покачала головой.

— Осия, дружище, будь моя воля, я бы вас пригласила зайти и за стол усадила бы, но сам понимаешь, не могу я этого.

— Да, мэм.

— В городе орудует банда, которая за минуту все тут дотла спалит, а мне ещё жить не надоело.

— Да, мэм.

— Но ты пойди и скажи своим ребятам, что если им что-нибудь понадобится, пусть не стесняются и приходят с черного хода в любое время.

Он просиял.

— Да, мэм.

— Сипси вам все подаст.

— Да, мэм, спасибо.

— Сипси, дай им барбекю и что там ещё им надо, пусть скажут. И пирога не забудь.

Сипси проворчала вполголоса:

— Ох, накличете вы беду на свою голову с этими ку-клуксами, а меня убьют до смерти. И вы меня больше никогда не увидите, нет, мэм.

Но сандвичи все-таки приготовила и ещё дала виноградного вина и пирога, положив все покупки в бумажный пакет вместе с салфетками.

Дня через три в кафе вошел запыхавшийся Грэди Килгор, огромный, как медведь, местный шериф и по совместительству железнодорожный детектив. Он когда-то дружил с Бадди, братом Иджи.

Грэди повесил шляпу на вешалку и сказал Иджи:

— Есть разговор.

Она принесла кофе и села напротив. Грэди навалился грудью на стол и приступил к своим нелегким обязанностям.

— Иджи, тебе не следует продавать еду черным, и ты это не хуже меня знаешь. В городе есть парни, которые не очень-то это дело приветствуют. Никто не желает обедать в помещении, куда заходят черные, это неправильно, и вообще, ты не должна этого делать.

Иджи немного помолчала и кивнула головой в знак согласия.

— Ты прав, Грэди, я и сама прекрасно знаю, что не должна этого делать.

Грэди откинулся на спинку стула и с облегчением вздохнул. Но она продолжала:

— Смешно получается, правда, Грэди? Вечно люди делают то, чего им не следует делать. Возьми, например, себя. По-моему, многие считают, что в воскресенье после службы тебе не следует ходить к реке на свидания с Евой Бейтс. Глэдис наверняка считает, что тебе не надо этого делать.

Мало того что Грэди, помимо всего прочего, отправлял службу в баптистской церкви, он ещё и был женат на Глэдис, в девичестве Моутс, которая славилась на редкость вспыльчивым характером.

— Перестань, Иджи. Это совсем не смешно.

— А по-моему, смешно. Почти так же смешно, как шайка взрослых лбов, которые, накачавшись для храбрости виски, накручивают простыни себе на башку.

Грэди позвал Руфь, стоявшую за стойкой:

— Руфь, сделай милость, подойди сюда и одолжи ей хоть немного здравого смысла. Я пытаюсь уберечь её от серьезных неприятностей, а она не хочет меня слушать. Я не буду называть имен, но кое-кто не желает, чтобы она продавала еду черномазым.

Иджи закурила «Кэмел» и улыбнулась.

— Вот что я тебе скажу, Грэди. В следующий раз, когда эти кое-кто заявятся сюда — Джек Баттс, например, или Уилбур Уимс, или Пит Тидуэлл, — я скажу им: если вы не хотите, чтобы весь город узнал, кто скрывается под этими дурацкими простынями, то почему бы вам не сменить башмаки, когда в следующий раз отправитесь на свои идиотские сборища?

— Иджи, да погоди ты...

— Черт возьми, Грэди, меня не одурачишь. Да я где угодно узнаю эти здоровенные башмаки.

Грэди взглянул на свои ботинки. Он как-то растерял весь свой пыл.

— Ну хватит, Иджи. Должен же я им что-то ответить. Так как, прекратишь ты это или нет? Руфь, да подойди же ты сюда, помоги мне сдвинуть с места эту упрямую ослицу.

Руфь подошла к столу.

— Ой, Грэди, ну какой может быть вред от нескольких сандвичей, которые мы продали с черного хода? Это же не то чтоб они зашли сюда и сели с вами за один стол.

— Ну не знаю, Руфь... Надо будет поговорить с ребятами.

— Никому они не мешают, никого не трогают...

Грэди задумался.

— Ладно, шут с вами. — Он погрозил Иджи пальцем: — Но чтобы только с черного хода, слышишь?

Грэди поднялся, надел шляпу и снова повернулся к Иджи:

— Покер-то в пятницу состоится?

— Ага, в восемь. И захвати побольше денег, я чувствую, мне повезет.

— Я скажу Джеку и остальным... Пока, Руфь.

— Пока, Грэди.

Иджи покачала головой, глядя ему вслед.

— Жаль, Руфь, что ты не видела, как этот здоровый бугай, пьяный как собака, три дня подряд ревел у реки не хуже ребенка, когда умер Джо, старый негр, который его вырастил. Клянусь, я не понимаю, почему люди перестали использовать свои мозги по назначению. Ты только подумай: этим ребятам противно сесть за стол с черным, но зато они преспокойно едят яйца, вылезшие прямо из куриной задницы.

— Фу, Иджи!

Иджи засмеялась:

— Прости, но иногда они меня просто бесят.

— Знаю, дорогая. Постарайся не принимать это близко к сердцу. Люди так устроены, и ничто в мире их не изменит. Даже ты.

Иджи улыбнулась и подумала: «Что бы со мной стало, если бы не Руфь, с которой всегда можно выпустить пар». Руфь тоже улыбнулась.

Обе понимали — надо что-то делать. И на следующий день блюда в меню, висевшем на двери черного хода, стали на пять-десять центов дешевле. Они решили, что так будет справедливо.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

6 апреля 1933 г.

В КАФЕ ПОМЕНЯЛОСЬ МЕНЮ

Постоянные посетители кафе, заглянув на прошлой неделе в меню, сильно удивились: помимо всего прочего там значилось филе опоссума, ребро скунса, козлиная печень с луком, пудинг с лягушатиной и пирог с паштетом из грифа.

Одна семейная пара приехала аж из самого Гейт-сити только ради того, чтобы пообедать. Они прочитали меню, развернулись и успели отойти на полквартила, когда Иджи открыла дверь и прокричала: «Первое апреля — никому не верю!»

Этой супружеской паре из Гейт-сити за причиненный моральный ущерб кроме обеда бесплатно подали пирог с кокосовым кремом.

Кстати, моя дражайшая половина на днях впустил в дом одну из своих охотничьих собак. Псина приволокла кость, и, представьте себе, я поскользнулась на ней и сломала на ноге большой палец. Доктор Хэдли положил гипс, но теперь мне приходится являться на работу в тапочках, и я не могу ходить собирать новости. Так что если у вас есть интересные сообщения, приносите мне их сами на почту.

Дот Уимс

РОДС-СЕРКЛ, 212

*Бирмингем, штат Алабама
19 января 1986 г.*

Опять наступило воскресенье, и Эвелин с мужем собирались в приют. Эвелин сняла с огня кофейник и подумала: «Хорошо бы сегодня никуда не ездить». Но когда дело касалось матери, Эд был непреклонен, так что она даже не решилась заикнуться о том, как ей не хочется тащиться в такую даль ради того, чтобы сказать «здрасьте» вечно ноющей, требовательной свекрови.

Для неё эти поездки были пыткой. Она ненавидела запах болезни, лизола, смерти. Это напоминало ей о матери, о докторах и больницах.

Эвелин было сорок, когда умерла мама. Тогда она и начала бояться смерти. Теперь, открывая по утрам газету, она первым делом, не заглянув

даже в свой гороскоп, читала колонку некрологов. Сообщения, где усопшему было лет семьдесят-восемьдесят, приносили ей облегчение, а если покойник доживал до девяноста, она искренне радовалась и чувствовала себя в некоторой безопасности. Но стоило ей прочесть о смерти сорока- или пятидесятилетнего человека, — и целый день она чувствовала себя не в своей тарелке, особенно если в конце некролога семья усопшего просила присылать пожертвования в Общество борьбы с раком. Но хуже всего на неё действовали сообщения, в которых причина смерти не объяснялась.

После непродолжительной болезни... Какой?

Скоропостижно скончался... От чего?

Какой именно несчастный случай?

Она хотела, чтобы все было написано подробно, черным по белому. Никаких предположений и недомолвок. Особое отвращение она испытывала, если семья просила направлять пожертвования в Общество защиты животных. Что это значит? Человек умер от бешенства? Собака укусила?.. или кошка поцарапала?

Но все-таки большинство просьб о пожертвованиях относились к Обществу борьбы с раком. Она удивлялась, почему ей приходится жить в теле, которое стареет, ломается и болит? Почему было не поселиться внутри доски? Или в печке? Или в стиральной машине? Куда лучше иметь дело с обыкновенным мастером, с электриком, например, или водопроводчиком, чем позволять врачам тебя трогать. Когда у неё начались родовые схватки, доктор Клайд, акушер, стоял над ней и врал прямо в лицо:

— Миссис Коуч, вы позабудете об этой боли, как только увидите своего малыша. Так что поднатужьтесь немного, и все. Вы об этом даже не вспомните, поверьте мне!

Какая ложь! Она помнит каждый спазм — такая была запредельная, невыносимая боль — и ни за что не стала бы рожать второго ребенка, если бы не настойчивые просьбы Эда. И ещё одна ложь: второго родить оказалось ничуть не легче, чем первого, даже труднее, поскольку уже знаешь, что тебе предстоит. Она злилась на Эда все девять месяцев, и слава Богу, у них теперь есть Томми, потому что больше — ни за что, никогда! Насколько, конечно, это от неё зависит.

Всю жизнь она боялась врачей. Сначала относилась к ним с недоверием, а теперь — с ненавистью, отвращением и презрением. С тех пор как в палату, где лежала её мать, с важным видом вошел тот доктор с историей болезни под мышкой...

Щуплый, костлявый бог в дешевом костюме и тяжелых башмаках.

Такой самодовольный, такой весь значительный, с порхающими вокруг медсестричками — гейши, да и только! Он даже не был маминым лечащим врачом, просто совершал утренний обход. Эвелин стояла у постели, держа маму за руку. Войдя, он не счел нужным представиться.

Она сказала:

— Здравствуйте, доктор. Я её дочь, Эвелин Коуч.

Не отрывая взгляда от записей, он громко произнес:

— У вашей матери быстро прогрессирующий рак легких, метастазы в печени, поджелудочной железе и селезенке с некоторыми признаками распространения процесса на костный мозг.

До этого мама даже не подозревала, что у неё рак. Эвелин не хотела, чтобы она знала, она и так была достаточно напугана. До самой смерти Эвелин не забудет выражение животного ужаса на мамином лице и этого доктора, который шествовал по коридору, упиваясь своим величием. Через два дня мама впала в кому.

Она запомнила и эти серые, стерильные бетонные стены комнаты ожидания в отделении реанимации, где она просидела несколько недель, нервничая и смущаясь, как и остальные посетители. Они знали, что их родные лежат в соседней комнате — холодной, лишенной солнечного света — и ждут смерти.

А они сидят здесь, совершенно чужие друг другу люди, в крошечном замкнутом пространстве, вынужденные быть на виду в самый сокровенный, самый болезненный момент своей жизни. Не знают, что говорить, как себя вести. Никакие правила этикета здесь не действовали. Никто не подготовил их к такому тяжелому испытанию. Эти несчастные, перепуганные и смущенные, как и она сама, люди были почти в шоке, но, храбрясь, говорили о повседневных заботах, о том, что все будет хорошо.

Родственники одной пациентки так боялись, что не могли заставить себя поверить, что умирающая за стеной женщина — их мать. Называли её «наш пациент» и спрашивали Эвелин, как дела у «ее пациента», отодвигая от себя правду как можно дальше и стараясь смягчить боль.

Ежедневное совместное ожидание. Ожидание того страшного момента, когда их вызовут, чтобы принять решение — отключать систему или нет.

— Так будет лучше...

— Чтобы поскорее отмучились...

— Они бы сами этого хотели...

— Врачи говорят, что они уже умерли...

— Это только техническая сторона дела...

Техническая сторона дела?

Спокойные, взрослые рассуждения... А на самом деле хотелось одного — кричать и звать маму, милую маму, единственного человека на всем белом свете, который любил её так, как никто в мире больше не полюбит.

В ту субботу врач заглянул в комнату ожидания. Все разговоры смолкли, все глаза прикованы к его лицу. Он оглядел сидевших.

— Миссис Коуч, можно вас на минуту в мой кабинет?

Пока она дрожащими руками собирала сумку, сердце её колотилось, остальные глядели на неё с сочувствием, а какая-то женщина ласково тронула её за плечо, но все они мысленно благодарили Бога, что пришли не за ними.

Словно под гипнозом, Эвелин внимательно слушала врача. Он говорил об этом как о чем-то простом и естественном: «Нет смысла продолжать мучения...»

По его словам выходило, что это самое разумное решение. Она поднялась как зомби и пошла домой. Ей казалось, что она готова смириться и отпустить маму.

Готова?! Да нет же, никто не может просто взять и отключить аппарат, поддерживающий жизнь матери, и нет этому оправдания. Выключить свет своего детства и уйти, словно погасить лампу и выйти из комнаты.

Она никогда не простит себя за то, что не хватило смелости вернуться в больницу и быть до конца рядом с матерью. До конца дней суждено ей просыпаться в слезах от чувства вины, и ничто в мире ей не поможет.

Кто знает, может, именно тогда Эвелин и начала бояться всего, что связано с докторами и больницами. Но теперь при мысли о посещении врача она в буквальном смысле покрывалась холодным потом и начинала дрожать с головы до ног. Стоило ей услышать слово «рак», как волосы на её руках вставали дыбом. Она перестала трогать грудь, потому что один раз нащупала какое-то уплотнение и чуть не упала в обморок. К счастью, это оказалась бумажная салфетка, попавшая в бюстгальтер. Она прекрасно понимала, что страх этот совершенно беспричинный, просто надо сходить и провериться. Ей сказали, что раз в год необходимо проходить осмотр. Это в её же интересах и в интересах её детей. Все это она знала, и что с того! Наберется храбрости, назначит время, а в последнюю минуту позвонит и отменит.

Последний раз она ходила к врачу шесть лет назад с воспалением мочевого пузыря. Она хотела только одного — получить рецепт на антибиотики, что вполне можно было сделать по телефону, но врач заставил её прийти для обследования почечной лоханки. Лежа с

задранными ногами, она думала: что может быть гнуснее, чем когда совершенно незнакомый мужик ковыряется у тебя внутри и что-то разглядывает, будто ты мешок с подарками?

Потом врач спросил, когда у неё последний раз осматривали грудь, и Эвелин соврала: «Три месяца назад».

— Ну что ж, — сказал он, — раз вы все равно здесь, давайте я вас посмотрю.

Эвелин затараторила со скоростью миля в минуту, пытаясь заговорить ему зубы, но он прервал её на полуслове:

— Так, что-то мне это не нравится.

Дни ожидания результата анализа были невыносимы. Она бродила из угла в угол в тумане бессонниц и ночных кошмаров, молилась и торговалась с Господом, хотя не была до конца уверена, что верит в Него. Обещала, что если Он позволит ей не заболеть раком, то она больше никогда и ни на что не пожалуется и весь остаток жизни будет радоваться, что жива, совершать добрые поступки, помогать бедным и каждое утро ходить в церковь.

Но, узнав, что все в порядке и не надо готовиться к скорой смерти, Эвелин вновь стала сама собой. Однако теперь, после всех ужасов, её пугала любая, даже крохотная боль. Ей казалась, что у неё злокачественная опухоль, и стоит ей пойти проверяться, как врач, даже не выслушав как следует её сердце, сразу отправит её на операционный стол, откуда невозможно будет сбежать. Эвелин жила с мыслью, что одной ногой стоит в могиле, и как-то, разглядывая свою ладонь, вообразила, будто даже линия жизни у неё стала короче.

Понимая, что ей не под силу ещё раз вынести мучительное ожидание результатов обследования, она решила: будь что будет, лучше умереть на ходу, не зная, больна ты или здорова.

В то утро по пути в приют для престарелых «Розовая терраса» Эвелин поняла, что жизнь её стала невыносимой. Каждое утро, проснувшись, ей приходится что-то выдумывать, чтобы заставить себя встать и начать день. Например, она уверяет себя, что сегодня произойдет что-нибудь замечательное — внезапно зазвонит телефон, и ей сообщат такие хорошие новости, уж такие хорошие... или в почтовом ящике её ждет какой-нибудь сюрприз. Но почта приходила самая обычная, телефон звонил, потому что кто-то ошибся номером, а в дверь стучала соседка, которой понадобилась какая-то мелочь.

Тихое и страшное отчаяние овладело ею, когда она поняла, что ничего не изменится, никто не придет и не заберет её отсюда. Будто она кричит со

дна колодца, и никто её не слышит.

Жизнь Эвелин превратилась в бесконечную вереницу долгих, черных ночей и серых дней, предчувствие близкой смерти накрыло её гигантской волной. И она испугалась. Нет, не смерти. Она смотрела в черную бездну смерти, и ей хотелось только одного — прыгнуть туда. Честно говоря, эта мысль стала посещать её все чаще и чаще.

Она даже придумала, как убьет себя. Серебряной пулей. Круглой, гладкой, как кусок голубого льда в бокале мартини. Но прежде она положит пистолет на несколько часов в холодильник, чтобы сталь была холодной, заиндевевшей, когда прислонится к виску. Она почти ощущала, как ледяная пуля проходит сквозь её горячий, измученный мозг, но от холода ей совсем не больно. Последнее, что она услышит, — это грохот выстрела. А потом... тишина. Может быть, только тихий-тихий звук, какой, наверно, слышат только птицы в ясном, морозном воздухе высоко над землей. Сладком, чистом воздухе свободы.

Нет, не смерти она боялась. Она боялась жизни, которая стала напоминать ей серую комнату ожидания в отделении реанимации.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

16 мая 1934 г.

УКУС КРЫСЫ

Берта Вик сообщила, что в пятницу в два часа ночи она пошла в туалет, где её укусила крыса, которая забралась по трубам в ванную комнату. Она побежала будить Гарольда, но он сперва не поверил, а потом пошел и убедился: действительно, в унитазе плавает крыса. Моя дражайшая половина Уилбур объясняет это так: вероятно, крыса полезла в трубы из-за наводнения. А Берта говорит, что ей плевать на причины, просто теперь она будет всегда оглядываться, прежде чем куда-либо сесть.

Гарольд отдал сделать из крысы чучело.

Никому не показалось, что в этом месяце выросла плата за свет? Нам пришли огромные счета, и меня это весьма удивило, поскольку мой дорогой на целую неделю уезжал рыбачить вместе со своим братом Альтоном, а он у нас единственный, кто не выключает за собой свет.

Кстати, Эсси Ру устроилась на работу в Бирмингеме. Она играет на органе песню «Жизнь под защитой» для страховой компании с тем же названием. Так что слушайте радио.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»
--

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
19 января 1986 г.*

Решив, что Эвелин в это воскресенье не приедет, миссис Тредгуд отправилась прогуляться по коридору в ту сторону, где в маленькой комнатке хранились палки для прогулок и кресла-каталки. Свернув за угол, она увидела Эвелин, одиноко сидевшую в кресле на колесиках с шоколадкой в руке. По её лицу катились крупные слезы. Миссис Тредгуд подошла поближе.

— Милочка, что вас так огорчило?

Эвелин глянула на миссис Тредгуд.

— Не знаю, — сказала она, продолжая плакать и жевать шоколадку.

— Ну-ка, милочка, берите свою сумку и давайте немного пройдемся.

Миссис Тредгуд взяла её за руку, помогла встать с кресла, и они стали гулять по коридору.

— А теперь, дорогуша, рассказывайте, что там у вас стряслось? Чем вы так расстроены?

— Не знаю, — сказала Эвелин и снова разрыдалась.

— Ну, милочка, неужели все так плохо? Не может быть. Расскажите-ка по порядку, что вас беспокоит.

— Ну... просто с того момента, как мои дети пошли в колледж, меня не покидает чувство безысходности.

— Это очень даже понятно, милочка, все через такое проходят.

Эвелин продолжала:

— И... и ещё я не могу перестать есть. Я стараюсь, стараюсь, по утрам просыпаюсь и думаю, что уж сегодня обязательно выдержу диету, и каждый день срываюсь. Прячу шоколадки по всему дому, даже в гараже. Не знаю, что со мной такое.

Миссис Тредгуд улыбнулась:

— Дорогая, ну что с вами будет от одной-то шоколадки?

— От одной ничего, а если шесть или восемь? Я уже мечтаю отрастить огромное брюхо и сдохнуть наконец от ожирения. Или чтобы у меня хватило силы воли похудеть и стать тонкой и стройной. У меня такое чувство, словно я застряла... застряла где-то посередине. Слишком поздно началась борьба женщин за независимость, у меня уже были муж и двое детей, и вдруг на тебе! Оказывается, замуж выходить было вовсе не обязательно. А я думала, все должны. Что я вообще знала! А теперь уж ничего не изменишь... Как будто и не жила вовсе. — Она повернулась в слезах к миссис Тредгуд: — Ох, миссис Тредгуд, я слишком молода, чтобы стать старухой, и слишком стара, чтобы быть молодой. Я везде лишняя. Мне хочется убить себя, да смелости не хватает.

Миссис Тредгуд ужаснулась:

— Эвелин Коуч, не смейте даже помышлять о таких вещах! Это все равно что вонзить нож прямо в сердце Иисусу! Какие глупейшие разговоры, милочка моя. Вам надо просто взять себя в руки и открыть сердце Господу. Он поможет. А теперь позвольте я кое-что спрошу... У вас болят груди?

Эвелин удивленно посмотрела на нее:

— Иногда.

— А поясница и ноги?

— Да. Но откуда вы узнали?

— Все понятно, дорогая. Вы тяжело переносите климакс, только и всего. Вам нужно принимать гормоны, каждый день гулять на свежем воздухе, и станет легче. Когда у меня это началось, я так и делала. Бог мой, как вспомню... Ела бифштекс и рыдала над бедной коровой. Обожала выводить из себя Клео, все время ревела и думала, что никто меня не любит. А когда Клео становилось совсем уж неспособно, он говорил: «Нинни, пора тебя уколоть», — и всаживал мне витамин В-12 прямо в задницу.

Каждое утро я ходила гулять вдоль железной дороги, туда и обратно, вот как мы сейчас ходим, и скоро протоптала себе тропинку сквозь это испытание, стала опять нормальной.

— Но мне-то вроде рановато еще... — сказала Эвелин. — Мне только сорок восемь.

— Ой, нет, милочка, у многих это даже раньше начинается. Одной женщине из Джорджии было всего тридцать шесть, так она в один прекрасный день села в машину, въехала на ступени здания суда и кинула

прямо в руки полицейскому голову своей матери, которую только что отрезала в кухне ножом. Потом она крикнула: «Держите, это то, что вы ищете», — и съехала обратно по ступеням. Вот что может натворить ранний климакс, если вовремя не принять меры.

— Вы действительно считаете, что причина в этом? Думаете, я поэтому такая раздражительная?

— Несомненно. Ой, это хуже карусели... вверх-вниз, вниз-вверх... Кстати, о вашем весе. Вы же не хотите быть тощей, правда? Бог мой, да вы только посмотрите на здешних старух, почти все — кожа да кости. Вам бы сходить в баптистскую больницу, в раковый корпус. Там все мечтают хоть немного поправиться и сражаются за каждый фунт веса. Так что перестаньте думать об этом и радуйтесь жизни. Единственное, что вам необходимо, — это читать Библию, и обязательно — девяностый псалом, причем каждое утро, каждое! Обязательно поможет, как и мне.

Эвелин спросила миссис Тредгуд, бывает ли у неё депрессия.

Миссис Тредгуд честно ответила:

— Нет, милочка, давно не было, я слишком занята тем, что благодарю Господа за его благодеяния — даже не счесть, сколько их было. Не поймите меня превратно, у всех свои печали, каждый несет свой крест.

— А мне показалось, что вы такая счастливая, будто у вас и забот никогда не было.

Миссис Тредгуд засмеялась:

— Ах, милочка, я столько на своем веку похоронила и каждую могилу оплакивала не меньше предыдущей. Было время, когда я удивлялась, за что Господь наградил меня таким печальным бременем, порой казалось, ни дня больше не выдержу. Но Он дает ровно столько, сколько тебе по силам вынести, не больше. И вот что ещё я вам скажу: нельзя предаваться унынию, от этого и впрямь заболеть недолго.

Эвелин кивнула:

— Вы правы. Эд предлагал мне сходить к психотерапевту.

— Милочка, вам это абсолютно ни к чему. Когда заходите поговорить по душам, приезжайте ко мне, я вам прочищу мозги не хуже доктора, причем бесплатно и с огромным удовольствием.

— Спасибо, миссис Тредгуд. — Эвелин посмотрела на часы. — Ой, мне пора. Эд, наверное, злится уже.

Она достала из сумочки бумажную салфетку, испачканную шоколадом, и высморкалась.

— А знаете, мне как-то полегчало. Правда!

— Что ж, я рада. Буду молиться, чтобы у вас хватило сил. Вам следует

почаще ходить в церковь и просить Господа облегчить вашу ношу, помочь пройти через это. Мне он столько раз помогал.

— Спасибо, — сказала Эвелин. — Ну, до следующей недели, да? — И пошла к выходу. Миссис Тредгуд крикнула ей вслед:

— И если что — принимайте успокоительное номер десять!

— Номер десять?

— Да! Именно десять.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

8 июня 1935 г.

УСПЕШНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ В ТЕАТРЕ

В пятницу вечером Драматический театр Полустанка давал спектакль в честь своей годовщины, и мне хочется сказать: «Отличная работа, друзья!» Пьеса называлась «Гамлет» английского драматурга мистера Уильяма Шекспира, уже знакомого жителям Полустанка по прошлогодней постановке.

Гамлета играл Эрл Эдкок-младший, а его возлюбленную — племянница доктора Хэдли, Мэри Бесс, которая специально ради этого приехала к нам из города. Кто не был на премьере, знайте, что под конец она кончает жизнь самоубийством. К сожалению, я её едва слышала, но в любом случае она, по-моему, слишком молода для таких пьес.

В роли отца Гамлета выступил преподобный Скроггинс, а мать сыграла Веста Эдкок, директор драмтеатра и, как вы знаете, настоящая мать Эрла Эдкока-младшего.

Музыку к спектаклю сочинила Эсси Ру Лаймуэй, и благодаря ей сцена дуэли на шпагах получилась ещё более захватывающей.

Кстати, Веста говорит, что на следующий год они готовят представление в живых картинах под названием «История Полустанка», текст которой пишет она сама. Так что если у вас припасены какие-нибудь забавные истории, приносите ей.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама,
26 января 1986 г.*

Эвелин поздоровалась со свекровью и побыла с ней ровно столько, сколько требовало приличие, а потом поспешила в зал для посетителей, где её ждала подруга.

— Ну что, милочка, как вы?

— Хорошо, миссис Тредгуд. А вы как?

— Ну, я-то нормально. Вы принимали те таблетки, что я посоветовала?

— Конечно.

— Помогло?

— По-моему, помогло, миссис Тредгуд.

— Что ж, рада слышать.

Эвелин полезла в сумку.

— Ну, что там у вас сегодня?

— Три коробки изюма в шоколаде. Куда же я их положила?

— Изюм в шоколаде? Должно быть, вкусно.

Миссис Тредгуд наблюдала, как Эвелин роется в сумке.

— Милочка, а вы не боитесь, что у вас там заведутся муравьи? Разве можно носить в сумке липкие сладости?

— Я как-то не думала об этом, — ответила Эвелин, обнаружив наконец то, что искала, и пакетик мятного драже в придачу.

— Спасибо, милочка, я просто обожаю сладкое. Когда-то я любила карамельки «Тутси», но, знаете, они прилипают к зубам, а потом отлипают, но уже вместе с зубами. Кстати, с козинаками та же история.

Вошла чернокожая медсестра по имени Джинин. Она искала мистера Данауэя, чтобы дать ему успокоительное, но в комнате, как обычно по воскресеньям, сидели только две женщины. Когда медсестра вышла, миссис Тредгуд сказала:

— Хорошо, что цветных теперь повсюду принимают на работу. Возьмем, к примеру, Онзеллу, жену Большого Джорджа. Кожа у неё была не такая уж и темная, цвета ореха, а волосы рыжие, и ещё веснушки. Знаете, она чуть матери сердце не разбила, когда вышла за Джорджа, потому что тот был жутко черным. Но она ничего не могла с собой

поделать, говорила, что любит его, такого большого и черного, а Джордж действительно был самым огромным и самым черным человеком на свете. Потом Онзелла родила близнецов, и Джаспер был похож на нее, а Артис получился ужасно черным, у него даже десны были синие. Онзелла говорила: просто не верится, что из неё могло вылезти такое чернящее существо.

— Синие десны?

— Да, милочка, чернее малышей не бывает. А затем родился Билли, тот был весь в нее, светлый, с зелеными глазами. Конечно, по-настоящему его звали Чудный Советник, это имя из Библии, но мы его называли Билли.

— Чудный Советник? Что-то я не припомню такого имени. Вы уверены, что оно из Библии?

— Да! Онзелла нам показывала: «И нарекут его Чудный Советник».^[13] Она была очень религиозной. Всегда говорила, что, когда расстроится, стоит ей подумать о дорогом Иисусе, и настроение сразу поднимается, прямо как её сдобное печенье. А потом появилась Озорная Птичка, вся черная, в отца, с очень смешными кудряшками, но без синих десен.

— Только не говорите, что это имя тоже из Библии.

Миссис Тредгуд засмеялась:

— Бог мой, конечно нет, милочка. Сипси всегда говорила, что эта девочка похожа на маленькую тощую птичку. Вечно прибежит в кухню, утащит пару плюшек, которые пекла её мать, потом заберется в подпол и там ест. Вот Сипси и окрестила её Озорной Птичкой. Она и впрямь чем-то напоминала черного дрозденка. Так вот они и жили — двое светленьких и двое черных детей в одной семье.

А здесь, в «Розовой террасе», цветных пациентов нет, только уборщицы и несколько медсестер. А одна из них такая умница оказалась, — получила диплом и стала старшей сестрой. Джинин её зовут, очень симпатичная, шустрая, и к каждому пациенту у неё свой подход. Она немного напоминает мне Сипси — такая же независимая.

Сипси до самой смерти жила одна. Вот почему мне так хочется домой. Я ужасно боюсь загреметь в больницу. В мои годы, стоит туда попасть, и уже не выберешься. И вообще, в больнице совсем небезопасно.

У моей соседки миссис Хартман кухня работает в больнице в Атланте, так вот, она рассказала, что у них один пациент вышел из палаты подышать свежим воздухом, а нашли его только через полгода, на крыше. Оказалось, его там заперли. Говорит, от него один скелет остался в больничной пижаме. А мистер Данауэй жаловался, что в больнице у него украли вставную челюсть прямо из стакана, пока его возили на операцию.

Ну скажите на милость, кому могла понадобиться старикинская челюсть?

— Не знаю, — сказала Эвелин.

— Вот и я не знаю.

ТРУТВИЛЛЬ, ШТАТ АЛАБАМА

2 июня 1917 г.

Когда Сипси вручила Онзелле её новорожденных малышей, счастливая мать не поверила собственным глазам. Первый сын, она назвала его Джаспером, был цвета кофе с молоком, а второй, Артис, — черным как уголь. Большой Джордж, увидев их, хохотал так, что у него чуть голова не оторвалась.

Сипси заглянула Артису в рот.

— Погляди-ка, Джордж, у этого малютки синие десны. — Она покачала головой. — Да сохранит нас Господь.

Большой Джордж беззаботно заливался смехом, он не верил в предрассудки.

Спустя десять лет ему уже было не до смеха. Сегодня он выдрал Артиса за то, что тот поранил брата перочинным ножом. Артис успел вонзить нож в плечо Джаспера пять раз, пока старшему удалось оторвать его от себя и отшвырнуть на другой конец двора.

Джаспер с криком помчался в кафе, зажимая кровоточащую руку и зовя мать. Большой Джордж в это время жарил барбекю на заднем дворе. Увидев окровавленного сына, он схватил его и побежал к врачу.

Доктор Хэдли промыл и перевязал раны, и, когда Джаспер объяснил ему, что это сделал брат, Большой Джордж просто голову потерял от ярости.

Ночью оба мальчика не могли уснуть от боли. Они лежали в кроватях, глядели в окно на луну и слушали ночные песни лягушек и сверчков.

Артис повернулся к брату, который при свете луны казался почти белым, и сказал:

— Я знал, что так делать нельзя, но это было так приятно, что я просто не мог остановиться.

«Бюллетень Полустанка»

1 июля 1935 г.

СОБРАНИЕ КЛУБА «ИЗУЧАЕМ БИБЛИЮ»

В среду на прошлой неделе в доме миссис Весты Эдкок состоялось собрание женского клуба «Изучаем Библию» при баптистской церкви Полустанка. На собрании говорили о проблемах изучения Библии и решали, как её сделать более доступной пониманию наших сограждан. Темой обсуждения были «Ной и его ковчег» и «Зачем Ной спас двух змей, если у него была прекрасная возможность избавиться от них раз и навсегда». Если кто-то знает ответ на этот вопрос, большая просьба позвонить Весте Эдкок.

В субботу Руфь и Иджи устроили день рождения своему малышу. Гости развлекались тем, что прикалывали ослику хвост, ели пирог и мороженое. Все получили в подарок стеклянные паровозики со сладким драже внутри.

Иджи сказала, что в следующую пятницу они собираются поехать в кино, у кого есть желание составить им компанию, присоединяйтесь.

Раз уж речь зашла о кино, то расскажу забавный случай. Два дня назад, вернувшись с почты, я обнаружила мою дражайшую половину в страшной спешке: ему хотелось поскорее добраться до Бирмингема и попасть на ранний сеанс, пока не подскочили цены на билеты. Он так торопился, что схватил в охапку свое пальто, и мы выскочили из дому. Весь фильм он изводил меня жалобами, что у него болит спина. А вернувшись домой, он обнаружил, что впопыхах забыл вытащить из пальто деревянные плечики. Я пообещала ему, что в следующий раз мы пойдем на самый дорогой сеанс, поскольку он мне испортил весь фильм своим ерзаньем и кряхтеньем.

Кстати, никто не хочет купить по дешевке слегка подержанного мужа? Шучу, Уилбур.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»
--

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
2 февраля 1986 г.*

Когда Эвелин вошла в комнату, подруга встретила её словами:

— Ой, Эвелин, как жаль, что вы не приехали на десять минут раньше. Упустили такую возможность познакомиться с моей соседкой миссис Хартман. Смотрите, что она мне принесла.

Она показала Эвелин небольшой цветок «тещин язык» в керамическом белом горшочке, сделанном в форме кокер-спаниеля.

— А миссис Отис она подарила чудную лилию. Я страшно хочу, чтобы вы познакомились, она бы вам понравилась. Это её дочка поливает мои герани. Я ей все-все про вас рассказала.

— Да, жалко, что мы не встретились, — сказала Эвелин и протянула миссис Тредгуд розовый кекс, купленный утром в пекарне Уэйтис.

Миссис Тредгуд рассыпалась в благодарностях и, устроившись поудобней, принялась есть кекс и любоваться своим цветком.

— Я так люблю кокер-спаниелей, а вы? Никто на свете не радуется сильнее кокер-спаниеля, когда встречает знакомого. Помню, у мальчонки Руфи и Иджи был спаниель, и каждый раз, когда я заходила, он так крутился около меня и вилял хвостом, будто мы несколько лет не виделись. Даже если я только за угол отошла и вернулась. А кошки совсем другое дело. Делают вид, будто вы их ничуть не интересуете. Вот и некоторые люди так же... стараются держаться особняком и не позволяют себя любить. Иджи была как раз такой.

— Правда? — Эвелин откусила кусочек кекса.

— Да, милочка. Она даже в школе всех удивляла. На занятия почти не ходила, а уж если появлялась, то в этом отвратительном старом комбинезоне, который ещё Бадди носил. В основном пропадала в лесу вместе с Джулианом и его дружками, охотилась, ловила рыбу. Но знаете, все её просто обожали. И мальчишки, и девчонки, и белые, и цветные, все мечтали дружить с ней. Иджи улыбалась своей неотразимой улыбкой, и, стоило ей захотеть, она могла рассмешить кого угодно! Я уже говорила, что она была такой же обаятельной, как и Бадди.

Но в Иджи было что-то от дикого зверька. Она никого не подпускала слишком близко. Стоило ей заподозрить, что к ней питают какие-то чувства, она тут же убегала в лес. Разбивала сердца налево и направо. Сипси говорила, что Иджи выросла такой дикаркой, потому что её мама ела дичь во время беременности.

Но когда появилась Руфь... Вряд ли вам доводилось иметь, чтобы человек так круто менялся. Руфь приехала из Валдосты, штат Джорджия, чтобы помочь устраивать летние пикники в маминной церкви. Ей было года двадцать два, не больше. Светлые золотисто-каштановые волосы, карие глаза с длинными ресницами. Она говорила так мягко и приветливо, что некоторые влюблялись в неё с первого взгляда, просто невозможно было удержаться. Очень уж милая была девушка, и чем больше её узнаешь, тем прекрасней она кажется.

Она раньше никогда не уезжала так далеко от дома и сначала всех немного стеснялась. Это понятно, росла одна, ни братьев, ни сестер.

Родители её были уже в преклонном возрасте, когда она родилась. Отец, священник в Джорджии, видно, держал её в строгости.

Но как только её увидели городские парни... Даже те, кто за всю жизнь ни разу в церковь носа не показывали, повадились туда ходить каждое воскресенье. Думаю, она не понимала своей красоты. Ко всем была добра, а Иджи просто очаровала. Иджи тогда исполнилось пятнадцать. Или шестнадцать, не помню точно.

Первую неделю, пока Руфь жила у нас, Иджи висела на дереве иранской мелии и тарасилась на неё всякий раз, когда та входила в дом или выходила. Потом начала выдрючиваться, болталась вниз головой на ветке, кидала в сад футбольный мяч или являлась домой с огромной связкой рыбы через плечо — и точно в тот момент, когда Руфь должна была пройти по улице, возвращаясь из церкви.

Джулиан как-то ехидно заметил, что она вовсе не ловит рыбу, а покупает её на берегу у негритянских мальчишек. Он допустил большую ошибку, сказав это в присутствии Руфи, и расплатился за это парой хороших туфель, которые Иджи той же ночью набила коровьим навозом.

Потом в один прекрасный день мама сказала Руфи: «Пожалуйста, сходи и попробуй заставить мою младшую сестру за стол и поужинать как человек».

Иджи в это время сидела на дереве и читала журнал «Настоящий детектив». Руфь вышла во двор и спросила, не может ли она спуститься и поесть за столом. Не повернув к ней головы, Иджи ответила, что подумает. Мы уже сели за стол и заканчивали молитву, когда Иджи вошла в дом и поднялась к себе наверх. Слышим, в ванной зашумела вода, и через пять минут Иджи, которая не часто баловала нас своим обществом, показалась на ступеньках.

Мама глянула на нас и шепнула: «Теперь, дети, у вашей сестры появился предмет обожания, и избави вас Бог поднять её на смех! Ясно?»

Мы обещали не смеяться. И тут Иджи подошла к столу... Лицо она отмыла до блеска, а волосы смазала каким-то старым жиром, который отыскала наверху в ящичке с лекарствами. Мы все старались не подавать виду, но уверяю вас, это было то ещё зрелище! Когда Руфь спросила, не положить ли ей ещё фасоли, Иджи так покраснела, что уши у неё стали похожи на два спелых помидора... Пэтси Рут первая не выдержала и хихикнула, — это был всего лишь негромкий смешок, — за ней не утерпела и Милдред. А я не говорила вам, что всегда была обезьянкой? Так вот, я тоже прыснула. А Джулиан, который вообще не умел держать себя в руках больше минуты, взял да и опрокинул тарелку с картофельным пюре прямо на колени бедняге Эсси Ру, сидевшей за столом напротив него.

Все это, конечно, было ужасно, но что поделаешь, у нас часто такое случалось. Мама сказала:

«Можете выйти из-за стола, дети». И мы помчались в маленькую гостиную и стали хохотать как ненормальные, попадали на пол и чуть не померли со смеху. Пэтси Рут даже описалась. Но смешнее всего было то, что Иджи настолько ошалела от Руфи, что так и не поняла, над чем мы смеялись. Проходя мимо нас, она заглянула в комнату и строго сказала:

— Очень мило вы себя ведете, у нас вообще-то гость, как-никак.

После чего мы, разумеется, начали корчиться от нового приступа смеха.

Иджи довольно быстро превратилась в ручного зверька. Руфь, наверно, чувствовала себя одинокой в то лето, а Иджи умела её рассмешить. Нет, не то слово, она просто из кожи лезла, чтобы как-нибудь развлечь гостью. Мама говорила, что в то время она могла заставить Иджи сделать все что угодно, — достаточно было, чтобы её просьбу передала Руфь. Мама говорила, что Иджи со скалы спрыгнет, если об этом попросит Руфь. Так оно и было! Впервые со смерти Бадди Иджи появилась в церкви.

Она ходила за Руфью как хвостик. И чувство это было взаимным. Они были просто созданы друг для друга, могли сидеть рядышком на крыльце и хихикать всю ночь напролет. Даже Сипси над ней подшучивала. Стоило Иджи оказаться рядом, как Сипси будто про себя бормотала: «Бедняжку Иджи укусил любовный клопик».

Замечательно прошло лето. Руфь, которую дома, наверное, заставляли ходить по струнке, совершенно не умела веселиться. Но вскоре она уже подпевала вместе со всеми, стоило Эсси Ру усестся за пианино.

Мы все были счастливы, но однажды мама сказала мне, что с ужасом думает о том дне, когда закончится лето, и Руфи придется возвращаться домой.

ПОЛУСТАНОК, ШТАТ АЛАБАМА

18 июля 1924 г.

Руфь жила в Полустанке уже около двух месяцев. В ту субботу в окно её спальни кто-то постучал в шесть утра. Руфь открыла глаза. На ветке иранской мелии сидела Иджи и знаками умоляла открыть окно. Руфь, полусонная, поднялась с постели.

— Ты чего так рано?

— Ты же обещала пойти со мной на пикник.

— Я помню, но почему в такую рань? Суббота же.

— Ну пожалуйста. Ты ведь обещала. Если ты сию минуту не выйдешь, я спрыгну и разобьюсь. Что тогда будешь делать?

Руфь засмеялась.

— Ладно, а как же Пэтси Рут, Милдред и Эсси Ру? Они разве не пойдут с нами?

— Нет.

— А тебе не приходило в голову, что их тоже надо пригласить?

— Нет. Ну пожалуйста, я хочу, чтобы только ты и я. Прошу тебя! Я тебе кое-что покажу.

— Иджи, я боюсь, они обидятся.

— Ой, да не обидятся. Они все равно не собирались никуда идти. Я уже спрашивала, и они сказали, что хотят остаться дома, к ним собираются в гости их дурацкие приятели.

— Ты уверена?

— Уверена, уверена, — соврала Иджи.

— А Нинни и Джулиан?

— Сказали, что сегодня будут заняты. Ну давай же, Руфь! Сипси уже приготовила нам с собой еду — на двоих, тебе и мне. Если не пойдешь, я спрыгну, и ты будешь виновата в моей смерти. Я буду лежать в могилке мертвое некуда, а ты пожалеешь, что не пошла на какой-то несчастный пикник.

— Ну хорошо, дай хоть оденусь.

— Можешь все не надевать, только выходи скорее. Я жду в машине.

— А мы разве на машине поедем?

— Конечно. Почему бы и нет?

— Ну ладно.

Иджи не стала говорить, что в пять утра прокралась в комнату Джулиана и стянула у него из кармана штанов ключи от машины. Вот почему надо было поскорее убраться из дома, пока он не проснулся.

Они поехали к местечку, которое Иджи присмотрела давным-давно: неподалеку от озера Дабл-Спрингс, с водопадом и кристально чистым ручьем, на дне которого лежали коричневые и серые камешки, круглые и гладкие, как перепелиные яйца.

Иджи достала из машины одеяло и корзинку с едой. Вид у неё был загадочный. Немного погодя она сказала:

— Руфь, если я тебе кое-что покажу, клянешься не рассказывать об этом ни одной живой душе?

— Что значит «кое-что»?

— Но ты клянешься, что не расскажешь?

— Клянусь. А что ты мне хочешь показать?

— Кое-что.

Иджи достала из корзинки пустой стеклянный кувшин и сказала:

— Пошли.

Они отправились в глубь леса. Наконец Иджи ткнула пальцем в дерево:

— Вот.

— Что — вот?

— Вон тот большой дуб.

— А-а.

Иджи взяла Руфь за руку, отвела на сто футов от дерева и сказала:

— Теперь стой на месте и, что бы ни случилось, не двигайся.

— А ты что собираешься делать?

— Не важно. Главное, смотри на меня, ладно? И тихо. Чтобы никакого шума, ясно?

Иджи, босая, медленно пошла к дубу, на полдороге она обернулась проверить, смотрит ли на неё Руфь. Не доходя футов десяти до дерева, она снова оглянулась и убедилась, что Руфь смотрит. А потом случилось удивительное. Очень медленно, на цыпочках, она подкралась к дубу, издавая при этом нежное гудение, и сунула руку с кувшином в дупло.

Внезапно Руфь услышала такой звук, будто рядом включили бензопилу. Небо почернело от огромного роя разъяренных пчел, хлынувших из дупла. В одно мгновение Иджи облепили тысячи пчел. Но она стояла как ни в чем не бывало и через минуту медленно вытащила руку с кувшином из дупла и не спеша двинулась обратно, продолжая негромко гудеть. Пока она шла к Руфи, почти все пчелы улетели. Плотный черный

слой на глазах распался, и из-под него появилась улыбающаяся Иджи, целая и невредимая, с кувшином, полным дикого меда.

Она протянула кувшин Руфи:

— Вот, мадам, это вам.

Руфь, напуганная до смерти, тихо опустилась на землю и заплакала.

— Я думала, тебе конец! Зачем ты это сделала? Они же могли закусать тебя до смерти.

Иджи поморщилась:

— Ой, только не реви. Ну прости, пожалуйста. Ты что, меда не хочешь? Я же для тебя старалась. Не плачь, ну! Ведь все в порядке, я часто так делаю, и ни разу меня не ужалили. Честно. Ну вставай, дай я помогу тебе, ты вся перепачкалась.

Она достала из заднего кармана брюк некогда голубой платок и протянула Руфи. Руфь никак не могла унять дрожь, но все же поднялась, высморкалась и отряхнула платье.

Иджи хотелось развеселить её.

— Ты только подумай, Руфь, ведь я никогда раньше не делала этого ради кого-то. И никто на свете, кроме тебя, не знает, что я это умею. Я хотела, чтобы у нас была общая тайна.

Руфь молчала.

— Ну пожалуйста, не сердись на меня!

— Не сердись? — Руфь обняла Иджи: — Ох, Иджи, я не сержусь. Я просто не могу представить, как буду жить, если с тобой что-нибудь случится. Правда!

У Иджи сердце застучало так, что чуть не выскочило из груди.

Когда они съели цыпленка, картофельный салат, печенье и почти весь мед, Руфь прислонилась спиной к стволу, а Иджи положила голову ей на колени.

— Знаешь, Руфь, ради тебя я могла бы убить. Любого, кто тебя когда-нибудь обидит, я сразу убью и никогда не пожалею об этом.

— Ой, Иджи, что за ужасы ты говоришь!

— Никакие не ужасы. Мне кажется, лучше убивать из-за любви, чем от ненависти. Ты не согласна?

— Я думаю, что вообще не надо никого убивать, ни по какой причине.

— Ладно, тогда я бы умерла ради тебя. Как ты думаешь, можно умереть ради любви?

— Нет, нельзя.

— А в Библии написано, что Иисус Христос умер ради любви.

— Это другое дело.

— Ничего не другое. Я согласна умереть хоть сейчас. Была бы единственным в мире покойником с улыбкой на лице.

— Не говори глупостей.

— Но я же могла сегодня умереть, разве нет?

Руфь взяла её за руку и улыбнулась.

— Моя Иджи — заклинательница пчел.

— Я — заклинательница пчел?

— Ты — заклинательница. Я слышала, что такие люди бывают, но видеть не доводилось.

— А это плохо?

— Не-ет, это прекрасно! Разве ты не знаешь?

— Вообще-то я думала, что это со мной что-то не то, может, я псих какой-то.

— Нет, это замечательно. — Руфь наклонилась и прошептала ей на ухо: — Заклинательница пчел, вот ты кто, старушка Иджи Тредгуд...

Иджи улыбнулась и посмотрела в чистое синее небо, и глаза у неё тоже стали синими. Она была так счастлива, как теплым летним днем могут быть счастливы только влюбленные.

ПОЛУСТАНОК, ШТАТ АЛАБАМА

29 августа 1924 г.

Забавно получается: многие живут рядом с человеком и не замечают, в какой момент они начали любить его. Про себя Руфь знала это с точностью до минуты. Она полюбила Иджи, когда та улыбнулась ей и протянула кувшин с медом. Чувства, которые Руфь старательно прятала, о которых старалась не думать, внезапно нахлынули на нее, и в этот миг она поняла, что любит. Поэтому и заплакала тогда. Никогда она не испытывала ничего подобного, и скорее всего, больше никогда не испытает.

А теперь, месяц спустя, из-за этого ей приходится уезжать. Иджи совсем девчонка, шестнадцать лет, она вряд ли соображает, что говорит. Она не понимает, о чем просит, умоляя Руфь остаться жить с ними. Но Руфь-то все понимала и сказала себе: уезжай, и чем скорее, тем лучше.

Она не знала, почему ей хотелось быть рядом с Иджи — только с Иджи и ни с кем другим. Хотелось — и все тут. Она молилась об этом, плакала, просила, но, как ни крути, ответ был один: надо ехать домой и

выходить замуж за Фрэнка Беннета — молодого человека, с которым она обручена — и попытаться стать хорошей женой и матерью. Руфь была уверена: что бы Иджи ни говорила, она сумеет себя переломить и заживет нормальной жизнью. И Руфь приняла единственно правильное решение.

Когда она сказала Иджи, что завтра утром уезжает, та просто обезумела. Заперлась в своей комнате и стала бить и крушить все, что под руку подвернется. Грохот стоял по всему дому.

Руфь сидела у себя на кровати, сжав до боли руки, когда в комнату вошла мама.

— Руфь, пожалуйста, пойді к ней, поговори. Ни меня, ни отца она не впускает, а дети к ней идти боятся. Ну пожалуйста, милая, а то вдруг она, не дай Бог, что-нибудь с собой сделает.

Они услышали, как что-то упало на пол и разбилось. Мама умоляюще посмотрела на Руфь.

— Ох, Руфь, она там как бешеный зверь. Ну прошу тебя, пойді, может, тебе удастся хоть немного её успокоить.

В дверях появилась Нинни.

— Мама, Эсси Ру говорит, что Иджи разбила лампу. — Она взглянула на Руфь, как бы извиняясь. — Думаю, это она из-за твоего отъезда так огорчилась.

Руфь медленно шла по коридору. Джулиан, Милдред, Пэтси Рут и Эсси Ру прятались за дверями своих спален, — только головы торчали с застывшими от ужаса глазами.

Мама и Нинни остановились в конце коридора. Нинни заткнула уши. Руфь тихонько постучала. Из комнаты донесся вопль Иджи:

— Оставьте меня в покое, черт подери! — И что-то тяжелое ударилось о дверь.

Мама кашлянула и мягко сказала:

— Давайте спустимся в гостиную, пусть они побудут одни.

Дети поспешно скатились по лестнице. Руфь опять постучала.

— Иджи, это я.

— Убирайся!

— Мне надо с тобой поговорить.

— Нет! Оставь меня в покое!

— Пожалуйста, не будь такой.

— А ну отвали от моей двери! Я серьезно! — И что-то опять вдребезги разбилось о дверь.

— Пожалуйста,пусти меня.

— Я сказала нет!

— Ну, пожалуйста, милая.

— Нет!

— Иджи, сию минуту открой эту чертову дверь, слышишь!

Наступила тишина, потом дверь медленно отворилась. Руфь вошла и увидела, что Иджи устроила в комнате настоящий погром. Некоторые предметы были разбиты дважды.

— Ну зачем ты так? Ты же знала, что когда-нибудь мне придется уехать.

— Тогда почему мне нельзя с тобой?

— Я уже объясняла.

— Тогда останься.

— Не могу.

Иджи закричала изо всех сил:

— Почему?!

— Не могла бы ты орать немного потише? Ты пугаешь меня и маму, на весь дом слышно.

— А мне плевать.

— А мне нет. Почему ты ведешь себя как ребенок?

— Да потому что люблю тебя и не хочу, чтобы ты уезжала!

— Иджи, ты с ума сошла? Что люди могут подумать о взрослой девочке, которая ведет себя как не знаю кто?

— А мне плевать!

Руфь стала поднимать с пола вещи.

— Почему тебе надо выходить замуж за этого парня?

— Я тебе уже объяснила.

— Почему?

— Потому что я хочу этого, вот почему.

— Да ты же его не любишь!

— Люблю.

— Нет, не любишь. Ты любишь меня... сама знаешь. Сама знаешь!

— Иджи, я люблю его и выйду за него замуж.

Иджи, совсем потеряв голову, начала рыдать и кричать:

— Ты врунья, я ненавижу тебя! Лучше бы ты умерла! Не хочу тебя видеть, никогда, никогда! Я тебя ненавижу!

Руфь взяла её за плечи и сильно встряхнула. Слезы текли по лицу Иджи, она продолжала кричать:

— Ненавижу тебя! Чтоб ты сгнила в аду!

Руфь сказала негромко:

— Прекрати, слышишь? — И неожиданно для себя ударила Иджи по

лицу — изо всех сил.

Иджи ошеломленно смотрела на неё и молчала. Они стояли, глядя друг на друга, и больше всего в эту минуту Руфи хотелось схватить девушку и прижать к себе — как можно крепче. Но она знала, что если сделает это, тогда наверняка не сможет уехать.

Поэтому она приняла самое трудное решение в своей жизни: повернулась и вышла, закрыв за собой дверь.

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРАССА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
9 февраля 1986 г.*

Эвелин принесла коробку тэко,^[14] которые продавались в трех кварталах от нее, и миссис Тредгуд просто растаяла от восторга.

— Это первая заграничная еда, которую я пробую, если не считать франко-американских спагетти, м-м-м, вкусно. — Она внимательно разглядывала тэко. — А он величиной с гамбургер «Кристалл», правда, похоже?

Эвелин не терпелось услышать, что дальше случилось с Руфью, и она попыталась переменить тему:

— Миссис Тредгуд, а Руфь в то лето все-таки уехала из Полустанка или осталась?

— Точно, они были величиной с бисквитное пирожное, а сверху посыпаны маленькими колечками лука.

— Кто?

— Гамбургеры «Кристалл».

— А-а, ну да, на них был лук маленькими колечками, так что было с Руфью потом?

— А что было с Руфью?

— Вы говорили, она должна была вернуться домой. И как, уехала она или нет?

— Ну разумеется, уехала. Знаете, их можно было купить пять штук на четвертак. А сейчас цена осталась прежней?

— Вряд ли. Так когда она уехала?

— Когда? Дайте-ка сообразить... Где-то в июле, а может, в августе.

Вспомнила, в августе. Вам действительно интересно про неё слушать? Я вас совсем заговорила, ни разу не дала вам слово вставить. Все болтаю и болтаю.

— Нет, миссис Тредгуд, мне интересно. Расскажите.

— Интересно? Слушать истории с вот такой бородой?

— Ага.

— Ну что ж... В конце августа мама и папа стали умолять Руфь остаться и помочь им заставить Иджи окончить школу: она как раз последний год училась. Говорили, что заплатят ей, сколько она попросит. Но Руфь сказала, что не может. Она обручена с одним человеком в Валдосте, и осенью должна состояться свадьба. Но Сипси шепнула мне и маме: что бы эта девочка ни говорила, ясно одно: уезжать ей не хочется. У неё каждое утро подушка сырая от слез, будто в неё всю ночь проплакали.

Не знаю, что Руфь сказала Иджи в тот вечер перед отъездом, но мы слышали, как Иджи ушла в свою комнату, а через несколько минут раздался такой грохот, словно взбесившегося осла засунули в стойло с жестяными стенками. Она схватила один из футбольных кубков Бадди и перебила в комнате окна и все, что ей под руку подвернулось. Это было просто ужасно!

Я бы ни за какие деньги даже близко к этой комнате не подошла. Утром она не спустилась попрощаться с Руфью. Понимаете, сначала Бадди её покинул, а потом Руфь. Это было слишком. На следующий день Иджи исчезла. Она так и не вернулась в школу. Ей оставалось год доучиться.

В доме она показывалась лишь изредка — когда у папы был сердечный приступ, когда Джулиан женился и когда девочки выходили замуж.

Только Большой Джордж знал, где она живет, но он её не выдал. Если мама хотела поговорить с Иджи, она обращалась к Большому Джорджу, а тот обещал передать Иджи, как только увидит её. И она всегда приходила.

Но я-то, конечно, знала, где она обреталась.

КЛУБ РЫБАКОВ «ФУРГОННОЕ КОЛЕСО»

*Уорриор-ривер, штат Алабама
30 августа 1924 г.*

Если проехать восемь миль к югу от Полустанка и свернуть налево на дорогу, ведущую вдоль реки, то ещё через две мили вы увидите

изрешеченную крупной дробью табличку. Она гласит: КЛУБ И ЛАГЕРЬ РЫБАКОВ «ФУРГОННОЕ КОЛЕСО», а стрелка указывает на песчаную тропинку.

Бадди начал брать с собой Иджи, когда ей исполнилось восемь. И она единственная приехала сообщить Еве о смерти Бадди, потому что знала, как он любил её.

Когда Бадди познакомился с Евой, ему было семнадцать, а ей девятнадцать. Он прекрасно знал, что Ева с двенадцати лет спала с мужчинами, причем со многими, и это ей всегда нравилось, но ему было все равно. Ева относилась к своему телу с той же легкостью, с какой относилась вообще ко всему, не то что баптистские девочки из Полустанка. Очутившись в её постели, Бадди сразу почувствовал себя мужчиной, и это была полностью её заслуга.

Большая, полногрудая, с рыжими, как ржавчина, буйными волосами и глазами цвета зеленого яблока, Ева всегда носила крупные бусы и ярко красила губы, даже когда собиралась на рыбалку. Она не знала, что такое стыд, и умела стать мужчине настоящим другом. Ева была не из тех девушек, которых парни приводят познакомиться с мамой, но Бадди все же решился пригласить её домой.

Однажды в воскресенье он привез её в Полустанок на обед, а потом показал папин магазинчик и угостил коктейлем. Бадди не был снобом — в отличие от Леоны, которая, увидев Еву, чуть в обморок не упала. Но Ева была отнюдь не дурочкой и сказала потом Бадди, что с удовольствием посмотрела, как он живет, но у реки ей больше нравится.

Все парни в городе над ней подшучивали и говорили всякие гадости, если кто-либо упоминал её имя. Но только когда рядом не было Бадди. Это правда, она спала с кем хотела и когда хотела, но что бы там ни болтали злые языки, пока она кого-то любила, она была ему верна. Ева принадлежала Бадди. А когда у него возникало желание пофлиртовать с ней, то и он принадлежал только ей одной. Они оба знали об этом, а больше ничего им и не требовалось.

Ева позволяла себе самую большую роскошь в жизни — плевать на мнение окружающих. Этому она научилась у своего отца — Большого Джека Бейтса, тайно торговавшего спиртными напитками. Весил он около трехсот фунтов, любил повеселиться, а в еде и выпивке мог одержать верх над кем угодно.

Иджи вечно просилась на реку с Бадди, и он иногда брал её с собой. Речной клуб и лагерь рыбаков представляли собой старое деревянное строение с синими лампочками по фасаду, украшенное двумя ржавыми

рекламными щитами кока-колы и полустертым плакатом у двери, восхваляющим достоинства автомобильных шин «Гудьер», а позади него помещалась кучка хижин с входами, затянутыми москитными сетками. Но Иджи здесь нравилось.

По выходным сюда наезжало много народу. Они пели старые ковбойские песни, танцевали и пили всю ночь напролет. Обычно Иджи сидела с Бадди и Большим Джеком и смотрела, как Ева танцует, доводя партнеров до изнеможения.

Как-то Бадди сказал ей, показывая на Еву:

— Посмотри, Иджи. Вот это настоящая женщина! Женщина с рыжими волосами — ради этого стоит жить.

Большой Джек, который в Бадди души не чаял, засмеялся и хлопнул его по спине:

— Думаешь, ты уже стал настоящим мужчиной, чтобы получить мою девочку, парень?

— Я стараюсь стать мужчиной, Большой Джек, — ответил Бадди. — Может, я сдохну от этих стараний, но будь уверен, я очень стараюсь.

Потом Ева звала Бадди, и они отравлялись в её комнату, а Иджи оставалась с Большим Джеком и смотрела, как он ест. Однажды он слопал семь бифштексов с кровью и четыре тарелки картофельного пюре.

Через некоторое время Бадди с Евой возвращались, и он отвозил Иджи домой. По дороге он говорил:

— Я люблю эту женщину, Иджи, можешь не сомневаться.

И Иджи не сомневалась.

Но с тех пор прошло девять лет, и сегодня Иджи приехала сюда на попутной машине с какими-то рыбаками, которые высадили её у прибитой к дереву табличке. Вчера Руфь уехала в свою Джорджию, и Иджи была просто не в силах оставаться дома, в четырех стенах. Когда она добралась до белых ворот с двумя большими фургонными колесами, почти стемнело. Подходя к дому, она услышала музыку, у крыльца стояло пять или шесть машин, и синие лампочки над входом уже горели.

Маленькая собачонка подбежала к Иджи на трех лапах и запрыгала вокруг неё в полном восторге. Наверняка это была Евина псина, она ни одной живой души прогнать не могла. У дома вечно слонялись штук двадцать бродячих кошек, которых Ева подкармливала: открывала заднюю дверь и бросала им еду во двор. Бадди говорил, что все бездомные твари в округе ходят кормиться к Еве.

Иджи давно не появлялась у реки, но тут, похоже, ничего не изменилось. Разве что на рекламных щитах стало чуть больше ржавчины

да перегорели две-три лампочки, но изнутри, как всегда, доносился смех.

Когда она вошла в дом, Ева сидела за столом с какими-то парнями и пила пиво. Увидев Иджи, она закричала:

— Бог ты мой! Поглядите-ка, что за киска к нашей миске!

На Еве был розовый свитер из ангорской шерсти, бусы и такие же сережки, а губы ярко накрашены. Она крикнула отцу на кухню:

— Пап! Иджи пришла! А ну иди ко мне!

Она подскочила к Иджи и чуть не задушила её в объятиях.

— Где ж ты столько пропадала? Мы думали, детка, тебя давно собаки сожрали!

Из кухни пришел Большой Джек. С тех пор как Иджи видела его в последний раз, он поправился ещё фунтов на пятьдесят.

— Так-так, вы только поглядите, кто к нам пожаловал. Крошка, ты ли это? До чего я рад тебя видеть!

Держа Иджи за плечи, Ева внимательно её разглядывала.

— Черт меня побери со всеми потрохами, как же ты выросла! А худышка-то какая! Ну ничего, детка, мы тебя откормим, правда, пап?

Большой Джек тоже оглядел Иджи с ног до головы.

— Разрази меня гром, с каждым годом ты все больше напоминаешь мне Бадди. Глянь-ка на нее, Ева. Или я ошибаюсь?

— Ты прав на все сто! — сказала Ева и потащила Иджи к столу. — Парни, это моя подруга. Познакомьтесь: Иджи Тредгуд, младшая сестренка Бадди. Садись, детка, выпьем. — И вдруг воскликнула: — Эй, минуточку! А лет-то тебе сколько? Может, тебе и пить ещё нельзя? — Чуть поколебавшись, она махнула рукой. — Да ладно, какого черта! От пива ещё никто не умирал, правда, ребят?

Те дружно согласились.

Но когда улеглась радость встречи, Ева поняла: с Иджи что-то не так. Она сказала:

— Эй, ребятки, а не пересесть ли вам за другой стол? Нам надо посекретничать. Дорогуша, что случилось? У тебя такой вид, будто ты потеряла лучшего друга.

Иджи замотала головой и принялась пить стакан за стаканом, изо всех сил стараясь выглядеть веселой. В конце концов она опьянела и пошла плясать — словом, вела себя как последняя дура. Ева сидела и наблюдала за ней.

Около девяти часов Большой Джек усадил её за стол и заставил поесть. Но потом она вскочила и снова запрыгала, как ненормальная.

Ева повернулась к отцу, вид у него был озабоченный.

— По-моему, надо просто оставить её в покое, пусть расслабится.

Часов через пять Иджи стала своей в доску в новой компании, она хохотала, рассказывала всякие небылицы. А потом кто-то заиграл грустную песенку о потерянной любви, и Иджи, прервав на полуслове какую-то историю, положила голову на руки и заплакала. Ева и сама уже с трудом держалась на ногах да ещё всю ночь вспоминала Бадди, поэтому она присела рядышком и тоже зарыдала. Увидев такое дело, парни потихоньку перебрались к более веселой камлании.

Часа в три утра Ева сказала: «Пойдем со мной», обняла Иджи за плечи и, притащив к себе в комнату, уложила на кровать.

Ева не переносила чужих страданий. Она под села к Иджи, которая никак не могла унять слезы, и сказала:

— Детка, я не знаю, кого ты так оплакиваешь, да и какая, к шутам, разница, в самом деле. Но все образуется, можешь не сомневаться. Да тише ты, тише. Просто ты хочешь, чтобы тебя любили, не важно кто. Ну успокойся. Ева с тобой. — И она погасила свет.

Ева много чего не знала, но что такое любовь, она знала очень хорошо.

Иджи прожила на реке следующие пять лет, то уходя, то возвращаясь. И Ева всегда была рядом в нужный момент. Точно так же, как в нужный момент она всегда оказывалась рядом с Бадди.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

28 ноября 1935 г.

НАСТОЯЩИЙ ДРУГ

Прошлой ночью Железнодорожный Билл сбросил 17 окороков из поезда с правительственными запасами, и, насколько я понимаю, наши друзья из Трутвилля прекрасно встретили День благодарения.

Спектакль «История Полустанка», показанный в школе, напомнил нам, что индейцы, которым раньше принадлежали эти земли, были людьми смелыми и свирепыми, особенно в интерпретации Весты Эдкок, игравшей вождя Сиакаггу, предводителя племени черноногих.

Моя дражайшая половина Уилбур заявил, что он на треть черноногий

индеец, но все же он не настолько свиреп... Шучу, Уилбур!

Р. С. Иджи говорит, что Сипси, её цветная помощница, вырастила в саду Тредгудов окру высотой шесть футов и десять дюймов. Она выставила её в своем кафе.

Мы скорбим о смерти Уилла Роджера. Его любили все, и вряд ли кто-нибудь сможет заменить нам дорогого Доктора Яблочных Соусов. Разве можно забыть чудные вечера в кафе, когда мы слушали его по радио! В те тяжелые времена он заставлял нас хоть ненадолго отвлечься от бесконечных забот и горестей, дарил нам улыбку. Его жене и детям шлем нашу любовь и наилучшие пожелания, а Сипси посылает ореховый пирог собственного приготовления. Так что приходите на почту и распишитесь на открытке, которая к этому пирогу прилагается.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»
--

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
16 февраля 1986 г.*

Эвелин привезла разного печенья, чтобы порадовать свекровь, но Большая Мама сказала: «Спасибо, мне ничего не надо», поэтому Эвелин отнесла печенье миссис Тредгуд, которая ужасно обрадовалась подарку.

— Я могу целыми днями питаться одним имбирным печеньем и ванильными вафлями, а вы?

Эвелин неохотно кивнула в ответ. Смакуя печенье, миссис Тредгуд взглянула на пол.

— Знаете, Эвелин, я терпеть не могу линолеум. Вы только подумайте, тут все старики носят войлочные тапки, которые словно предназначены, чтобы скользить, падать и ломать конечности. Поэтому везде пришлось настелить ковриков. У меня в комнате тоже есть коврики из лоскутков. Я заставила Норрис отнести мои черные ботинки в ремонт и приклеить резиновую подошву и теперь не снимаю их с утра до вечера. У меня почему-то нет желания ломать ноги. Стоит тебе что-нибудь сломать — и все, кончен бал.

Здесь старики ложатся в половине восьмого, ну в восемь. Я так не привыкла. Дома нипочем не засыпала, пока не услышу в десять двадцать гудок поезда на Атланту. А тут укладываюсь в восемь, гашу свет, чтобы не мешать миссис Отис, и жду, когда в десять двадцать прогудит мой поезд. Раньше заснуть не получается. Представьте себе, его на весь город слышно. Хотя, может, мне только кажется, что слышно, но это не важно. Все равно не сплю и жду.

Хорошо, что я люблю поезда. Наш Полустанок — это знаете что? Крошечный привокзальный городишко. А Трутвилль — горстка лачуг и церковь, простая баптистская церквушка Горы Сион, куда ходила Сипси и все остальные.

А железная дорога проходит совсем близко от моего дома. Если бы у меня была удочка, я могла бы высунуть её в окно и дотронуться до стенки вагона, вот как близко. Потому-то последние пятьдесят лет я провела на крылечке в кресле-качалке, глядя на проходящие поезда. И мне никогда не надоедало. Как тому еноту, который мог без конца мыть печенье. Особенно мне нравится смотреть на вагоны по ночам. Знаете, что я больше всего любила? Вагон-ресторан. Нынче это просто закусочная, где люди сидят, пьют пиво, курят, но раньше, пока не отменили фирменные поезда... Поезд «Серебряный полумесяц» Нью-Йорк — Новый Орлеан проходил здесь в семь сорок, как раз во время ужина, и Бог мой, вы бы это видели! Черные официанты в белых накрахмаленных куртках и черных кожаных галстуках-бабочках разносили прелестные крошечные чашечки и серебряные кофейники, а на каждом столе свежая роза с бутоном и маленькая лампа с абажуром.

Конечно, в те дни женщины одевались просто шикарно, носили меха и шляпки, а мужчины в синих костюмах тоже выглядели очень и очень элегантно. На окнах «Серебряного полумесяца» были даже жалюзи. Сидишь там как в настоящем ресторане и катишь сквозь ночь. Я часто говорила Клео, что мне ужасно нравится ехать и при этом что-нибудь жевать.

А Иджи шутила: «Нинни, ты, кажется, садишься в поезд только для того, чтобы поесть». И между прочим, была права. Я просто обожала бифштексы, которые там готовили, и никогда мне не приходилось есть яичницу с ветчиной вкуснее той, что подавали в вагоне-ресторане. По пути поезд останавливался в маленьких городках, и на станциях повара покупали свежие яйца, ветчину и свежую форель. Да, тогда все было такое свежее!

Я теперь почти не готовлю. Так, разогрею томатный суп из консервной

банки. Не то чтобы мне разонравилась хорошая еда. Нет, я люблю поесть! Но теперь трудно найти что-нибудь вкусное. Как-то миссис Отис записала нас на программу «Еда на колесах», которую организовала церковь, но там кормили премерзко, и мы не стали туда ходить. Может, эта еда и на колесах, но совсем не похожа на ту, что подавали в поездах.

Конечно, когда живешь так близко от железной дороги, то случаются и неприятности. Посуда у меня, например, вся битая, в трещинах, даже тот зеленый сервиз, который я выиграла в Бирмингеме во время Великой депрессии, — мы тогда все отправились в кино. Знаете, какой фильм показывали? «Всем привет» с Кейт Смит. — Миссис Тредгуд посмотрела на Эвелин отсутствующим взглядом. — Наверно, вы её не помните, но тогда её все знали. У неё было прозвище — Певунья с Юга. Большая такая толстушка. Вам не кажется, что у всех толстых людей добрый характер?

Эвелин криво улыбнулась, надеясь, что это правда, поскольку доедала уже вторую шоколадку.

— Я бы поезда ни на что не променяла. Что бы я тогда делала все эти годы? Телевидения ещё не было. А так я всегда находила себе занятие: гадала, куда едут люди, откуда... Когда Клео удавалось скопить несколько долларов, он брал меня и малыша, и мы путешествовали до Мемфиса и обратно. Джаспер, сын Большого Джорджа и Онзеллы, работал тогда проводником в спальном вагоне и обслуживал нас так, будто мы — королевская чета из Румынии. Потом Джаспер стал президентом Объединенного братства проводников спальных вагонов. Он и его брат Артис уехали в Бирмингем совсем мальчишками... Но Артис раз или два попадал в тюрьму. Странно, никогда не знаешь, как сложится судьба у ребенка. Взять, к примеру, малыша Руфи и Иджи. Он через такое прошел в жизни... Кому угодно это могло сломать жизнь, но только не ему.

КАФЕ «ПОЛУСТАНОК»

*Полустанок, штат Алабама
16 июня 1936 г.*

Едва услышав крики у железнодорожных путей, Иджи сразу поняла: с кем-то случилось несчастье. Она выглянула из окна и увидела Бидди Луис Отис, которая со всех ног бежала к кафе. Сипси и Онзелла возились на кухне. Бидди, распахнув дверь, крикнула:

— Ваш малыш, его поезд переехал!

У Иджи оборвалось сердце.

Сипси зажала рот руками:

— Господи Иисусе!

Иджи крикнула Онзелле:

— Не выпускай Руфь! — И помчалась к путям.

Шестилетний мальчик лежал на спине, глядя широко открытыми глазами на обступивших его людей. На их лицах застыло выражение ужаса.

Увидев Иджи, он улыбнулся, и она чуть было не улыбнулась в ответ, решив, что все обошлось, но потом заметила его руку, лежавшую в луже крови в шести футах от него.

Большой Джордж, который готовил на заднем дворе барбекю, примчался сразу следом за Иджи и увидел кровь одновременно с ней. Он подхватил ребенка и со всех ног бросился к дому доктора Хэдли.

Онзелла стояла в дверях, не выпуская Руфь из комнаты:

— Нет, мисс Руфь, вам туда нельзя сейчас. Сладкая вы моя, подождите здесь, потерпите.

Руфь была испугана и ничего не понимала.

— Что там? Что случилось? Что-то с ребенком?

Онзелла силой усадила её на кушетку и сжала ей руки смертельной хваткой.

— Ну тише, тише, сладкая моя. Посидите тут и подождите, милая, все будет хорошо.

Руфи стало страшно.

— Да что там такое?

Сипси стояла посреди зала кафе, тыкая пальцем в потолок.

— Не смей этого делать, Господи... Не смей этого делать с мисс Иджи и мисс Руфью... Не смей! Слышишь, ты, Бог? Не делай этого!

Иджи мчалась за Большим Джорджем, оба кричали: «Доктор Хэдли! Доктор Хэдли!», хотя его дом был за три квартала.

Маргарет, жена доктора, услышала крики и выбежала на крыльцо. Увидев их, она крикнула мужу:

— Иди скорей! Это Иджи с Бадди-младшим.

Доктор Хэдли выскочил из-за стола и бросился им навстречу, все ещё держа салфетку. Увидев льющуюся из руки мальчика кровь, он отшвырнул салфетку и сказал:

— Быстро в машину! Повезем его в Бирмингем. Понадобится переливание крови.

Подбегая к своему старенькому «доджу», он крикнул жене:

— Звони в больницу, скажи, что мы едем!

Маргарет бросилась к телефону, а Большой Джордж, весь в крови, влез на заднее сиденье, держа мальчика на руках. Иджи села впереди и всю дорогу рассказывала Бадди истории, чтобы успокоить его, хотя у неё самой коленки тряслись.

Когда они подъехали к станции «Скорой помощи», медсестра и ассистент уже поджидали их у входа. Сестра сказала Иджи:

— Простите, но вашему спутнику придется подождать снаружи, это больница для белых.

Мальчик, за все время не проронивший ни звука, не спускал глаз с Большого Джорджа, пока его каталка не свернула за угол.

Большой Джордж, в крови с головы до ног, сел на ступени, прислонился к кирпичной стене, обхватил голову руками и стал ждать.

Мимо прошли два прыщавых подростка. Один ткнул пальцем в Большого Джорджа:

— Глянь-ка, вон ещё одного черномазого порезали в драке.

Второй крикнул:

— Эй, парень, шел бы ты лучше в больницу для ниггеров!

Его косоглазый и щербатый приятель сплюнул, подтянул штаны и зашагал по улице, страшно довольный собой.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

24 июня 1936 г.

ТРАГЕДИЯ У КАФЕ

Ужасно жаль, но я вынуждена сообщить, что малыш Иджи и Руфи потерял руку, играя на прошлой неделе на путях перед кафе. Он перебежал рельсы перед поездом, поскользнулся и упал. По словам машиниста Бэрни Кросса, состав шел со скоростью около сорока миль в час.

Мальчик до сих пор находится в больнице, но, хотя потерял много крови, поправляется и скоро вернется домой.

Итак, в этом году в Полустанке мы лишились ноги, руки и указательного пальца. Еще погиб негр, и вывод из этого может быть только один: будьте как можно внимательнее! Мы по горло сыты потерями

конечностей, которые нам дороги, и всего прочего.

А мне лично надоело писать об этом.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»
--

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
23 февраля 1986 г.*

Миссис Тредгуд с удовольствием ела из стаканчика ореховый крем и предавалась воспоминаниям о тех далеких и приятных временах, когда все поезда проходили мимо её дома.

Однако Эвелин интересовало совсем другое, поэтому она спросила:

— Миссис Тредгуд, в тот раз вы сказали, что у Руфи и Иджи был ребенок.

— Ах да, Культяшка. Он был самым храбрым малышом в мире. Не раскис, даже когда потерял руку.

— Боже правый! Потерял? Как это случилось?

— Попал под поезд, и ему отрезало руку выше локтя. Вообще-то его настоящее имя было Бадди Тредгуд-младший, а Культяшкой его прозвали потому, что от руки у него остался только обрубок. Мы с Клео навещали его в больнице, и он вел себя очень спокойно, не плакал и не жалел себя. Это Иджи его таким вырастила, научила стойко переносить удары судьбы.

У её друга была мастерская по изготовлению памятников, так она попросила его сделать могильный камень и выгравировать на нем надпись:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ РУКА
БАДДИ-МЛАДШЕГО
1929–1936
МИР ПРАХУ ТВОЕМУ, ПОДРУЖКА!

Камень поставили в поле за кафе, и когда мальчик вернулся из больницы, она повела его туда и устроила настоящие похороны руки. Все

его приятели пришли: ребяташки Онзеллы и Большого Джорджа Артис и Джаспер, маленький Билли и Озорная Птичка и все соседские дети. Иджи пригласила духовой оркестр «Шотландский орел», и он сыграл похоронный марш. Иджи первая начала звать его Культяшкой. Руфь, когда это услышала, чуть в обморок не упала. «Бог мой, — сказала она, — какая гадость!» Но Иджи стояла на своем: во-первых, его не будут обзывать за глаза, а во-вторых, это поможет ему смириться с отсутствием руки и лишний раз не переживать по этому поводу. И она оказалась права. Вряд ли вы нашли бы человека, который мог так управляться одной рукой. Он метко кидал стеклянные шарики, охотился, ловил рыбу, да что угодно мог делать. Он был лучшим стрелком в Полустанке.

Когда в кафе приходил новичок, Иджи приводила Культяшку и заставляла рассказывать длинную историю о том, как он ловил зубатку в Уорриор-ривер, и все слушали открыв рот, а потом Иджи говорила:

— А ну-ка покажи, Культяшка, какой величины была зубатка?

И он растопыривал руки как заправский рыбак и говорил: «Во примерно какая». И оба хохотали, глядя на слушателей, которые честно пытались вообразить себе такую громадную рыбу.

Ну конечно, он не был ангелом, и свои закидоны у него случались, как у всех мальчишек. Но я помню только один случай, когда он пал духом. Под Рождество мы все собрались в кафе, пили кофе и ели фруктовый пирог, и вдруг он ни с того ни с сего начал кричать как сумасшедший и швырять игрушки. Руфь и Иджи побежали в его комнату, и в считанные секунды Иджи надела на него пальто и увела из кафе. Руфь, расстроенная и взволнованная, выбежала за ними следом и все спрашивала: «Куда ты его тащишь?» Но Иджи ответила, что они скоро вернутся.

И правда, вернулись они примерно через час, Культяшка смеялся и был в прекрасном настроении. Много лет спустя, когда он пришел ко мне подстригать газон, я позвала его посидеть со мной на крылечке, выпить чаю со льдом, и спросила: «Культяшка, помнишь то Рождество, когда ты разозлился и растоптал конструктор, который мы с Клео подарили тебе на день рождения?» Он улыбнулся и ответил: «Ой, тетя Нинни, — он всегда меня так называл, — конечно, помню». Я опять спрашиваю: «А куда тебя Иджи тогда возила?» — «Не могу тебе сказать, тетя Нинни, я обещал, что не скажу».

Ну вот, так я до сих пор и не знаю, куда они ездили. Видно, Иджи ему что-то сказала важное, и он после этого никогда не расстраивался из-за руки. Он был чемпионом 1946 года в охоте на дикую индейку. Знаете, как трудно подстрелить дикую индейку?

Эвелин сказала, что нет, не знает.

— Ну тогда, милочка, я вам объясню. Нужно попасть этой самой индейке точнехонько между глаз, а головка у неё не больше моего кулака! Вот что значит хорошо стрелять.

Он играл во все спортивные игры, и ему ни разу не помешала недостающая рука. А какой он был славный! В жизни не видела мальчишек добрее.

Конечно, Руфь была ему хорошей матерью, и он её просто обожал. Ее все обожали, но вы бы посмотрели на Культяшку и Иджи — это было что-то необыкновенное. Они и рыбу ловили, и охотились лучше всех, и были просто без ума друг от друга. Я думаю, никто в целом свете не был ближе, чем эти двое.

Однажды, я помню, Культяшка положил в карман кусок орехового пирога и испортил свои лучшие брюки. Руфь ужасно разозлилась, а Иджи, наоборот, хохотала до упаду, вот как.

Но порой Иджи обращалась с ним даже жестоко. Например, когда ему было всего пять лет, швырнула его в реку, чтобы научить плавать. Но я вот что скажу, он никогда не грубил матери, как другие мальчишки. По крайней мере, когда рядом была Иджи. Она этого не позволяла. Никому и никогда. Нет, он слушался мать. Не то что Артис, сын Онзеллы. С ним ничего не могли поделать, разве не так?

Эвелин сказала:

— Наверно, не могли. — И вдруг увидела, что миссис Тредгуд надела платье наизнанку.

ПОЛУСТАНОК, ШТАТ АЛАБАМА

Рождество, 1937 г.

Почти все ребяташки получили на Рождество в подарок пистолеты с пистонами и собрались в саду доктора Хэдли пострелять. Весь двор пропах серой, целый день в морозном воздухе стоял треск. Каждый был убит по сотне раз. Паф! Паф! Паф! Ты убит! Паф, паф!

— Ой, ты попал в меня!

Восьмилетний Дуэйн Килгор схватился за грудь, упал на колени и стал умирать. Дернувшись в последний раз, он выхватил запасную красную обойму и перезарядил пистолет.

Культиашка Тредгуд немного опоздал к началу перестрелки, удрав от рождественского ужина в кафе с семьей и Смоки Одиночкой. Он вбежал во двор, когда все только что зарядили пистолеты и готовились к новому бою, спрятался за деревом и прицелился в Вернона Хэдли. Паф! Паф!

Щелк! Щелк! Вернон выпрыгнул из-за куста и заорал:

— Ты промазал, грязная скотина!

Культиашка, у которого кончились пистоны, перезаряжал пистолет, когда Бобби Ли Скроггинс подбежал к нему вплотную и выстрелил.

Щелк! Щелк! Паф! Паф! Убит! И, не успев опомниться, Культиашка был застрелен... Но не огорчился. Раз за разом перезаряжал он пистолет только для того, чтобы его снова и снова убивали.

Пегги Хэдли, младшая сестра Вернона, училась в одном классе с Культиашкой. Она пришла в сад в новом темно-бордовом пальто, с новой куклой и села на ступеньки смотреть. И вдруг Культиашке разонравилось каждый раз оказываться убитым. Все отчаяннее пытался он попасть хотя бы в кого-нибудь, но ребят было много, а он не мог заряжать пистолет так же быстро, как они, и не успевал отстреливаться.

Щелк! Шелк! Снова убит! Но Культиашка отчаянно рванулся к большому дубу посреди двора, за которым можно было прятаться, выскакивать, стрелять и вновь прятаться. Он уже убил метким выстрелом Дуэйна и прицелился в Вернона, когда сзади, из-за кучи кирпичей, выскочил Бобби Ли. Культиашка обернулся, но было поздно. Бобби Ли наставил на него два пистолета и расстрелял две обоймы.

Щелк! Щелк! Щелк!

— Ты убит! — заорал Бобби Ли. — Два раза убит! Давай умирай!

И Культиашке не оставалось ничего другого, как умереть на глазах у Пегги. Это была быстрая, тихая смерть. Он поднялся и сказал:

— Пойду домой, возьму ещё пистонов. Я скоро вернусь.

Пистонов у него было предостаточно, просто ему хотелось умереть по-настоящему. Ведь Пегги видела, как его все время убивают.

Когда он ушел, Пегги крикнула брату:

— Ты нечестно играешь! Ведь у бедного Культиашки только одна рука. Я все про тебя маме расскажу, Вернон.

Культиашка ворвался в свою комнату, бросил на пол пистолет и швырнул о стену игрушечный поезд. Он кричал от полного отчаяния, кричал как безумный. Когда вбежали Руфь и Иджи, он топтал конструктор, от которого уже остались одни обломки.

Увидев их, Культиашка зарыдал:

— Я ничего, ничегошеньки не могу сделать этим обрубком

проклятым! — и стал бить по культе.

Руфь крепко прижала его к себе.

— Мальчик мой, что случилось? Что с тобой?

— У всех по две кобуры, кроме меня! Я не могу их победить, меня весь день убивали!

— Кто?

— Дуэйн, и Вернон, и Бобби Ли Скруггинс.

— Ох, милый... — Руфь опешила. Она знала, что когда-нибудь такой день настанет, но теперь, когда он настал, позабыла все слова, которые приготовила на такой случай. И что можно сказать семилетнему ребенку? Что все будет хорошо? Она беспомощно посмотрела на Иджи.

Иджи вдруг сдернула Культяшку с кровати, накинула на него пальто и повела к машине.

— Мистер, вы поедете со мной.

— Куда?

— Узнаешь.

По дороге к реке оба не проронили ни слова. Подъехав к табличке с надписью: КЛУБ РЫБАКОВ «ФУРГОННОЕ КОЛЕСО», Иджи свернула, и вскоре они оказались у ворот, сделанных из двух больших белых колес. Иджи вылезла, открыла ворота, остановилась возле домика и посигналила. В дверях показалась рыжеволосая женщина.

Иджи велела Культяшке оставаться в машине, а сама вышла и о чем-то заговорила с рыжеволосой. Из дома доносился восторженный визг собаки: она скакала и тявкала, приветствуя Иджи.

Через несколько минут женщина вернулась в дом и вынесла Иджи резиновый мячик. Когда она открыла дверь, собачка выскочила во двор и стала так вертеться и вилять хвостом, что, казалось, вот-вот умрет от восторга.

Иджи сошла с крыльца и сказала:

— Пошли, Леди! Ну, давай, девочка! — и подбросила мяч.

Маленький белый терьер подпрыгнул фута на четыре, поймал на лету мячик и, подбежав к Иджи, отдал ей. Иджи снова и снова кидала мяч, а Леди ловила его, прыгала и ловила. И вдруг Культяшка заметил, что у собачки только три лапы. Леди прыгала за мячом минут десять и ни разу не потеряла равновесия. Наконец Иджи позвала собачку в дом и попрощалась с рыжеволосой женщиной.

Она вела машину по узкой дороге вдоль реки.

— Культяшка, я хочу у тебя кое-что спросить.

— Да, мэм.

— Как ты думаешь, той собачке было весело?
— Да, мэм.
— Она счастлива, что живет на свете?
— Да, мэм.
— А тебе не показалось, что она себя жалеет?
— Нет, мэм.
— Так вот, ты мне все равно что сын, и я тебя всяким люблю. Ты это понимаешь?
— Да.
— Но знаешь, Культяшка, мне чертовски обидно думать, что мозгов у тебя не больше, чем у этой бедной глупой собачонки.
Он смотрел в пол машины.
— Понятно, мэм.
— И я больше никогда не хочу слышать, что ты что-то не можешь сделать. Ладно?
— Ладно.
Иджи открыла бардачок и достала бутылку виски «Грин Ривер».
— К тому же мы с твоим дядей Джулианом собираемся взять тебя с собой на следующей неделе. Будешь учиться стрелять из настоящего ружья.
— Правда?
— Правда.
Она отвинтила крышечку и сделала глоток.
— Черт подери, мы сделаем тебя лучшим стрелком штата, и пусть тогда кто-нибудь из этих пацанов попробует тебя победить. На-ка, глотни.
Культяшка вытаращился на бутылку.
— Я?
— Давай-давай, глотни. Только маме не говори. Мы ещё всем утрем нос.
Культяшка сделал глоток. В горло как будто хлынул горящий керосин, но он постарался не подать виду.
— Что это была за женщина? — спросил он чуть погодя.
— Друг.
— Вы здесь бывали раньше?
— Да, пару раз. Только маме не рассказывай.
— Ладно.

БИРМИНГЕМ, ШТАТ АЛАБАМА

Слэгтаун
30 декабря 1934 г.

Онзелла много раз говорила Артису, чтобы он никогда не ездил в Бирмингем. Но сегодня он все-таки поехал.

Около восьми вечера Артис спрыгнул с последнего вагона товарняка. Когда он вошел в здание вокзала, то просто рот открыл от удивления.

Да один этот вокзал больше Полустанка и Трутвилля вместе взятых! Бесконечные ряды массивных скамеек из красного дерева, разноцветная мозаика на полу и на стенах огромного зала.

Чистка обуви... Сандвичи... Сигары... Салон красоты... Журналы... Парикмахерская... Пышки и сладости... Сигареты... Виски... Кофе... Книжная лавка... Отутюжьте свой костюм... Сувениры... Прохладительные напитки... Мороженое...

Это был настоящий город, который вместе с полицейскими, проводниками, поездами и пассажирами расположился под стеклянным куполом высотой в семьдесят пять футов. Для семнадцатилетнего черного мальчишки в рабочем комбинезоне, который ничего ещё не видел в своей жизни, кроме Полустанка, это было настоящим потрясением. Казалось, внутри этого здания поместился целый мир, и ошеломленный Артис нетвердой походкой вышел из главного входа.

А потом он увидел чудо! Это был самый большой в мире рекламный щит высотой с двадцатипятиэтажный дом, десять тысяч золотых лампочек сияли на фоне черного неба: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВОЛШЕБНЫЙ ГОРОД БИРМИНГЕМ...

Да, он действительно был волшебным — он рос стремительнее всех других городов Юга, и теперь даже Питсбург называют Бирмингемом Севера.

Небоскребы возвышались со всех сторон, сталеплавильные заводы окрашивали небо в красные и пурпурные тона, улицы были забиты сотнями машин и трамваев, днем и ночью снующих во всех направлениях.

Артис брел по улице, как во сне. Он миновал привокзальную гостиницу, отель «Сен-Клер», где можно снять комнату на час, кафе «Эл энд Эн». Он заглянул в щель между планками жалюзи на окнах какого-то кафе, где сидели только белые, заказывая дорогие блюда, и понял, что там ему не место. Он прошел мимо гриль-бара «Красная вершина», перешел Радужный Мост, и после кафе «Мельба», ведомый каким-то внутренним чутьем, вышел на Четвертую авеню. И тут мир вокруг него резко

изменился.

Наконец-то! Вот они, двенадцать кварталов, известные под названием Слэгтаун. Бирмингемский Гарлем Юга, место, о котором он мечтал.

Мимо него двигались парочки, — разряженные, болтающие, смеющиеся, они шли по каким-то своим делам, и он отдался течению толпы, поплыл вместе со всеми, как барашек на гребне морской волны. Музыка вырывалась из окон и дверей, скатывалась по лестничным пролетам вниз и выплескивалась на улицу. Из верхнего окна выплывал голос Бесси Смит:^[15] «О безнадежная любовь... О безнадежная любовь...»

Горячий джаз плавно сменился мягким блюзом, когда Артист поравнялся с Театром проказ — самым развеселым негритянским театром Юга. Там ставили только мюзиклы и классические комедии.

А люди все шли и шли... В следующем квартале пела и щебетала Этель Уотерс,^[16] спрашивая всякую ерунду, вроде «Хватит ли одной руки, чтоб дурню ставить синяки?» и «Как, скажите, получилось, что я черной уродилась?» Из другой открытой двери Ма Рейни^[17] выкрикивала: «Эй, Джейлор, ну что я такого сделала-то?»... А в клубе «Серебряная луна» народ отплясывал шимми под оркестр Арта Тейтема.

Вот он — субботний, вечерний Слэгтаун, всего в квартале от Бирмингема белых, которые даже не подозревают о существовании столь экзотического места, окрашенного сепией. Слэгтаун... Здесь служанка, работающая днем в богатом доме на Хайлэнд-авеню, к вечеру могла стать местной королевой; а рассыльные и чистильщики обуви превращались в законодателей моды ночного Слэгтауна. Вот они, с напыженными, прилизанными волосами, золотые фиксы вспыхивают и мерцают, когда их счастливые обладатели проходят под разноцветными огнями реклам. Черные, желтые, мулаты, креолы, индейцы смешались перед ошеломленным Артистом, увлекая его за собой. Мужчины — все в светло-зеленых или темно-красных костюмах, двухцветных — желтых с коричневым — башмаках и краснобелых шелковых галстуках; дамы, улыбаясь кроваво-красными и оранжевыми губами, покачивая бедрами, прохаживаются в узких туфлях-лодочках и кутают плечи в рыжие лисьи меха...

Огни слепили его. БИЛЛИАРД ДЛЯ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ
ВОЛШЕБНОГО ГОРОДА... ГРИЛЬ-БАР НА СЕНТ-ДЖЕЙМС...
БАРБЕКЮ «ГОЛУБЫЕ НЕБЕСА»... ШКОЛА ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ
АЛЬМЫ МЭЙ ДЖОЙС...

Мимо, мимо цирка, где счастье стоит так дешево — всего 10 центов...

Через несколько домов в окнах танцзала для черных и желтых он увидел танцующие парочки: лениво обшаривая зал, прожектора обливали их жидким янтарем и бледным пурпуром. Артист свернул за угол, его подхватила толпа, и он отдался этой все нарастающей силе потока: мимо «Облаков радости» (магазин поношенной одежды), мимо кафе «Крошка Делила», бильярдного клуба «Пандора», зала коктейлей «Лестница к звездам», мимо театра «Отдых», где на этой неделе выступала Энда Мэй Хэррис в «Ревю — только для цветных». Рядом в театре «Гранд» афиши представляли Мэри Марбл и Крошку Чипс. Он миновал кафе «Маленькая Савойя», снова полюбовался на гибкие силуэты в окнах танцевального зала «Дикси Карлтон», где громадный зеркальный шар, вращаясь, разбрызгивал серебристые пятна света... Парам, отплясывающим фокстрот, не было никакого дела до черного мальчишки в рабочем комбинезоне, с широко распахнутыми глазами, которого людская волна несла мимо заведения «Рабочая пчелка» (вафли моментального электрического приготовления и свежайшие пирожные в любой час дня и ночи, ваши любимые горячие сэндвичи с лучшим в городе кофе, сосиски с булочкой за 5 центов, гамбургеры, свинина, ветчина, сэндвичи с швейцарским сыром — все по 10 центов...), мимо страховой компании Виолы Крамбль, которая специализируется на похоронных услугах (реклама в витрине вызывает к потенциальным клиентам: «Берите от жизни все, пока вы молоды!»), мимо гостиницы «Де люкс», где сдаются комнаты парочкам на час-другой...

У входа в казино, разместившегося в самом высоком небоскребе города, за спиной Артиста пышногрудая красотка в атласном платье цвета спелой кукурузы и лимонно-желтом боа из перьев взвизгнула и хотела врезать сумочкой шустрому джентльмену, но промахнулась. Джентльмен засмеялся, Артист тоже захохотал и зашагал дальше, за толпой, по каким-то улицам. Он знал, что наконец-то попал домой.

«СЛЭГТАУН-НЬЮС»

*Бирмингемская газета для цветных мистера Милтона Джеймса
6 мая 1937 г.*

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА

Мистер Артист О. Пиви был доставлен в Университетскую больницу в субботу поздно вечером с множественными ранениями, полученными, по

словам его подруги, при попытке открыть весьма дорогую бутылку вина. Возраст и сорт вина неизвестны.

То ли у меня разыгралось воображение, то ли я действительно видел вечером в трамвае мисс Иду Дуайзер: она ехала в танцзал «Энсли», прихватив с собой Бэнни Апшоу только ради того, чтобы, протанцевав с ним несколько раз, доставить ему удовольствие наблюдать, как она уезжает домой с мистером Теннесси Уильямсом?

Должно быть, в любом популярном ансамбле Америки есть два-три мальчика из Бирмингема, и все благодаря нашему любимому знатоку в области музыкального образования профессору Фессу Уотли. Всем вам хоть сейчас на музыкальные подмостки. Не забудьте, наш старый друг Кэб Коллоуэй вскоре почтит наш волшебный город своим появлением.

Забавное меню ожидает на этой неделе поклонников духовной пищи в Театре проказ.

С ПОНЕДЕЛЬНИКА ПО ЧЕТВЕРГ
программа высшего сорта
ЭРСКИН ХОУКИНС — «Габриэль XX века»
в спектакле
«ОКОРОЧКА С ПЕРЦЕМ»,
а также
ВСЕВОЗМОЖНЫЕ
НЕГРИТЯНСКИЕ ШУТКИ
И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
2 марта 1986 г.*

Черпая деревянной ложечкой ванильное мороженое из стаканчика, миссис Тредгуд рассказывала Эвелин о временах Великой депрессии.

— Тогда многие умирали, кто от чего. Тяжело было. Особенно цветным, они и до депрессии жили в нищете. Сипси говорила, что половина Трутвилля погибла бы от голода и холода, если бы не

Железнодорожный Билл.

Этого имени Эвелин ещё не слышала.

— Кто это — Железнодорожный Билл?

Миссис Тредгуд удивилась:

— Разве я вам не рассказывала про Железнодорожного Билла?

— По-моему, нет.

— Ну, в общем, он был знаменитым бандитом, цветным. Он на ходу забирался в поезда с правительственными запасами и скидывал с них еду и уголь, а на рассвете цветные, которые жили вдоль путей, быстренько все подбирали, пока их не застукали, и растаскивали по домам.

Думаю, его так и не поймали и даже не узнали, кто это. Грэди Килгор, железнодорожный детектив и большой друг Иджи, заходил в кафе каждый день, и Иджи не упускала случая подколоть его: «Я слыхала, старина Билл все ещё на свободе? Что это с вами, мальчишки?» Он так злился! Ведь им пришлось по двадцать лишних человек охраны посылать с поездами, и все впустую. За любую информацию о бандите обещали пожизненный бесплатный проезд на железной дороге. Но все впустую. Иджи тогда чуть до инфаркта не довела Грэди своими насмешками, но они всегда оставались друзьями. Он ведь был членом этого их клуба... Клуба «Маринованный огурец».

— Как-как?

Миссис Тредгуд засмеялась:

— Клуб «Маринованный огурец» — сборище сумасбродов, а заправляли им Иджи, Грэди и Джек Баттс.

— Что это был за клуб?

— Ну, они заявляли, что это клуб для завтраков и общения, но на самом деле просто собирались закадычные друзья Иджи, какие-то железнодорожники, Ева Бейтс и Смоки Одиночка. И знаете, что они делали? Пили виски и ввали напропалую. Смотрят тебе прямо в глаза и врут — просто так, удовольствия ради.

Так и развлекались — дурили голову всякими байками. Дурацкими, надо сказать, байками. Однажды Руфь вернулась из церкви, а Иджи сидит за столом со своими приятелями и говорит. «Руфь, ты не волнуйся, но, пока тебя не было, Культишка проглотил пулю двадцать второго калибра».

Руфь просто в ужас пришла, а Иджи все не унималась: «Да ты успокойся, с ним все в порядке. Я водила его к доктору Хэдли, он влил в парня полбутылки касторки и сказал, что ничего страшного, только посоветовал нам быть осторожнее и следить, чтобы он ни к кому не поворачивался задом».

Эвелин засмеялась, а миссис Тредгуд продолжала:

— Сами понимаете, Руфь от этого клуба была не в восторге. Иджи считалась президентом и постоянно устраивала секретные сборища. Клео утверждал, что ничего секретного у них не было, просто вся компания резалась в покер.

Вообще-то этот пресловутый клуб и кое-что хорошее делал, но они бы ни за что в этом не признались.

Они не очень-то жаловали баптистского проповедника преподобного Скруггинса за то, что тот был трезвенник. И каждый раз, когда какой-нибудь забулдыга спрашивал, где тут можно купить виски или самогон, они направляли его к дому преподобного. Тот прямо бесился от ярости.

Сипси была единственным цветным членом клуба, потому что врать умела не хуже других. Например, она рассказывала, что одна женщина никак не могла родить, и Сипси дала ей столовую ложку нюхательного табака. Женщина так крепко чихнула, что ребенок выскочил из нее, как пробка из бутылки, и перелетел через спинку кровати аж на другой конец комнаты.

— О нет! — сказала Эвелин.

— О да! А ещё она рассказывала про свою подругу Лиззи из Трутвилля, у которой, когда она ходила беременная, была жуткая страсть к крахмалу, и она ела его целыми пригоршнями из коробки, а потом родила ребеночка, белого как снег и крепкого, как доска...

— Ох, ради Бога!

— А знаете, Эвелин, ведь это могло быть правдой. Я, например, знаю, что некоторые негритянки едят глину — наклонится, отковырнет кусочек и ест...

— Да быть того не может!

— Ну, милочка моя, что слышала, то и говорю. Впрочем, возможно, речь шла о кусках мела... Что-то забывать я стала. В общем, или мел, или глина.

Эвелин, улыбаясь, покачала головой:

— Ну, миссис Тредгуд, с вами не соскучишься!

Миссис Тредгуд подумала немного и сказала:

— Что ж, пожалуй, вы правы.

«Бюллетень Полустанка»

1 декабря 1938 г.

В ПОЛУСТАНКЕ ВЫПАЛ СНЕГ

Какой подарок — настоящий снег! У меня такое впечатление, будто на прошлой неделе наш Полустанок перенесся на Северный полюс. Есть ли на свете зрелище красивее красных кустов остролиста^[18] в снегу? Наверно, нет. И все же спасибо Господу, что снег у нас бывает раз в десять лет. Уилбур, моя вторая половина, полагая, что может водить машину в любую погоду, надумал прокатить свою старую охотничью собаку и застрял в кювете на Первой улице. Теперь, пока мы починим нашу колымагу, пройдет не меньше месяца, и, если вы увидите, что невысокая женщина голосует на дороге, не проезжайте мимо: это буду я.

Моя дражайшая половина и есть тот единственный в городе человек, которого понесло кататься на машине во время града — помните, это когда с неба сыпались куски льда размером с бейсбольный мяч? — после чего мы недели три меняли ветровое стекло. И ещё он — тот ненормальный, в которого попала молния, когда он во время грозы отправился в лодке удить рыбу. Поэтому, пожалуйста, если заметите, что погода снова портится, и увидите Уилбура, скажите ему, чтобы немедленно шел домой, а я заманю его в стенной шкаф и запру там. Боюсь, как бы его не подхватил торнадо и не унес куда-нибудь далеко и надолго... С кем же я тогда воевать буду?

До меня дошли слухи, что Железнодорожный Билл за неделю ограбил пять поездов. Я помчалась в салон красоты к Глэдис Килгор, и она сказала, что её муж Грэди, железнодорожный детектив, просто вне себя от ярости.

Кстати, на случай, если Железнодорожный Билл читает эту заметку... Не могли бы вы сбросить с поезда новенькую машину, прежде чем Грэди вас поймает? Мне просто позарез нужно!

Дот Уимс

КАФЕ «ПОЛУСТАНОК»

Полустанок, штат Алабама

1 декабря 1938 г.

Солнце едва поднялось над полями позади кафе, а Иджи уже трясла его и кричала:

— Вставай, Культяшка, вставай! Да посмотри же! — И поволокла его к окну.

Вокруг было белым-бело. У него даже рот открылся от удивления.

— Что это?

Иджи засмеялась:

— Снег.

— Вот это?

— Ну да.

Он учился в третьем классе, а настоящий снег видел первый раз в жизни. Спустилась Руфь в ночной рубашке и встала у них за спиной, удивленно глядя на улицу.

Через пять минут все трое выбежали из дома, уже одетые. Снега выпало всего на два дюйма, но они валялись, хохотали и кидались снежками. Слышно было, как по всему городу хлопают двери и восторженно вопят ребятишки. К семи утра Иджи и Культяшка слепили небольшого, толстого снеговика, а Руфь приготовила им снежный коктейль из молока с сахаром.

Иджи пошла проводить Культяшку до школы. Рельсов не было видно — насколько хватало глаз, земля была укрыта белым покрывалом. Культяшка был страшно возбужден, он носился кругами и два раза шлепнулся. Иджи решила отвлечь его, чтобы он хоть немного утихомирился.

— Я тебе не рассказывала, как мы со Смоки играли в покер с человеком по имени Сэм Первач?

— Нет. А кто это, Сэм Первач?

— Ты хочешь сказать, что никогда не слыхал о Перваче? Да это же лучший игрок в покер во всей Алабама!

— Нет, мэм.

— Ну, в общем дело было так. Первач, я и Смоки засели тогда в Гейтсити играть на всю ночь, и мне пошла карта. Я выигрываю час, второй, а Первач все больше злится. Ну что прикажешь делать? Ведь пока везет, бросить нельзя, это не по правилам. И чем больше я выигрывала, тем сильнее он бесился, а скоро и совсем потерял голову от ярости: вытащил пистолет, положил перед собой на стол и сказал, что убьет того, кто в следующий раз сдаст ему плохую карту.

Культяшка не сводил с Иджи глаз.

— И чья была очередь сдавать?

— В том-то и весь анекдот, что его очередь, а он забыл. И, представляешь, сам себе сдал две двойки. И знаешь, что он сделал? Схватил пистолет, взвел курок и застрелился, прямо там, за столом. Вот что значит до конца держать свое слово.

— Ничего себе! И вы сами это видели, своими глазами?

— Конечно. Две двойки, самые натуральные двоечки.

Культияшка шел, задумавшись, и вдруг заметил какой-то предмет, лежавший в снегу около рельс. Он подбежал и поднял его.

— Смотрите, тетя Иджи, это банка квашеной капусты, её даже не открыли.

И вдруг его словно мешком по голове огрели. Он вцепился в банку и придушенным голосом прошептал:

— Тетя Иджи, клянусь, это из тех консервов, которые Железнодорожный Билл сбросил с поезда. Как вы думаете? — Иджи осмотрела банку.

— Может, ты и прав, дружок, очень даже может быть. Положи-ка обратно, пусть её найдут те, кому она предназначена.

Культияшка осторожно, как священную реликвию, положил банку на то же место.

— Вот здорово!

Первый в жизни снег, а теперь вот банка, которую, возможно, сбросил сам Железнодорожный Билл. Не слишком ли много для одного дня? Они пошли дальше, и через несколько минут Культияпка сказал:

— Наверно, этот Железнодорожный Билл — самый смелый человек на свете, как думаете, тетя Иджи?

— Конечно, смелый.

— Но разве не самый-самый из всех, кого вы знаете?

Иджи подумала.

— Я бы не сказала, что самый-самый. Он смелый, это верно, но не самый.

Культияшка даже остановился.

— Да кто же может быть смелее Железнодорожного Билла?

— Большой Джордж.

— Наш Большой Джордж?

— Ага.

— А что он такого сделал смелого?

— Начнем с того, что меня с тобой сейчас бы не было, если б не он.

— Вы имеете в виду — сегодня?

— Нет, я имею в виду вообще. Меня бы сожрали свиньи.

— Да вы что!

— Да, сэр. Мне было года два, может, три, мы с Бадди и Джулианом болтались около загона со свиньями, и я свалилась прямо в корыто.

— Неужели правда?

— Ну да. Свиньи побежали прямо ко мне, а ты знаешь, они едят все подряд... Сколько угодно случаев, когда они пожирали детей.

— Правда?

— Конечно. В общем, я вылезла из корыта и бросилась бежать, но упала. Они меня почти догнали, как вдруг Большой Джордж прыгнул в загон и стал их расшвыривать. А свиньи были здоровенные, весом фунтов в триста каждая. Он хватал их и бросал на другой конец загона, как мешки с картошкой, и не подпускал ко мне, пока Бадди не пролез под оградой и не вытащил меня из загона.

— Правда?

— Правда. Ты видел, какие у Большого Джорджа шрамы на руке?

— Да.

— Это его тогда свиньи поранили. Но Большой Джордж ни слова папе не сказал — он понимал, отец убил бы Бадди за то, что тот водил меня к загону.

— Я этого не знал.

— Ну откуда ж тебе было знать!

— Ничего себе! А кто ещё самый смелый? Может, дядя Джулиан? Он на прошлой неделе подстрелил оленя с большими рогами. Для этого надо быть очень смелым.

— Ну, смелость смелости рознь, — сказала Иджи. — Чтобы убить беззащитное животное из ружья двадцатого калибра, большой храбрости не требуется.

— А тогда кто ещё смелый, кроме Большого Джорджа?

— Дай сообразить. — Иджи задумалась. — Кроме Большого Джорджа я бы назвала твою маму.

— Маму?

— Да, твою маму.

— Нет, я не верю. Почему? Она же всего боится, даже крошечного клопа. Что она такого храброго сделала?

— Кое-что сделала. Однажды она кое-что сделала.

— Что же?

— Не важно. Ты спросил, я ответила. Твоя мама и Большой Джордж — двое самых смелых людей из тех, кого я знаю.

— Правда?

— Честное слово.

Культияшка был потрясен.

— Это ж надо!

— Вот так-то. И я хочу, чтобы ты ещё кое-что запомнил. Человек — самое загадочное существо на земле и самое замечательное. Никогда не забывай этого. Слышишь?

Культияшка посмотрел на неё и твердо сказал:

— Да, мэм. Не забуду.

Они пошли дальше вдоль рельсов, а ярко-красный кардинал, сорвавшись с покрытого снегом дерева, взмыл вверх над белым горизонтом.

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

Старое шоссе Монтгомери,

Бирмингем, штат Алабама

9 марта 1986 г.

Раньше в такие бесконечно долгие черные ночи Эвелин часто просыпалась в холодном поту и боролась с кошмарами: её преследовали видения смерти, трубок, ведущих к аппаратам в отделении реанимации, растущих в теле опухолей. Ей хотелось закричать, позвать на помощь Эда, который безмятежно спал рядом. Но она не кричала, а продолжала до утра лежать на дне пропасти, во тьме собственного ада.

Теперь, чтобы изгнать из мыслей холодное дуло и медленно спускаемый крючок, она закрывала глаза и заставляла себя услышать голос миссис Тредгуд, а если глубоко вздохнуть и сосредоточиться, то ей удавалось очутиться в Полустанке. Она шла по улице, заходила в салон красоты миссис Опал и почти ощущала, как ей моют волосы теплой водой, потом прохладной, потом холодной. После укладки она шла на почту навестить Дот Уимс, затем в кафе, к людям, которых так явственно себе представляла: к Культияшке, Руфи, Иджи. Она заказывала завтрак, а Уилбур Уимс и Грэди Килгор приглашали её за свой столик. Ей улыбались Сипси и Онзелла, а с кухни доносились звуки радио. Все спрашивали, как она поживает, и солнце всегда светило в окна, и всегда наступало завтра... Потом она все глубже и глубже погружалась в сон и все меньше думала о пистолетах.

Проснувшись сегодня утром, Эвелин поняла, что с нетерпением ждет поездки в приют. Как ни крути, но рассказы о кафе и Полустанке стали для неё куда большей реальностью, чем её нынешняя жизнь с Эдом в Бирмингеме.

Как всегда, её новая приятельница была в прекрасном настроении и искренне обрадовалась шоколадке «Херши» без миндаля, которую ей привезла Эвелин. Съев почти половину, миссис Тредгуд заговорила:

— Господи, хотела бы я знать, что стало со Смоки Одиночкой? И где он теперь, может, умер? Наверно, умер.

Я хорошо помню, как он первый раз появился в кафе. Я лакомялась жареными зелеными помидорами, а он постучал с черного хода и попросил поесть. Иджи ушла на кухню и скоро вернулась с этим бедным парнем. Он был ужасно грязный, весь в угольной пыли, и она велела ему пойти умыться. А потом пошла приготовить ему поесть и говорит: в жизни не встречала человека, который выглядел бы таким одиноким. Он сказал, что его зовут Смоки Филлипс, но Иджи окрестила его Смоки Одиночкой, и с тех пор каждый раз, когда видела его, она говорила: «Вот идет старый бродячий кот Смоки Одиночка».

Бедняга, у него, небось, и семьи-то никакой не было. Руфь с Иджи пожалели его, потому что он был какой-то полудохлый, и пустили жить в сарайчик за кафе. Порой его разбирала тяга к перемене мест, и два или три раза в год он куда-то исчезал, но рано или поздно все равно возвращался — пьяный, усталый, оборванный — и опять жил в своем сарайчике. У него вообще ничего не было, ни единой вещи, разве что вилка да ложка. Он носил их в кармане пальто, а открывалку затыкал за ленту на шляпе. Говорил: не хочу себя ничем обременять. По-моему, тот сарай за кафе был единственным местом, которое он мог назвать своим домом, и если бы не Руфь с Иджи, он наверняка бы умер с голода.

Но я все-таки думаю, Смоки возвращался по другой причине... По-моему, он был влюблен в Руфь. Правда, он никогда этого не говорил, но достаточно было видеть, какими глазами он на неё смотрит.

Знаете, я рада, что мой Клео умер первым. Мне кажется, мужчины не справляются с жизнью без женщины, потому-то многие так недолго живут после смерти своих жен. Они просто теряются. Жалко их. Возьмите хоть старика Данауэя. Месяца не прошло, как умерла его жена, а он уже бежит за каждой юбкой... Вот почему его пичкают успокоительными лекарствами: чтобы уgomонился. Считает себя Ромео, можете представить? А сам похож на старого лопухого индюка. Хотя кто я такая, чтобы насмехаться! Ведь совершенно не важно, как ты выглядишь, все равно

найдется человек, который считает тебя самым прекрасным существом на свете. А что, может, ему и удастся подцепить кого-нибудь из здешних старушек...

УЛИЦА УЭСТ-МЕДИСОН

Чикаго, штат Иллинойс

3 декабря 1938 г.

Улица Уэст-Медисон в Чикаго ничем не отличалась от улицы Пратт в Балтиморе, от Главной Южной улицы в Лос-Анджелесе или от Третьей улицы в Сан-Франциско. Улица евангелических миссий, дешевых отелей и меблированных комнат, магазинчиков поношенной одежды, забегаловок с жирными ложками, ломбардов, винных магазинов и публичных домов, предназначенных для мужчин, которых снисходительно называют «разочаровавшимися».

Этот год в Чикаго отличался от других лет только тем, что Смоки Одиночка, который всегда гулял сам по себе, на этот раз обзавелся попутчиком. Честно говоря, он был совсем ещё зеленым, этот мальчишка, но ничего, решил Смоки, для компании сойдет. Они познакомились месяц назад в Мичигане.

Мальчишка был симпатичный, с совсем детским лицом. Путешествовал он в сером свитере поверх коричневой рубашки, в потрепанных коричневых штанах, а кожа у него была нежной, как попка ребенка. Молоко на губах ещё не обсохло, а уже влип в неприятности: в Детройте к нему прилепились какие-то парни, пытались изнасиловать. Ну он и спросил Смоки: ничего, если я немного с тобой покантуюсь?

Смоки ответил ему словами, которые слышал от одного старого бродяги: «Отправляйся-ка ты домой, сынок, пока ещё в силах. Беги от этой жизни, потому что стоит тебе разок поссать с товарняка на ходу, и все, считай, ты уже на крючке».

Но мальчишка пропустил это мимо ушей, как и сам он в свое время, и тогда Смоки решил: черт с ним, пусть остается.

А он оказался забавным, этот мальчишка. Чуть штаны с себя не стянул, так обшаривал карманы в поисках десятицентовика. Хотел посмотреть, как Салли Рэнд танцует «Белые птицы в лунном свете» — прочитал в афише и загорелся. Он так и не нашел ни цента, но билетерша в стеклянной будке

пожалела его и пропустила бесплатно.

Ожидая конца представления, Смоки нашел четверть доллара и подумал, что теперь им хватит на два бифштекса по десять центов в гриль-баре. Им сегодня ещё не удалось поесть как следует, если не считать банки венских сосисок да нескольких заплесневелых крекеров. Смоки закурил сигарету, которую обнаружил в смятой сигаретной пачке: кто-то недоглядел и выбросил, и тут мальчишка вылетает из театра чуть ли не на крыльях.

— Ой, Смоки, как жалко, что ты не видел ее! Она самая красивая, самая замечательная женщина в мире! Это просто ангел, который спустился с небес!

Пока они ели, мальчишка без умолку тараторил об этой Салли Рэнд. После бифштексов им не хватило тридцати центов на комнату в отеле, и они отправились к Грант-парку в надежде переночевать в какой-нибудь из лачуг, которые бродяги ладили из толя, картона и остатков всякой рухляди. В случае удачи в парке можно было отыскать пустое жилье, и в ту ночь им повезло.

Перед сном мальчишка, как всегда, попросил:

— Расскажи, Смоки, где ты побывал, кем работал.

— Так ведь я уже рассказывал.

— А ты ещё раз Расскажи.

И Смоки стал вспоминать те времена, когда он подрабатывал в Балтиморе в ресторане «Белая башня», где все так сверкало чистотой, что есть можно было прямо с пола. Потом вспомнил, как вкалывал на угольной шахте под Питтсбургом.

— Знаешь, тамошние ребята могли есть крыс, а я нет, не мог. Крысы столько раз спасали нам жизни, и меня вот спасли однажды. Они первыми чуют газ в шахте.

Как-то мы с одним стариком работали глубоко под землей, копали, и вдруг мимо нас промчались сотни две крыс со скоростью больше шестидесяти миль в час. Я-то ничего не понял сначала, а этот старик негр швырнул кирку и заорал: «Бежим!» Я побежал что было сил, тем и спасся. И если я теперь вижу крысу, то не трогаю, пусть себе идет по своим крысиным делам. Я их, парень, очень уважаю.

Мальчишка, уже засыпая, пробормотал:

— А какая у тебя была самая плохая работа?

— Самая плохая? Дай подумать... Я делал много такого, чего порядочный человек делать не станет, но, наверно, хуже всего было в двадцать восьмом году, когда я работал на скипидарном заводе в Винегар-Бенде, в Алабаме. К тому времени я уже два месяца ел одни

консервированные бобы и так обнищал, что пятицентовик казался мне размером с оладью. Я уж думал, что никогда не получу работы. Из белых там работали одни каджуны,^[19] их ещё называли скипидарными ниггерами. Белый от такой работы мог подохнуть. Я протянул пять дней, а потом три недели блевал от этого запаха: все пахло скипидаром — волосы, кожа, даже одежду пришлось сжечь.

Внезапно Смоки замолчал и поднялся. Услышав топот и крики, он сразу понял, в чем дело. Последние два месяца Американский легион^[20] взялся разгонять лагеря безработных, камня на камне не оставлял. Ему было приказано вымести поганой метлой всю нечисть, которая позорит город. Смоки крикнул мальчишке:

— Вставай! Уходим!

Они бросились со всех ног, и с ними ещё двадцать два обитателя этого гувервилля,^[21] нашедших в ту ночь приют в парке. Было слышно, как они ломятся через доски и картон и как рушатся крытые толем лачуги под ударами ломиков и железных труб.

Смоки повернул налево, но вскоре начал задыхаться и лег, потому что знал — с его легкими ему не убежать, в два счета загребут.

Смоки прижался к земле и затаился, ожидая, пока закончится облава. Мальчишка, наверно, успел удрать и теперь ждет его где-нибудь в безопасном месте.

Когда все затихло, он вернулся к лагерю посмотреть, не осталось ли целой лачуги. Но небольшой самодельный городок превратился в груды листов толя и обломков картона и фанеры. Все хижины были разрушены. Он уже собрался уходить, как вдруг услышал голос:

— Смоки!

Мальчишка лежал неподалеку от их лачуги. Смоки подошел к нему.

— Что с тобой?

— Я знаю, ты говорил мне никогда не развязывать ботинки, вот шнурки и запутались. Я споткнулся.

— Тебя ранило?

— Меня, кажется, убило.

Смоки присел на корточки. У парня была разбита голова.

— Знаешь, Смоки, я думал, бродяжничать это весело... вовсе это оказалось не весело...

Он закрыл глаза и умер.

На следующий день Смоки позвал двух своих приятелей, и они

похоронили мальчишку на кладбище для бродяг, неподалеку от Чикаго. Элмо Вильямс прочел отрывок из карманного красного молитвенника Армии спасения, который он всегда держал при себе.

Если умер друг — не плачь, не грусти,
Он отныне свободен снова,
Он покинул тюрьму и теперь в пути,
Вдалеке от всего земного.

Они даже имени его не звали, поэтому на доске от ящика написали только одно слово: «Мальчишка».

Все ушли, а Смоки задержался попрощаться.

— Ну что ж, парень, — сказал он. — По крайней мере, ты увидел Салли Рэнд. А это уже кое-что.

Он повернулся и пошел на станцию, чтобы сесть на поезд, идущий на юг, в Алабаму. Ему хотелось уехать из Чикаго, поскольку здешний ветер, который хлестал по небоскрегам, был таким холодным и резким, что порой мог выбить слезу из глаз мужчины.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

8 декабря 1938 г.

БЕРЕГИТЕСЬ ДЕТОНАТОРОВ

Не разрешайте вашим детям играть у железнодорожных сортировочных станций, где взрывают динамит. Моя дражайшая половина рассказал, что несколько дней назад по дороге в Нашвилль слышал историю про парня, который откусил кусок детонатора, и ему оторвало губы.

Опал сказала, что на днях у неё в салоне была такая кутерьма, все так лихорадочно готовились к предстоящему банкету в «Восточной звезде», что кто-то по ошибке взял голубое женское пальто. Если оно у вас, верните,

пожалуйста.

Поездку на грузовике с сеном оплатила баптистская церковь, Пегги Хэдли нечаянно оставили на стоянке, но потом нашли.

Иджи и Руфь в прошлую субботу осчастливили наших ребяташек — возили их в парк Эйвондейл, чтобы повидать мисс Фэнси, знаменитую слониху, которую так любят дети и взрослые. У каждого осталась на память фотография «Я и мисс Фэнси». Снимки будут готовы во вторник.

Доктор Клео Тредгуд вернулся в прошлую пятницу из клиники Майо, [22] куда возил на обследование маленького Альберта. К сожалению, он привез плохие известия для Нинни. Остается только надеяться, что врачи ошиблись. Клео приступит к работе в понедельник.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
15 марта 1986 г.*

Сегодня они ели крекеры и разговаривали. По крайней мере, миссис Тредгуд разговаривала.

— Знаете, я была уверена, что вернусь домой к Пасхе, но, кажется, с этим придется обождать. Миссис Отис все никак не могла привыкнуть, но теперь, похоже, начала осваиваться и даже записалась на курсы рукоделия, которые тут открыли. Кстати, ваша свекровь тоже туда ходит. Джинин сказала, что на Пасху будут прятать пасхальные яйца и пригласят школьников, чтобы искали, будет весело.

Я всегда любила Пасху, с детства. Все, что с ней связано, любила. Мы когда были маленькие, то в субботу перед Пасхой собирались на кухне и красили яйца. А мама Тредгуд делала самое главное пасхальное яйцо — золотое.

Утром нас одевали в новые костюмчики и новые башмаки из папиного магазина. После церкви мама с папой сажали нас в автобус, и мы ехали до Бирмингема и обратно, пока они прятали во дворе две сотни пасхальных яиц. Призов было много, но самый главный полагался тому, кто отыщет золотое яйцо.

В тот год, когда я его нашла, мне было тринадцать. Мы битых два часа рыскали вокруг дома, но золотого яйца так никто и не нашел. Я встала посреди двора передохнуть, случайно оглянулась и вдруг заметила, как под качелями что-то сверкнуло. И действительно, там оно и лежало — золотое яйцо. Лежало в траве, меня дожидалось. Эсси Ру ужасно разозлилась. Она сама мечтала его найти, потому что главным призом в тот год было большое пасхальное яйцо из китайского фарфора, лимонно-желтое с удивительной искрящейся пылью. И если заглянуть через окошечко внутрь, можно было разглядеть крошечное симпатичное семейство: мама, папа, две дочки и собака возле домика. Этот домик был очень похож на наш. Я часами могла смотреть в это яйцо... Интересно, куда оно подевалось. Наверное, продали во время Первой мировой.

Пасха всегда приносила мне удачу. На Пасху Господь подал мне знак, что родится Альберт.

Временами, видя, как трудно живется другим, я вдруг понимаю: до чего же мне повезло с Клео! О лучшем муже я и мечтать не могла. Он никогда не лгал, не пил, а умный какой был! Я не хвастаюсь, я вообще не из хвастливых, это все чистая правда. У Клео была поразительная память. Он никогда не лазил ни в какие справочники. Я называла его своей ходячей энциклопедией. Когда я сомневалась, как правильно написать какое-нибудь слово, я просила: «Папочка, скажи по буквам». И он никогда не ошибался. А ещё он прекрасно знал историю. Спроси у него любую дату — ответит, ни секунды не задумываясь. И я ещё не встречала человека, который бы так хотел стать хирургом. Когда умер папа, и Клео пришлось бросить медицинскую школу, у него чуть сердце не разбилось от горя. Но я не слышала от него ни слова жалобы, ни разу.

Его все любили. Спросите любого, кто его знал, и услышите в ответ: не было в мире человека добрее, чем Клео Тредгуд.

Но молоденькие девушки такие смешные! Им подавай страстей, блеска, романтики... А Клео был тихим. Сначала мне даже показалось, что он герой не моего романа. А он все решил в первый же вечер, как из колледжа вернулся и увидел меня на кухне. Я помогала Сипси нарезать печенье на большом белом столе, обитом жостью.

Он вошел в гостиную, где сидели мама и папа, и сказал: «Я женюсь на этой высокой девочке, которая в кухне режет печенье». Прямо как молния у него в голове вспыхнула. Но вообще-то все Тредгуды такие. Мне тогда было только пятнадцать, и я сказала, что не собираюсь ни за кого замуж выходить, я ещё маленькая. А он отвечает: «Ничего, через годик я опять сделаю тебе предложение». И сделал, но я ещё была не готова. Я вышла за

него в восемнадцать и все равно не была готова.

Ох, как же я сначала боялась, что Клео — не тот, кто мне нужен. Плакала маме Тредгуд в жилетку. А она говорила: «Ничего, Нинни, ты научишься его любить, не беспокойся». — Миссис Тредгуд повернулась к Эвелин: — Интересно, сколько людей не находят себе подходящей пары, а скольких судьба сводит с единственно нужным человеком? В общем, когда я оглядываюсь на все эти счастливые годы с Клео и думаю, что могла отказать ему, меня просто в дрожь бросает.

Конечно, я вышла за Клео совсем зеленой. — Она хихикнула. — Вы даже представить не можете, насколько я была зеленой. Ни о сексе ни малейшего понятия не имела, ни о том, что после этого бывает. Вообще ни о чем, голого мужчину до того ни разу не видела. Так и напугаться можно до смерти, милочка. Но Клео долго приручал меня, и постепенно я начала кое в чем разбираться.

За всю жизнь мы друг другу ни одного грубого слова не сказали, честно. Он был мне отцом и матерью, мужем и учителем. У него были все качества, необходимые мужчине. Ой, а как тяжело было расставаться, даже на время! Сначала эта война, потом он поступил в школу мануальной терапии, и мне снова пришлось жить с мамой Тредгуд. Клео всего добивался сам, ни от кого помощи не принимал. И никогда не жаловался, просто делал свое дело. Вот какой был Клео.

Нам ужасно хотелось иметь ребенка, но что-то никак не получалось. Так он даже не заговаривал об этом, чтобы лишний раз меня не травмировать, а уж я-то знаю, как он мечтал о сыне. Потом врач сказал, что у меня загиб матки, и детей у нас никогда не будет. А Клео обнял меня и говорит: «Не волнуйся, дорогая, мне никого, кроме тебя, не нужно». И никогда не давал мне почувствовать, как ему горько. Но Боже мой, как я хотела подарить ему малыша! Каждый день молилась: «Господи, если я сделала что-то дурное, если поэтому Ты не даешь мне дитя, то прошу Тебя, пожалуйста, не заставляй страдать Клео!» Я долго мучилась из-за этого.

Однажды в пасхальную субботу я сидела в церкви, и преподобный Скруггинс рассказывал о вознесении Господа нашего на небеса. Я закрыла глаза и подумала: вот бы протянуть руки и вознестись на небо к Иисусу и принести домой маленького ангела для Клео. Я очень молила Господа, и вдруг луч солнца пробился сквозь верхнее стекло и осветил меня, словно прожектором. Луч был яркий, прямо ослепительный, и до конца проповеди я сидела, с ног до головы облитая светом. Преподобный Скруггинс говорил потом, что не мог оторвать от меня глаз: волосы мои прямо огнем пылали, а сама я вся светила. Он сказал: «Вы на удивление удачно выбрали место в

ту субботу, миссис Тредгуд».

Но я-то знала: это Бог тогда подал мне знак, что мои молитвы услышаны. Аллилуйя, Христос воскрес! Да, Господь воистину воскрес.

Мне было тридцать два, когда родился Альберт.

И трудно было найти отца счастливее, чем Клео Тредгуд.

Альберт родился крупным ребенком. Весил двенадцать с половиной фунтов. Мы тогда жили все вместе, и мама Тредгуд с Сипси возились со мной наверху, а Клео ждал в кухне вместе с остальными. В тот день из кафе пришли Иджи и Руфь, и Иджи притащила бутылку виски «Дикая индейка». Она налила немного в чайную чашку и протянула Клео, чтобы он успокоился. Это был на моей памяти единственный случай, когда Клео выпил спиртного. Иджи-то понимала, каково ему тогда было. Она сама через это прошла, когда Руфь рожала.

Говорят, когда Сипси протянула Клео малыша, тот прямо разрыдался. А больше он никогда не плакал... до тех пор, пока мы не обнаружили, что с малышом не все в порядке. Случайно заметили, что ребенку трудно сидеть. Он очень старался сесть, но все время опрокидывался. И не ходил почти до двух лет. Мы его таскали по всем врачам Бирмингема, но они не могли понять, в чем дело. Наконец Клео сказал: наверно, придется свозить его в клинику Майо, может, там чем-нибудь помогут. Я нарядила Альберта в морской костюмчик и фуражку. Помню, был холодный январский день, и когда Клео с малышом сели в вагон, и поезд тронулся, Альберт стал крутиться у него на руках, — меня искал.

До чего тяжело было смотреть, как они уезжают! Я пришла домой с таким ощущением, будто у меня вырвали сердце. Альберта держали там три недели, все обследования провели, и каждую минуту, пока их не было, я молилась: «Господи, пожалуйста, пусть у него ничего не обнаружат, пусть мой мальчик окажется здоров!»

Когда Клео вернулся, он сначала ничего мне не сказал, а я и не спрашивала. Наверно, не хотела знать. Он привез фотографию: они с Альбертом сидят на каком-то полумесяце со звездами позади. Этот снимок я до сих пор храню и не расстанусь с ним за миллион долларов.

А после ужина он усадил меня на диван, взял за руку и говорит: «Мамочка, я хочу, чтобы ты держалась молодцом». Сердце у меня так и упало. Врачи сказали ему, что наш мальчик при рождении получил травму, вызвавшую кровоизлияние в мозг. «Он умрет?» А Клео ответил: «Ох, нет, милая, физически он абсолютно здоров. Его всего проверили, с ног до головы». Когда я это услышала, у меня словно камень свалился. Я сказала: «Спасибо Тебе, Господи!» — и встала, но Клео удержал меня: «Подожди,

милая, ты должна ещё кое-что знать». А я говорю: «Раз малыш здоров, меня больше ничего не интересует». Но он усадил меня обратно. «Мамочка, нам придется кое-что серьезно обсудить». И объяснил: врачи сказали, что Альберт может прожить долго и болеть не будет, но что касается умственного развития, то он останется на уровне четырех-, пятилетнего ребенка. На всю жизнь. И порой такая тяжкая ноша — иметь ребенка с подобным дефектом — оказывается непосильной для родителей. Клео сказал, что есть специальное заведение... Но я не стала его слушать. «Ноша? — удивилась я. — Разве можно называть тяжкой ношей такого замечательного, милого и доброго малыша? Кто мог такое придумать? Боже мой, да Альберт с первой минуты стал радостью всей моей жизни. В целом мире нет малыша с такой чистой душой, как у него». И много лет спустя, когда у меня портилось настроение, стоило мне взглянуть на Альберта, — и все как рукой снимало. Я не знала ни дня отдыха, но мне это было не в тягость. Ни разу у него в голове не возникло недоброй мысли. Он просто не знал, что на свете существует зло.

Многие огорчились бы, родись у них неполноценный ребенок, но мне кажется, Господь Бог сделал его таким, чтобы уберечь от страданий. Он даже не догадывался, что на земле есть плохие люди. Он всех любил, и все любили его. Я действительно всем сердцем верю, что Бог послал мне ангела, и иногда мне прямо не терпится попасть на небеса, чтобы снова его повидать. Мы были с ним большие друзья, и мне очень его не хватает. Особенно на Пасху.

Миссис Тредгуд взглянула на свои руки.

— Ну, раз мне придется ещё немного побыть здесь, я вспомнила о той картинке, что у меня дома в спальне висит. Там индейская девушка с веслом плывет в каноэ по реке в лунном свете. Она одета, и я попрошу Норриса, когда у него найдется свободная минутка, заскочить ко мне и принести эту картинку.

Миссис Тредгуд вытащила что-то из коробки с крекерами, и глаза её мгновенно загорелись.

— Ой, Эвелин, поглядите-ка, я приз нашла! Маленький цыпленок. Прелесть какая! — И она радостно показала подруге игрушку.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

30 декабря 1939 г.

ИСЦЕЛЯЮЩИЕ ШВЕЙНЫЕ МАШИНКИ ОКАЗАЛИСЬ НАДУВАТЕЛЬСТВОМ

Человек, недели две назад продававший в нашем городе так называемые исцеляющие швейные машинки, которые вроде бы должны лечить вас во время шитья, был арестован в Бирмингеме. Оказалось, машинки эти вовсе не французские, а сделаны под Чаттанугой, в штате Теннесси, и никакие они не исцеляющие. Бидди Луис Отис очень огорчилась: она надеялась, что машинка, которую она купила, поможет ей избавиться от артрита.

Бойскауты Полустанка Дуэйн Гласс и Вернон Хэдли получили значки «Настоящий мужчина», а Бобби Ли Скроггинс перешел в скауты-орлы. Предводитель скаутов Джулиан Тредгуд в качестве награды повез их на экскурсию к чугунной статуе Вулкана в Бирмингем, на вершину Красной горы...

Джулиан потом рассказывал, что статуя Вулкана такая огромная, что у него в ухе можно стоять в полный рост.

Вопрос на засыпку: у кого, скажите на милость, может возникнуть желание постоять в человеческом ухе?

Веста Эдкок устроила в «Восточной звезде» обед для дам и приготовила птифуры.

Кстати, Опал убедительно просит соседей не кормить её кошку Бутс, даже если она станет попрошайничать и вести себя так, будто умирает с голоду. У неё дома полно еды, к тому же ей нужно соблюдать диету, поскольку доктор говорит, что она слишком разжирела.

Дот Уимс

P. S. Никто не находил декабрьский выпуск «Нэшнл джиографик», который моя дражайшая половина Уилбур где-то посеял? Он никак не может смириться с этой потерей, так как не успел дочитать журнал.

ТРУТВИЛЛЬ, ШТАТ АЛАБАМА

8 января 1938 г.

С тех пор как Иджи повесила в кафе фотографию слонихи мисс Фэнси, Озорная Птичка, младшая дочка Онзеллы и Большого Джорджа, буквально ею бредила. Она умоляла отца свозить её в парк Эйвондейл посмотреть на эту слониху, и больше ни о чем не могла думать.

Озорная Птичка уже месяц как болела. Доктор Хэдли поставил диагноз: пневмония, и сказал, что если не заставить её поесть, он не берется утверждать, что девочка проживет до конца следующей недели.

Большой Джордж стоял над кроваткой дочери с нетронутой тарелкой овсянки. «Ну, пожалуйста, съешь ложечку за папу, а! Одну малюсенькую ложечку за своего папу, детка! Ну чего ты хочешь? Хочешь, папа принесет тебе сахарного котика?»

Озорная Птичка, которая в свои шесть лет весила всего тридцать фунтов, лежала безразличная ко всему на свете, с погасшими глазами и качала головой.

— Хочешь, мама сделает тебе печенье? — спрашивала её Онзелла. — Хочешь печенье с медом, деточка?

— Нет.

— Мисс Иджи пришла к тебе, и мисс Руфь. Смотри, какую вкуснятину принесли. Ну съешь кусочек.

Девочка отвернулась к стене, на которой висели фотографии из журналов, и что-то буркнула.

— Что, деточка? — наклонилась к ней Онзелла. — Ты говоришь, что хочешь печенье?

Озорная Птичка еле слышно сказала:

— Я хочу мисс Фэнси.

Онзелла отвернулась, пряча слезы.

— Ну вот, видите, мисс Руфь? Она вбила себе в голову, что хочет поехать посмотреть эту слониху, и больше ничего не желает. Говорит, что не станет кушать, пока не увидит её.

Иджи с Большим Джорджем вышли на крыльцо и сели на потрепанные зеленые раскладные стулья. Большой Джордж смотрел в сад невидящим взглядом.

— Мисс Иджи, я не могу допустить, чтобы моя девочка умерла, не увидав эту слониху.

— Джордж, ты же знаешь, нельзя тебе сейчас в парк Эйвондейл. Там только на прошлой неделе ку-клукс-клан устроил очередное сборище. Они тебе башку снесут, как только ты ступишь за ворота.

Большой Джордж помолчал немного и сказал:

— Ну что ж, тогда им придется снести мою башку, потому что я лучше буду мертвый в земле лежать, лишь бы не видеть, как моя девочка мучается.

Иджи знала, что это не пустые слова. Этот огромный мужчина, который мог поднять и унести здоровенную свинью, так нежно и трогательно любил свою дочку, что, если Онзелле случалось шлепать её, не выдерживал и убегал из дому. А когда он под вечер возвращался с работы, Озорная Птичка бросалась к нему, карабкалась, словно по дереву, и обнимала за шею. Она могла обмотать его вокруг своего мизинца, словно ленту новогоднего серпантина.

В этом году он мотался на трамвае в Бирмингем только ради того, чтобы купить ей пасхальное белоснежное платье и туфельки. Утром на Пасху Онзелла заплела кучеряшки Озорной Птички в маленькие косички и повязала белые банты. Сипси, увидев девочку в этом наряде, расхохоталась и сказала, что она похожа на муху, попавшую в кувшин молока. Но Большого Джорджа совсем не беспокоило, что дочка у него черная, как полуночное небо, и что у неё курчавые волосы. Он взял её с собой в церковь и посадил на колени, будто она — принцесса Маргарет Роуз.^[23]

Поэтому чем хуже становилось Озорной Птичке, тем больше Иджи волновалась за Большого Джорджа: он мог Бог знает что натворить ради своей крошки.

Прошло два дня. После ливня было холодно и сыро. Культияшка возвращался из школы по рельсам, вдыхая дым сырых сосновых дров, валивший из труб ближайших домов. На нем были коричневые вельветовые брюки и выдавшая виды кожаная куртка. И все же он продрог до костей.

Добравшись наконец до кафе, он уселся на кухне перед печкой. Уши, отогреваясь, горели огнем.

— Милый, ну почему ты не надел шапку? — укоряла его Руфь.

— Забыл.

— Ты же не хочешь заболеть, правда?

— Нет.

Он обрадовался, увидев Иджи. Она подошла к шкафу и, надевая пальто, спросила, не хочет ли он прокатиться с ней и Смоки до Бирмингема, им надо попасть в парк Эйвондейл. Он подскочил как ужаленный.

— Еще как хочу!

— Тогда пошли.

Руфь возмутилась:

— Минуточку! А уроки?

— Нам совсем немного задали.

— Если я тебя отпущу, ты обещаешь мне все сделать, когда вернешься?

— Да, мама.

— Иджи, вы ведь только туда и обратно?

— Конечно. Мне надо всего лишь поговорить там с одним человеком.

— Ну ладно. А шапку-то, Культяшка!

Но он уже выбегал из дверей.

— Пока, мам!

Руфь сунула его шапку Иджи.

— Постарайтесь вернуться до темноты.

— Обязательно вернемся. Не скучай.

Они сели в машину и поехали в Бирмингем. В двенадцать ночи Руфь уже места себе не находила, как вдруг раздался телефонный звонок. Руфь схватила трубку: это был Смоки. Он выпалил:

«Не волнуйтесь, мисс Руфь, с нами все в порядке», — и повесил трубку прежде, чем Руфь успела хоть слово сказать.

В пять сорок пять утра Руфь помогала Сипси готовить завтрак для первых посетителей. Онзеллы не было, она осталась дома с Озорной Птичкой, которой стало хуже. Руфь вся изнервничалась: Культяшка, Иджи и Смоки до сих пор не вернулись.

— Да придет она, — успокаивала её Сипси. — Она же вечно так, удерет, и нету её. Она не допустит, чтобы с мальчиком что-то случилось.

Через час Грэди Килгор с друзьями, которые зашли выпить кофе, услышали звук трубы. Затем вдалеке все громче и громче затренькали рождественские колокольчики. Все бросились к окну и застыли, не веря своим глазам.

По соседству, в салоне красоты, Опал, которая только что вылила чашку зеленого шампуня на голову клиентки, выглянула в окно и завизжала, чуть не до смерти напугав бедную Бидди Луис Отис.

Мисс Фэнси, вся разряженная, в кожаных браслетах на щиколотках, со всеми своими колокольчиками, с ярко-красным плюмажем, прошествовала мимо кафе, покачивая хоботом. Она направлялась в Трутвилль.

Сипси, выйдя из кухни и увидев в окне огромное животное, мгновенно спряталась в ванной и заперла за собой дверь.

Через секунду в кафе ворвался Культяшка.

— Мам! Ма-ма-а! Выходи! — И выскочил обратно, таща за руку Руфь.

Пока мисс Фэнси шла по Трутвиллю, поднимая красную пыль, двери всех домов распахивались, а воздух наполнялся восторженными воплями ребятишек. Изумленные родители, кое-кто ещё в ночной рубашке или пижаме, а то и с бигуди в волосах, стояли в дверях, потеряв дар речи.

Дж. У. Молдуотер, хозяин мисс Фэнси, шел рядом со слонихой. Весь прошлый вечер он сражался с бутылкой виски и, судя по всему, потерпел поражение. Сейчас ему хотелось только одного: чтобы дети, которые носились вокруг него и прыгали, словно мексиканская фасоль на сковородке, вели себя чуть-чуть потише. Он повернул голову к Иджи, которая шла рядом, и спросил:

— Ну где она живет-то?

— Я покажу.

Онзелла как была, в фартуке, выбежала из дома и завопила, зовя Большого Джорджа. Он вышел с заднего двора, где колол дрова, с топором в руках и остолебенел. Потом взглянул на Иджи и сказал ласково:

— Спасибо, мисс Иджи. Спасибо вам.

Положив топор, он вошел в дом и осторожно закутал девочку в лоскутное одеяло.

— Тебя там ждут. Кто-то очень долго шел пешком от самого Бирмингема, чтобы увидеть тебя, детка. — И вынес её на крыльцо.

Когда они появились на крыльце, Дж. У. Молдуотер подтолкнул тросточкой свою морщинистую подружку, и старая цирковая артистка села на задние ноги и громко затрубила, приветствуя Озорную Птичку. Глаза девочки вспыхнули и от изумления стали круглыми.

— Ой, это же мисс Фэнси, пап? Это ведь сама мисс Фэнси!

Руфь, взяв Онзеллу за руку, смотрела, как дрессировщик, мрачный с похмелья, подвел слониху к ступеням крыльца. Он протянул Озорной Птичке пакетик с орешками и сказал:

— Можешь покормить её, если хочешь.

Самое большое, на что отважился Билли, это высунуть нос в окошко. Остальные дети держались на почтительном расстоянии, не решаясь приблизиться к этому громадному серому животному размером с дом. Но Озорная Птичка совсем не боялась и скормила слонихе все орешки, один за другим. Она разговаривала с мисс Фэнси как с подружкой и рассказала, сколько ей лет и в каком она учится классе.

Мисс Фэнси мигала глазками и, казалось, внимательно слушала. Она по одному брала орешки из руки девочки и делала это куда осторожнее, чем элегантная дама в перчатках взяла бы с прилавка монетку в десять центов.

Минут через двадцать Озорная Птичка помахала на прощание слонихе, и Дж. У. Молдуотер отправился в бесконечно длинный обратный путь. Он дал себе клятву больше не брать в рот спиртного и никогда, никогда не садиться играть в покер с незнакомыми людьми.

Озорная Птичка вернулась в дом и съела три печенья с медом.

ВАЛДОСТА, ШТАТ ДЖОРДЖИЯ

15 сентября 1924 г.

Спустя две недели после того, как Руфь Джеемисон вернулась домой, чтобы выйти замуж, Иджи приехала в Валдосту и остановила машину на главной улице перед редакцией газеты, рядом с парикмахерской. Примерно через час она вышла из машины и отправилась в бакалейный магазин на углу, который мало чем отличался от лавки её отца, разве что был немного больше, с дощатым полом и высокими потолками.

Иджи походила по магазину, оглядела товары, стоявшие на полках. Лысый человек в белом фартуке спросил:

— Чем могу быть полезен, мисс? Вы что-нибудь хотите?

Иджи ответила, что купила бы немного подсоленных крекеров и пару ломтиков сыра, выставленного на витрине. Пока он нарезал сыр, Иджи сказала:

— А вы случайно не в курсе, Фрэнк Беннет сегодня в городе?

— Кто?

— Фрэнк Беннет.

— А-а, Фрэнк. Нет, он обычно по средам сюда приезжает, в банк, а иногда в парикмахерскую, вон ту, через дорогу. Вы хотите его повидать?

— Да нет, я его и не знаю. Просто интересно, как он выглядит.

— Кто?

— Фрэнк Беннет.

Хозяин протянул Иджи крекеры и сыр.

— Не хотите купить чего-нибудь запить крекеры?

— Да нет, пожалуй.

Он взял у неё деньги.

— Как он выглядит, говорите? Я даже не знаю, что вам сказать. Как все, наверно. Большой такой, черные волосы, голубые глаза... И ещё один глаз у него стеклянный.

— Стекланный?

— Да, он потерял глаз во время войны. Если бы не это, наверно, был бы симпатичным малым.

— А сколько ему лет?

— Думаю, года тридцать четыре-тридцать пять, где-то так примерно. Папаша оставил ему около восьмисот акров земли неподалеку от города, так что он теперь редко тут показывается.

— А он хороший человек? В смысле, его вообще любят?

— Фрэнка-то? Наверно. А почему вы спрашиваете?

— Да так просто. Моя двоюродная сестра обручена с ним, вот я и интересуюсь.

— Значит, Руфь ваша двоюродная сестра? Вот кто человек замечательный. Вот кого все любят. Я знаю её с тех пор, когда она ещё под стол пешком ходила. Такая всегда вежливая. Она учит мою внучку в воскресной школе. Стало быть, вы к ней приехали?

Иджи сменила тему.

— Думаю, мне все-таки надо что-нибудь купить запить эти крекеры.

— Непременно. Молока, может?

— Нет, молоко я не люблю.

— Холодненького чего-нибудь?

— А клубничная газировка у вас есть?

— Конечно.

— Тогда дайте стаканчик.

Он пошел к бару и принес ей воду.

— Мы тут все радуемся, что Руфь собралась-таки за Фрэнка выйти. Им с матерью тяжело приходится после смерти отца. В прошлом году прихожане нашей церкви пытались предложить ей помощь, но она не взяла ни цента. Гордая. Но мне не хочется сплетничать о Руфи. Значит, вы остановились у них?

— Нет, я их ещё не видела.

— А вы знаете, где их дом-то? Это всего в двух кварталах отсюда, могу проводить, если пожелаете. Она в курсе, что вы должны приехать?

— Нет, не беспокойтесь. Честно говоря, мистер, было бы лучше, если бы они вообще не знали, что я тут была. Я просто мимо проезжала по делам, продаю кое-что для компании «Роузбад парфюм».

— Да ну?

— Ага. Мне ещё кой-куда надо заехать, так что я, пожалуй, пойду. Я просто хотела убедиться, что этот Фрэнк нормальный парень. Думаю, ей лучше не знать, что родственники за неё беспокоятся. Расстроится еще.

Скажу её тетке с дядей, это родители мои, что у Руфи все в порядке. Мы прямо на свадьбу приедем, а то ей может не понравиться, что мы тут ходим да выспрашиваем. В общем, поеду я, спасибо.

И странная девушка, одетая в комбинезон железнодорожного рабочего, выскочила из магазина.

Хозяин крикнул ей вслед:

— Эй! Вы же воду не допили!

«ВАЛДОСТА-КУРЬЕР»

2 ноября 1924 г.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ БЕННЕТА И ДЖЕМИСОН

В воскресенье мисс Руфь Джемисон стала женой мистера Фрэнка Корли Беннета. Обряд венчания совершил преподобный Джеймс Доддс. Невеста была в белом кружевном платье, с великолепным букетом роз. Шафером был брат жениха Джеральд Беннет.

Невеста — дочь миссис Элизабет Джемисон и покойного преподобного Чарльза Джемисона. Бывшая мисс Джемисон с отличием окончила школу в Валдосте и посещала Баптистскую семинарию для девушек в Огасте. Теперь она — всем известный и уважаемый работник местной церкви. Жених, мистер Фрэнк Корли Беннет, тоже закончил школу в Валдосте и отслужил четыре года в вооруженных силах, где получил ранение и был награжден медалью «Пурпурное сердце».^[24]

После двухнедельного медового месяца в Таллула-фолз, штат Джорджия, молодые поедут в дом жениха, который находится в двух милях к югу от города, и миссис Беннет вернется к преподавательской деятельности в воскресной школе.

ВАЛДОСТА, ШТАТ ДЖОРДЖИЯ

1 ноября 1924 г.

Рано утром в день свадьбы Руфи Иджи одолжила у Джулиана машину и с семи часов сидела в ней напротив баптистской церкви на другой

стороне улицы. Через четыре часа она увидела, как Руфь с матерью вошли в боковую дверь церкви. В свадебном платье Руфь была просто красавица.

Чуть позже подъехал Фрэнк Беннет с братом. Иджи сидела и смотрела, как один за другим входят гости, заполняя церковь. Когда привратник в белых перчатках закрыл двери, сердце её оборвалось. А когда она услышала звуки свадебного марша, ей стало совсем плохо.

С шести утра Иджи успела прикончить бутылку дешевого ржаного виски, и, прежде чем невеста произнесла «согласна», все посетители церкви принялись гадать, кто это так настырно сигналил на улице.

Через минуту Иджи услышала, как орган снова заиграл марш, двери церкви распахнулись, и Руфь с Фрэнком, смеясь, сбежали по ступеням. Их поздравляли, кидали под ноги горсти риса. Молодые сели на заднее сиденье ожидавшей их машины и поехали.

Иджи снова просигналила. Руфь оглянулась, но так и не увидела, кто это гудит: машина уже свернула за угол.

Всю дорогу до Алабамы Иджи выворачивало наизнанку.

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
30 марта 1986 г.*

Утром в день Пасхи Эд Коуч забрал Большую Маму из приюта, и она провела с ними весь день. Эвелин хотела пригласить и миссис Тредгуд, но Эд сказал, что это может огорчить его мать, а Господь знает, как мы этого не хотим, потому что она может отказаться ехать назад. Посему Эвелин наготовила гору вкусностей на троих, и после обеда Эд с матерью отправились в гостиную смотреть до вечера телевизор.

Эвелин хотела поехать с ними обратно в приют, чтобы повидать миссис Тредгуд, но, когда они уже стояли в дверях, ей позвонил сын, а поскольку Большая Мама была уже одета и в полной боевой готовности, Эвелин пришлось сказать, чтобы отправлялись без нее.

В результате она не видела подругу целых две недели, и, когда они наконец-то увиделись, Эвелин ждал сюрприз...

— Я ходила в наш салон красоты и сделала перед праздником прическу. Вам нравится?

Эвелин не знала, что и ответить: кто-то умудрился покрасить волосы миссис Тредгуд в ярко-розовый цвет.

— Ну, как вам сказать...

— Мне всегда хотелось хорошо выглядеть на Пасху.

Эвелин села и улыбнулась, стараясь сделать вид, что все в порядке. Подумаешь, цвет как цвет, ничего особенного.

— Миссис Тредгуд, дорогая, а кто вас красил?

Миссис Тредгуд сказала:

— Вы не поверите, но это была студентка косметического колледжа из Бирмингема. Они иногда приезжают сюда и стригут нас бесплатно, для практики. А эта была такая маленькая, худенькая и так старалась, что я не удержалась и дала ей на чай пятьдесят центов. Ну сами посудите, где тебе ещё вымоют голову, покрасят и уложат за пятьдесят центов?

Эвелин удивилась:

— Сколько же лет было этой девушке?

— Нет, это была не девушка, а вполне взрослая женщина, только маленькая очень. Ей даже пришлось подставить табуретку, чтобы она могла управиться с моими волосами. Я бы сказала, что, будь она ещё дюйма на два ниже, её вполне можно было назвать лилипуткой. Мне, конечно, это не кажется недостатком, я люблю лилипутов... Интересно, а что случилось с тем карликом, который продавал сигареты?

— Где продавал?

— По радио и по телевидению. Его всегда наряжали в костюм посыльного, и он рекламировал сигареты «Филипп Моррис». Да вы должны помнить!

— Да, что-то такое припоминаю...

— Ой, я по нему просто с ума сходила! Мне всегда хотелось, чтобы он приехал к нам в Полустанок, я бы тогда посадила его на коленки, и мы бы поиграли.

Эвелин привезла крашеные яйца, сладкую кукурузу и шоколадки и предложила миссис Тредгуд отпраздновать Пасху — раз уж они не смогли это сделать на прошлой неделе. Миссис Тредгуд согласилась: замечательно, сладкая кукуруза — её любимое блюдо, только она любит сначала откусывать белые верхушки, а остальное оставляет на потом.

— Ах, Эвелин, как жалко, что вас не было здесь на Пасху. Сестрички везде прятали яйца, и мы тоже прятали их в карманах и в комнатах. А потом приехали из Вудлона третьеклашки, такие замечательные малыши, вы бы видели! Шныряли тут как мыши, носились по лестницам вверх-вниз. Ох и повеселились они! А для здешних стариков это просто бальзам на

душу, некоторые ведь просто до смерти хотят с ребятней повозиться. Все как-то приободрились. Знаете, старикам иногда нужно с детьми общаться, — понизив голос, сказала она. — Для поднятия духа. Тут есть несколько совсем древних старушенций, которые целыми днями сидят в своих инвалидных креслах, скрюченные как не знаю что. Так медсестры иногда сунут им куклу — и прямо чудо какое-то: старухи выпрямляются и качают, качают этих кукол, как заведенные. Думают, это их собственный ребенок. И угадайте, кто ещё на Пасху сюда приезжал?

— Кто?

— Та девушка с телевидения, что про погоду рассказывает. Не помню, как её зовут, но она очень известная.

— Наверно, это интересно...

— Еще бы. Знаете что?

— Что?

— Меня прямо осенило. Ведь в Полустанок ни разу не приезжали известные люди, кроме Франклина Рузвельта и мистера Пегого, бандита, но они были в гробах, так что это не считается. Бедная Дот Уимс, вечно ей не о чем было писать.

— А кто это такой?

Миссис Тредгуд очень удивилась:

— Вы что, не слышали о Франклине Рузвельте?

— Нет, я про мистера Пегого.

— Неужели вы не знаете, кто такой мистер Пегий?

— Пегий? В каком смысле пегий — как пони, что ли?

— Сеймор Пегий! Знаменитый убийца!

— Не припомню. Это, наверно, до меня ещё было.

— Что ж, считайте, вам повезло. Думаю, он был наполовину индеец, а может, итальяшка, но кем бы он ни был, я бы не хотела встретить его в темном переулке, это как пить дать.

Миссис Тредгуд доела сладкую кукурузу и откусила голову шоколадному зайцу. Посмотрела на него:

— Простите, мистер, — потом сказала: — Знаете, Эвелин, я тут, по-моему, единственная, кто праздновал Пасху два раза. Может, это и грех, конечно, но я никому не скажу, если вы обещаете не проболтаться.

«Бюллетень Полустанка»
28 марта 1940 г.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПРЕСТУПНИК ПОСЕЩАЕТ ПОЛУСТАНОК

Мистер Пегий, знаменитый убийца, по дороге из Мобилиа проезжал через Полустанок в 7.15. Поезд стоял всего десять минут, но Культяшка Тредгуд с Пегги Хэдли успели сфотографировать покойника. Когда снимок будет готов, Иджи выставит его на обозрение в кафе.

Иджи возила отряд новичков-скаутов в Бирмингем, в парк Киддилэнд, а потом повела их в театр на спектакль «Я был беглым каторжником», и все остались очень довольны.

Иджи сказала, что южноамериканские охотники за черепами подарили ей настоящую голову, сухую и сморщенную, — если кому угодно полюбопытствовать, то она лежит на стойке в кафе.

У нас тут случайно никто не умеет заговаривать храп? Если найдется такой умелец, большая к нему просьба зайти ко мне домой. Моя дражайшая половина Уилбур довел меня до бешенства. Думаю, ему надо спать с собаками, ему самое место на псарне. Тем более что одна из его гончих храпит в точности как он. На днях я ему сказала, что это, должно быть, у них фамильное. Ха-ха!

Снова подскочила награда за поимку Железнодорожного Билла. Некоторые считают, что он из здешних. Но кто же скрывается под этим прозвищем? Я уже готова подозревать даже Уилбура, но он слишком ленив для того, чтобы вставать среди ночи.

Клуб любителей лосей объявил Бобби Мальчиком года. Его родителям, миссис Скроггинс и преподобному Скроггинсу, есть чем гордиться.

Дот Уимс

Р. S. Клуб «Маринованный огурец» ездил всем составом на рыбалку, и моя дражайшая половина Уилбур вернулся, как всегда, без единой рыбки, зато с волдырями от крапивы. Разумеется, он считает, что во всем виновата Иджи, мол, это она ему такое место присоветовала. Руфь сказала, что Иджи и самой не повезло.

ПОЛУСТАНОК, ШТАТ АЛАБАМА

25 марта 1940 г.

Культияшка лежал у себя в комнате на полу в темноте и слушал радио. Он любовался кольцом, которое приобрел всего за цент: вертел рукой и смотрел, как оно мерцает жутковатым зеленым сиянием.

Мужчина говорил из репродуктора глуховатым голосом: «Продаю семена преступления... горькие плоды... преступникам — бесплатно...» Затем раздался безумный смех: «Ха-ха-ха!!!»

В этот момент вошла Иджи и щелкнула выключателем, напугав его чуть не до смерти.

— Угадай-ка новость, Культияшка! Грэди только что сказал мне строго по секрету, что утром в семь пятнадцать здесь проездом будет мистер Пегий. Его везут кремировать, а в Полустанке делают пересадку.

Культияшка так и подскочил, сердце у него гулко забилося.

— Мистер Пегий? Неужели тот самый мистер Пегий?

— Да, тот самый. Грэди сказал, он тут пробудет всего несколько минут, пока тело не перегрузят на другой поезд. Я бы сходила с тобой, но мне надо везти твою маму в Бирмингем по каким-то там церковным делам. А если хочешь на него глянуть, то Грэди сказал, что там надо быть в полседьмого, и велел никому не трепаться, не то весь город сбежится.

— Хорошо, я никому не скажу.

— И еще, Культияшка, ради всего святого, не проболтайся маме, что это я тебе рассказала.

— Ладно.

Поскольку Культияшка на день рождения получил фотоаппарат, он спросил Иджи, нельзя ли ему будет сфотографировать мистера Пегого.

— Да ты не увидишь ничего, он же в гробу! Хочешь, сфотографируй, если, конечно, разрешат. Только сначала Грэди спроси, слышишь?

— Ага.

Культияшка со всех ног бросился к Пегги, надеясь поразить её потрясающим секретом о мистере Пегом, которого удалось изловить только после долгой и кровопролитной перестрелки в какой-то лачуге на севере Алабамы, при этом были убиты трое полицейских. Его застукали с подружкой по имени Хэйзел. Этот рыжий убийца с железным сердцем собственноручно застрелил одного адвоката в графстве Болдуин. Когда его приговорили к смертной казни, по всей Алабаме на рекламных щитах засветилась бегущая строка: «МИСТЕР ПЕГИЙ ПОЛУЧИЛ БИЛЕТ НА „БОЛЬШУЮ ЖЕЛТУЮ МАМУ“».

Большой Желтой Мамой прозвали огромный электрический стул в тюрьме Фолсом, на котором закончили жизнь сотни преступников. Но это был особый случай.

Когда Культяшка добрался до дома мистера Хэдли, доктор, сидя в кресле-качалке перед крыльцом, сказал, что Пегги сейчас на кухне помогает матери мыть посуду. Пришлось ему ждать на заднем дворе. Наконец Пегги вышла, и Культяшка выпалил ей новость, которая, как он и полагал, привела её в полный восторг. Затем он сказал:

— Утром я приду к этому дереву и просигналю тебе вот так... — И он три раза свистнул по-птичьи. — Как услышишь, сразу выходи, но на всякий случай будь готова часам к пяти. Я хочу попасть туда заранее, вдруг поезд придет раньше.

Когда он на следующее утро подошел к её дому, Пегги уже стояла у дерева. Это слегка огорчило его, поскольку идея с птичьим свистом пришла ему сильно по душе. Он позаимствовал её из только что прочитанной книги «Тайна убийства говорящих воробьев». Кроме того, он всю ночь тренировался, отрабатывая птичий свист, до тех пор, пока Иджи не пригрозила ему смертной казнью, если он не прекратит сию же минуту.

Это во-первых. А во-вторых, поезд не только не пришел раньше, но и опаздывал. Они торчали на станции уже битых три часа. Культяшка успел раз сто зарядить и перезарядить свой фотоаппарат, чтобы убедиться, что он не подведет.

Еще примерно через полчаса большой черный поезд наконец подошел к перрону, злобно свистнул и остановился. Грэди с бригадой из четырех железнодорожников вышли из здания управления маневровыми работами, открыли дверь товарного вагона и спустили огромный ящик из белой сосны, который, по мнению алабамцев, как нельзя лучше подходил для перевозки мистера Пегого.

Поезд снова загудел и отъехал, оставив ящик на грузовой платформе. Железнодорожники отправились подгонять другой поезд, а Грэди остался охранять. В рубашке и штанах цвета хаки, с кожаной кобурой у бедра на широком ремне, он имел весьма внушительный вид.

Заметив Культяшку и Пегги, которые бежали к нему по платформе, он сказал: «Привет, ребяташки», — и пнул ящик.

— Ну вот, как я и говорил Иджи, перед вами мистер Сеймор Пегий, большой, как сама жизнь, и мертвый, как все мертвецы.

Культяшка спросил, можно ли ему сделать фотографию.

— Валяй.

Культяшка принялся щелкать аппаратом со всех точек, пока Грэди

предавался воспоминаниям о тех временах, когда он работал охранником в тюрьме «Килби» в Этморе, штат Алабама.

Пегги держала наготове вторую кассету с пленкой, преисполненная чувства ответственности. Она спросила у Грэди, доводилось ли ему видеть настоящих убийц.

— Ну, разумеется, сколько раз! Двое даже работали у нас с Глэдис в доме, когда мы жили в Этморе.

— Два настоящих убийцы в вашем доме? — не поверила Пегги.

Грэди удивился:

— Конечно. А почему бы и нет? Многие лучшие люди страны — убийцы. — Он сдвинул со лба фуражку и с большим чувством сказал: — За вора я бы и ломаного гроша не дал. Вор до конца своих дней остается вором. Убийство же совершают один раз в жизни, особенно если это делает женщина. Такое преступление не повторяется.

Культияшка щелкал уже вторую пленку, а Грэди все разглагольствовал перед потрясенной Пегги.

— Нет, я против убийц ничего не имею. Большинство из них — люди хорошие, как правило, тихие.

Культияшка перебил его:

— А вы хоть раз видели, как сажают на электрический стул?

Грэди засмеялся:

— Немного, всего раз триста. На это, я вам доложу, стоит посмотреть. Перед тем как повести их к Большой Желтой Маме, их бреют, и голова становится как бильярдный шар, а на теле не оставляют ни одного волоска — голые, как новорожденные. Потом мочат губку в холодной соленой воде и подкладывают под шлем. Это чтоб электричество сразу сработало. Последнего из тех, кого я видел, поджарить удалось только с седьмой попытки. Весь Этмор злился, потому что из-за этого вырубился свет во всем городе, и люди не могли дослушать передачу по радио. Врачу пришлось воткнуть иглу в сердце этого ниггера, чтобы удостовериться, что он помер... — Грэди поглядел на часы: — Какого черта они копаются? Пойду-ка посмотрю, как там дела, — и ушел, оставив их около ящика.

Культияшка решил не терять времени даром:

— Помогите-ка мне сдвинуть крышку, я хочу сфотографировать его лицо.

Пегги в ужасе отшатнулась:

— Ты что, нельзя, это же покойник! Смерть надо уважать.

— А вот и не надо, он ведь преступник, а это совсем другое дело. Отойди, если не хочешь смотреть.

Культиашка пыхтел, пытаясь сдвинуть крышку, а Пегги, отойдя к телеграфному столбу, сказала:

— Ох и влетит же тебе!

Наконец его попытки увенчались успехом. Культиашка заглянул в ящик, постоял молча и сказал:

— Иди сюда.

— Нет, я боюсь.

— Да иди же! Все равно ничего не видно, он под простыней.

Пегги подошла и опасливо взглянула на тело, оно действительно было закрыто.

Культиашка в приливе отчаянной храбрости бодро сказал:

— Придется тебе помочь мне. Отодвинь с его головы простыню, а я сделаю снимок.

— Ну уж нет, Культиашка, я не хочу на него смотреть.

Признаться, Культиашке и самому не очень-то хотелось смотреть на лицо мистера Пегого, но он решил заполучить фотографию во что бы то ни стало. И тогда Культиашка придумал, как сделать, чтобы им обоим не пришлось смотреть на покойника. Он протянул Пегги фотоаппарат.

— На, направь его на то место, где должна быть голова, и закрой глаза, а я сосчитаю до трех, сдерну простыню, ты щелкнешь, я снова его накрою, и ты ничего не увидишь. Ну давай, а! Пожалуйста! Грэди вот-вот вернется.

— Нет, я боюсь.

— Ну я очень тебя прошу. Ведь ты единственный человек в городе, кому я сказал.

Пегги сдалась:

— Ладно, только не вздумай трогать простыню, пока я не закрою глаза. Обещай мне это, Культиашка Тредгуд!

Культиашка поклялся бойскаутской клятвой.

— Ну, теперь давай действуй.

Пегги направила дрожащий в руках фотоаппарат на покрытую простыней голову.

— Ты готова?

— Да.

— Так. Теперь закрой глаза и на счет «три» нажимай кнопку и не смотри, пока я не разрешу.

Пегги зажмурилась. Культиашка тоже. Он осторожно приподнял простыню и сказал:

— Раз, два, три, давай!

Пегги щелкнула, но тут сзади подошел Грэди и со всей силы рывкнул:

— Это что же вы творите, мелюзга?

Оба подскочили, открыли глаза и уставились прямо в лицо мистеру Пегому, ещё тепленькому после посещения Большой Желтой Мамы.

Пегги испустила вопль, уронила аппарат в гроб и бросилась в одну сторону, а Культяшка, визжа как девчонка, — в другую.

А мистер Пегий лежал очень спокойный, покрытый горелой корочкой, широко распахнув глаза и рот, и, останься у него на голове хоть один волосок, он наверняка стоял бы дыбом и указывал строго вверх, в небо.

Весь этот день Пегги пролежала в постели под грудой одеял, с неотступно маячившей перед глазами физиономией мистера Пегого, а Культяшка забился в стенной шкаф в своей комнате. Его била дрожь, и он был уверен, что до конца своих дней не сможет забыть лицо этого человека.

Грэди зашел в кафе около шести вечера и принес фотоаппарат.

— Вы не поверите, — сказал он со смехом после того, как поведал об утренних приключениях, — но они сломали нос бедному покойнику!

Руфь была в ужасе. Смоки уставился на свою чашку с кофе, едва сдерживая смех, а Иджи, которая в тот момент готовила виноградный напиток для своего друга Осии Смита, ожидавшего у черного хода, так хохотала, что вылила на себя весь стакан.

ВАЛДОСТА, ШТАТ ДЖОРДЖИЯ

30 сентября 1924 г.

В детстве Фрэнк Беннет обожал мать, и это вызывало отвращение у его отца. Отец, чем-то похожий на буйвола, любил развлекаться, сшибая Фрэнка со стула или пиная с таким расчетом, чтобы тот пересчитал головой ступени. Мать была для мальчика единственным источником теплоты и нежности, и он любил её всем сердцем.

Однажды он пораньше вернулся из школы, сказавшись больным, и увидел мать и брата своего отца на кухонном полу. За пять секунд вся его любовь обернулась ненавистью. Он закричал и выбежал из дому. И эти пять секунд врезались в его память на всю жизнь.

В тридцать четыре Фрэнк был тщеславным и пустым человеком. Его черные ботинки, начищенные самым лучшим кремом, всегда сверкали, волосы были всегда аккуратно причесаны, одежда выглядела безукоризненно, и был он одним из тех немногих представителей мужского

пола, кто каждую неделю делает маникюр в парикмахерской.

Он, можно сказать, был денди, черноволосым красавцем с серо-голубыми глазами, и хотя один был стеклянный, второй излучал такой же холод, и отличить настоящий от искусственного было почти невозможным.

Но главное, этот человек всегда получал то, что хотел, а хотел он Руфь Джеемисон. Он перепробовал уже почти всех доступных девушек в округе, включая и даже предпочитая негритянок, которых брал силой, пока их держали его дружки. Овладев девушкой, он терял к ней всякий интерес. Одна блондинка, которая теперь жила где-то на городской окраине, родила девочку, как две капли воды похожую на Фрэнка, но, после того как он подбил женщине глаз и угрожал ребенку, она перестала предъявлять ему какие-либо претензии. Понятное дело, его не интересовали использованные женщины. Особенно если ими пользовался он сам.

Однако в городе его знали как простого, доброго парня, и он решил, что ему необходим сын, который будет носить фамилию Беннет — фамилию, никому ничего не говорившую, кроме того, что её владельцу принадлежит большое поместье к югу от города.

Руфь была молодая, красивая, разумеется, невинная, и ей с матерью нужно было как-то жить. Что могло быть лучше? Руфь была польщена — а как же иначе! Разве он не был одним из самых подходящих кандидатов на роль мужа? Разве не ухаживал за ней как истинный джентльмен, очаровав её мать?

Руфь пришла к выводу, что этот красивый молодой человек любит её, значит, и она тоже должна любить его — и, наверно, уже любит.

Но кто же мог предположить, что за этими блестящими ботинками и костюмами-тройками таилась злоба, все эти годы копившаяся в его душе...

Разумеется, в городе никого не стали оповещать, все прошло тихо. В последний вечер холостяцкой жизни Фрэнк повез своих друзей в лачугу на окраине, где их поджидали три шлюхи, снятые на ночь. По дороге они зашли в бар. На свою беду туда же забрел и старый бродяга. Он сидел у стойки и смотрел на молодых ребят, веселившихся в конце зала. Фрэнк, который всегда выбирал для своих забав чужаков, решил подшутить над ним. Он подошел к старику и хлопнул его по спине:

— Слышь, старикан, если угадаешь, какой глаз у меня стеклянный, поставлю тебе стаканчик.

Дружки его засмеялись, но старик, взглянув на него, уверенно сказал:

— Левый.

Приятель загудели, а Фрэнк, хотя и был разочарован, все же засмеялся и бросил на стойку полдоллара. Подождав, пока компания удалится, бармен

обратился к старику:

— Что вам подать, мистер?

— Виски.

Он налил бродяге стакан и спросил:

— Послушайте, дружище, а как это вам сразу удалось узнать, что стеклянный глаз у него левый?

Старик допил виски и буркнул:

— Очень просто. Только в левом я заметил каплю человеческого сострадания.

ВАЛДОСТА, ШТАТ ДЖОРДЖИЯ

28 апреля 1926 г.

Иджи уже исполнилось девятнадцать. Все эти два с половиной года она каждый месяц приезжала в Валдосту, чтобы посмотреть, как Руфь идет в церковь или возвращается оттуда. Ей просто хотелось убедиться, что с ней все в порядке, и Руфь ничего не знала о её визитах.

В одно прекрасное воскресенье, совершенно неожиданно для себя, Иджи остановила машину возле дома Руфи, подошла к парадной двери и постучала. До последнего момента она не думала, что решится на это.

Мать Руфи, хрупкая, болезненная женщина, подошла, улыбаясь, к москитной сетке:

— Вы к кому?

— А Руфь дома?

— Она наверху.

— Будьте добры, скажите, что к ней приехала повидаться заклинательница пчел из Алабамы.

— Кто?

— Ну, скажите, что здесь её подруга из Алабамы.

— Может быть, вы зайдете?

— Нет, спасибо. Я лучше здесь подожду.

Мать Руфи подошла к лестнице и крикнула:

— Руфь, там к тебе какая-то пчелиная девушка приехала.

— Что?

— Тебя ждут на крыльце.

Спустившись, Руфь замерла от удивления. Иджи старалась держаться

непринужденно, хотя ладони у неё были мокрые, а уши горели. Она быстро заговорила:

— Слушай, я не хотела тебя беспокоить. Ты, наверно, очень счастлива и все такое... То есть я в этом, конечно, уверена, просто я хочу, чтобы ты знала, что я тебя не ненавижу, и никогда у меня к тебе не было ненависти. И я хочу, чтобы ты вернулась. Я уже не ребенок и вряд ли когда-нибудь стану другой. Я до сих пор люблю тебя и всегда буду любить, и мне наплевать, кто что скажет.

Фрэнк крикнул из спальни:

— Кто там еще?

Иджи, пятясь, спускалась по ступеням крыльца.

— Я просто хочу, чтобы ты знала это. Все, я ушла.

Руфь, не проронив ни звука, смотрела, как она села в машину и уехала. Дня не проходило, чтобы она не думала об Иджи.

На крыльцо вышел Фрэнк.

— Кто это был?

Руфь провожала глазами машину, превратившуюся в черное пятнышко на желтой дороге.

— Одна моя старая подруга, — сказала она и вошла в дом.

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
6 апреля 1986 г.*

Миссис Тредгуд заговорила, как только Эвелин ступила на порог:

— Ой, милочка, наша Веста Эдкок совсем сбрендила. Сегодня часа в четыре она ворвалась к нам в комнату, схватила маленький стеклянный башмачок, в котором миссис Отис держит шпильки, и сказала: «Господь говорил: если глаз твой согрешил, вырви его!» — затем вышвырнула башмачок в окно вместе со шпильками и всем остальным и ушла.

Миссис Отис так расстроилась, ужас просто. А потом пришла эта маленькая негритяночка, сестра Джинин, принесла башмачок миссис Отис и велела ей не огорчаться, мол, сегодня миссис Эдкок целый день ходит по комнатам и выбрасывает из окон всякие мелочи, — наверно, она окончательно рехнулась, и не стоит обращать на неё внимания. Да...

глупый клоп — плоский лоб.

Знаете, мне ещё повезло, что у меня мозги в порядке, а то тут такого насмотришься. Я живу себе, изо дня в день переползаю, копошусь, как могу, а что ещё делать-то.

Эвелин протянула ей коробку вишен в шоколаде.

— Вот спасибо, милочка, как это славно!

Какое-то время старушка молча ела конфеты, вероятно обдумывая очередной вопрос.

— А как вы считаете, эти клопы на самом деле такие плосколобые, или это люди придумали?

Эвелин сказала, что не знает.

— А мне довелось убедиться, что клопы — симпатичнейшие существа, разве не так?

— Что — не так?

— Разве клопы — не симпатичные?

— Я не уверена, что повидала достаточно клопов, чтобы судить о том, симпатичные они или нет.

— Ну а я повидала. Мы с Альбертом могли разглядывать их часами. У Клео на столе стояла огромная лупа, и мы, бывало, наловим кузнечиков, стрекоз, сороконожек, жуков, травяных клопов, букашек всяких, посадим их в банку и наблюдаем. У них такие прелестные маленькие рожицы, и ведут они себя презабавно. А как наглядимся, отпускаем в сад, пусть летят и ползут по своим делам.

Однажды Клео поймал нам шмеля. Ну до чего чудное создание! Иджи любила пчел, а я больше всего любила божьих коровок. Счастливая коровка! А знаете, у всех букашек разные характеры. Паук — он такой нервный и сердитый, головка у него крохотная. И ещё мне всегда нравились богомолы. Очень религиозное насекомое!

Я никогда не смогла бы убить жучка. По-моему, это невозможно, после того как познакомишься с ними поближе. Мне кажется, они тоже умеют думать, как мы. Конечно, и вреда от них предостаточно. Всю мою калину вокруг дома объели. И кусты жасмина изгрызены, все в каких-то шишках. Норрис сказал, что хочет пойти их опрыскать, но у меня духу не хватило позволить ему. Я вам вот что скажу, у микроба нет ни единого шанса уцелеть в «Розовой террасе». Ему, бедняге, пришлось бы очень постараться, чтобы остаться в живых. Знаете, как здесь говорят? «Мало выглядеть чистым, надо быть чистым!» Порой мне кажется, что я живу в целлофановой упаковке, как сэндвичи, которые когда-то продавали в поездах.

Что касается меня, то я с превеликим удовольствием вернусь домой, к моим мерзким приятелям букашкам. Даже муравья не прогоню. Знаете, милочка, это хорошо, что я стою на пути туда, а не сюда... «В доме Отца Моего обителей много, и я готов уйти...»^[25]

Единственное, о чем прошу Тебя, Господи, убери линолеум с пола, прежде чем я туда попаду.

ПОЛУСТАНОК, ШТАТ АЛАБАМА

17 октября 1940 г.

Когда Веста Эдкок была молодой, кто-то попросил её говорить погромче, и с тех пор она об этом не забывала. Голос её мог пробить кирпичные стены и был слышен за несколько кварталов.

Клео Тредгуд как-то заметил, что Эрлу Эдкоку, должно быть, досадно оплачивать телефонные счета Весты, когда она может просто открыть окно, повернуться к дому, куда ей нужно позвонить, и крикнуть.

Принимая это во внимание, а также учитывая тот факт, что Веста сама назначила себя президентом клуба «Я лучше всех», поступок Эрла никого не удивил.

Эрл Эдкок был тихим, приличным человеком. Он всегда все делал правильно и был одним из тех не воспетых героев, которые женятся только потому, что не хотят причинить боль влюбленной в них девушке. В покорном молчании Эрл наблюдал, как Веста вместе со своей будущей свекровью суется, готовясь к свадьбе и медовому месяцу, и приводят в порядок их будущий дом.

После того как родился их первенец, Эрл-младший, — мягкий, пухлый малыш с каштановыми кудряшками, который отчаянно вопил, стоило отцу приблизиться к его колыбельке, — Эрл понял, что совершил ошибку. И все же он поступил мужественно и очень по-джентельменски: остался с женой и вырастил сына, который, живя с ним в одном доме и имея одну с ним кровь, оставался для него совершенно чужим человеком.

Эрл отвечал более чем за две сотни рабочих на железной дороге, заслужил большое уважение и прекрасно знал свое дело. Он храбро воевал в Первую мировую и убил двух немцев, но в собственном доме к нему относились как к ещё одному ребенку Весты, причем далеко не самому любимому.

— Вытирай ноги! Не садись на этот стул!
— Не смей курить в моем доме! Убирайся на крыльцо!
— Не вздумай тащить сюда эту мерзкую рыбу. Сначала почисти её на заднем дворе!
— Или ты выгонишь этих собак, или я забираю ребенка и ухожу!
— Боже мой, и о чем ты только думаешь! Вы, мужики, просто стадо скотов!

Она выбирала ему одежду, она выбирала ему друзей, она набрасывалась на него, как дикая кошка, когда он пару раз пытался шлепнуть Эрла-младшего, и наконец он сдался.

Так уж получилось, что все эти годы Эрл носил строгий синий костюм, мясо ел ножом и вилкой, ходил в церковь, был мужем и отцом, и ни слова не сказал наперекор Весте. Но теперь Эрл-младший вырос, а железнодорожная компания уволила мистера Эдкока, подарив ему золотые часы и назначив хорошую пенсию, которую он тут же перевел на имя жены. После чего, так же тихо, как и жил, он уехал из города, оставив только записку:

«Все, с меня хватит. Если ты не веришь, что я ухожу, просто считай дни с тех пор, как я исчез. И когда ты слышишь, что твой телефон молчит, знай, что это я не звоню тебе.

Прощай, старушка, и удачи тебе.

Твой Эрл Эдкок.

P. S. Я не глухой.»

Веста залепила пощечину удивленному Эрлу-младшему и на неделю слегла в постель с холодным компрессом на голове, в то время как весь город тайно поздравлял Эрла. И если бы каждое доброе пожелание стоило десять долларов, он стал бы настоящим богачом.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

18 октября 1940 г.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЖЕНАМ

Опять наступила осень, и моя дражайшая половина Уилбур грызет удила, не в силах дождаться охоты. Он чистит ружья, дурачится с гончими и по ночам тоскливо воет на луну. Посему приготовьтесь надолго распрощаться со своими мужчинами. В опасности всё, что движется! Помните прошлый год, когда Джек Баттс прострелил дно своей лодки? Иджи ещё говорила, что, пока они опускались на дно озера, у них над головой пронеслись десять стай уток.

Поздравляем Культияшку Тредгуда. Он завоевал первый приз в школьном конкурсе за сочинение «Что такое лимская фасоль?»

Второй приз получил Вернон Хэдли за сочинение под названием «Опыты с мылом».

У Иджи на стойке в кафе стоит большой кувшин с сухой лимской фасолью, и тот, кто отгадает, сколько в этом кувшине фасолин, получит приз.

Фотография мистера Пегого получилась не так хорошо, как ожидали, точнее, от мистера Пегого осталось расплывчатое, мутное пятно. Руфь велела всем передать, что высохшую голову она выкинула, потому что при виде её посетителей, пытавшихся поесть, начинало мутить. Она сказала, что все равно это была просто резиновая игрушка, которую Иджи купила в магазине фокусов в Бирмингеме. Кстати, моя дражайшая половина Уилбур сказал, что нас кто-то пригласил на ужин, но он не может вспомнить, кто именно. Уважаемый приглашавший, большая просьба: пожалуйста, позвоните мне, и мы с большим удовольствием примем ваше приглашение.

Дот Уимс

P. S. Опал ещё раз попросила не кормить её кошку Бутс.

ВАЛДОСТА, ШТАТ ДЖОРДЖИЯ

4 августа 1928 г.

С тех пор как Иджи видела Руфь в последний раз, прошло уже два

года, но она постоянно наведывалась в Валдосту по средам, когда Фрэнк Беннет приезжал в город, чтобы сходить в парикмахерскую. Обычно Фрэнк садился в кресло к мастеру, а Иджи наблюдала за ним из аптеки Пакеттов через дорогу.

Ох, как же ей хотелось услышать, что он там говорит, ну да ладно, спасибо, хоть поглядеть можно. Он был единственной ниточкой, связывающей её с Руфью, и пока она смотрела на Фрэнка, ей казалось, что Руфь где-то неподалеку.

В ту среду миссис Пакетт, маленькая, хрупкая старушка в очках с черной оправой, занималась своими обычными делами: сновала по аптеке, расставляя товар по местам. Она делала это так старательно, будто от этого зависел мировой порядок. Иджи сидела за стойкой, уставившись в окно, и наблюдала за парикмахерской.

— А этот Фрэнк Беннет, я смотрю, большой любитель поболтать, правда? Славный малый.

Миссис Пакетт стояла спиной к Иджи на нижней ступеньке стремянки, расставляя бутылочки с кремом от веснушек.

— Для кого-то, может, и славный.

Иджи слышались в её голосе странные нотки.

— В каком смысле?

— Я говорю, что кому-то он, может, и кажется славным, вот и все. — Она спустилась с лестницы.

— Но вы так не думаете?

— Какая разница, что я думаю.

— Вы считаете, он не слишком славный, да?

— Разве я сказала, что так считаю? Наверно, все-таки достаточно славный.

Теперь миссис Пакетт возилась у стойки с флаконами пилюль от печени. Иджи встала и подошла к ней.

— Что вы имеете в виду? Вы что-то знаете о нем? Может, он все-таки не такой уж и славный?

— Да нет, он всегда довольно вежливый, — сдержанно сказала старушка, расставляя пузырьки. — Просто я не люблю мужчин, которые бьют своих жен.

У Иджи похолодело в животе.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что сказала.

— Откуда вы знаете?

Миссис Пакетт подравняла тюбики с зубной пастой.

— Оттуда, что мистеру Пакетту приходилось ездить к ним и лечить бедняжку — и не раз, скажу я вам. Фрэнк и синяк ей ставил под глазом, и с лестницы спускал, а однажды сломал ей руку. А сама она преподает в воскресной школе, и я не встречала человека приятней и добрее. — Она принялась за баночки с мазями. — А все пьянство... Из-за него мужчины совсем разум теряют и ведут себя так, как никогда бы не стали на трезвую голову. Вот мы с мистером Пакеттом спиртного сроду в рот не берем...

Но Иджи, не дослушав, выскочила за дверь. Парикмахер припудривал Франку шею душистой пудрой, когда Иджи ворвалась в зал. Ее душил гнев. Она нацелила палец Фрэнку в лицо.

— Слушай ты, трепло бородавчатое, ублюдок кривой! Если ты ещё раз ударишь Руфь, я тебя убью! Слышишь, тварь! Клянусь, я вырву твое поганое сердце! Ты меня понял, задница ты вонючая?

И с этими словами она в бешенстве смахнула все, что стояло на столике у парикмахера. Дюжины бутылочек с шампунями, освежителем и маслом для волос, лосьонами для бритья, коробочки с пудрой — все полетело на пол. Прежде чем кто-либо понял, что произошло, Иджи уже сидела в машине и мчалась прочь из города.

Парикмахер стоял, открыв рот. Все произошло слишком быстро. Он посмотрел на Фрэнка в зеркало и сказал:

— Чокнутый какой-то мальчишка.

Добравшись до лагеря рыбаков «Фургонное колесо», Иджи обо всем рассказала Еве и долго вопила, задыхаясь от гнева, что сейчас поедет обратно и как пить дать прикончит его. Ева спокойно выслушала её.

— Ага, езжай, только неизвестно, кто кого прикончит. В общем, так, дорогуша... Ты не имеешь никакого права вмешиваться в их личные отношения, это тебе не в игрушки играть. Где двое живут, там третьему не место.

Бедная Иджи металась по комнате:

— Ну почему она с ним живет? Она что, ненормальная?

— Не твоего ума дело. Тебе, дорогуша, нужно забыть обо всем этом, и как можно скорее. Она взрослая женщина и поступает так, как считает нужным. Извини, конечно, но ты, милая моя, ещё ребенок, и если этот мужик действительно такой изверг, как ты говоришь, то тебе несдобровать.

— Да плевать я хотела! Я убью этого сукиного сына, обязательно убью, вот увидишь.

Ева налила Иджи второй стакан.

— Никого ты не убьешь и никогда больше туда не поедешь. Обещаешь мне?

Иджи пообещала. Но обе знали, что обещание она не выполнит.

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
27 апреля 1986 г.*

Сегодня миссис Тредгуд была особенно довольна, потому что на картонной тарелке у неё лежал жареный цыпленок и салат из капусты, моркови и лука, а Эвелин в эту самую минуту спускалась в приемную, чтобы принести ей стакан виноградного сока.

— Ох, благодарю вас, милочка! Эдак вы меня окончательно разбалуете, такие вкусности каждую неделю привозите! Я тут разговаривала с миссис Отис и сказала ей, что Эвелин не могла бы ко мне лучше относиться, будь она даже моей дочерью. Я вам так благодарна — ведь у меня никогда не было дочки. А ваша свекровь любит вкусно поесть?

— Совсем нет. Я принесла ей кусок цыпленка, но она отказалась. Ей и Эду все равно, что есть, лишь бы голодными не остаться. Представляете?

Миссис Тредгуд сказала, что даже представить такого не может.

Эвелин перевела разговор:

— Значит, Руфь уехала из Полустанка и отправилась в Валдосту, чтобы выйти замуж?

— Правильно. Ох, Иджи чуть не померла тогда, такой это был для неё удар.

— Я знаю, вы уже говорили. Я хотела спросить, когда Руфь вернулась в Полустанок?

Эвелин уселась на стуле поудобнее, чтобы есть цыпленка и слушать.

— Ох, милочка, я прекрасно помню тот день, когда пришло письмо. Должно быть, это был двадцать восьмой или двадцать девятый год... Или тридцатый?.. Ладно, не важно. Я была с Сипси на кухне, и тут прибежала мама с письмом в руке. Она распахнула дверь и закричала Большому Джорджу, который чем-то занимался в саду с Джаспером и Артисом: «Джордж, срочно беги разыщи Иджи, ей пришло письмо от Руфи!» Джордж и побежал. Через час Иджи вошла в кухню. Мама в это время лущила горох и, не говоря ни слова, указала ей на лежащее на столе письмо. Иджи вскрыла конверт, но вот что забавно: это было вовсе не

письмо. Это оказалась страница, вырванная из Библии короля Якова^[26] — Книга Руфи, 1:16–20.

«Но Руфь сказала: не принуждай меня оставить тебя или не следовать за тобой; ибо куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом».

Иджи стояла и перечитывала эту цитату снова и снова, потом протянула листок маме и спросила:

«Как ты думаешь, что это значит?»

Мама прочла, положила листок на стол и опять взялась за горох.

— Что ж, милая, это означает только то, что здесь сказано. Думаю, завтра ты с братьями и с Большим Джорджем туда поедешь и заберешь эту девочку. Правильно я говорю? Ты ведь знаешь, что места себе не найдешь, пока этого не сделаешь.

И это была правда. Поэтому на следующий день они отправились в Джорджию и привезли её. Я восхищалась Руфью за то, что у неё хватило смелости взять и уйти от мужа. В те времена на такой поступок мог отважиться только настоящий храбрец, не то что в наши дни, милочка. Тогда считалось, что раз уж ты вышла замуж, будь любезна оставаться замужней женщиной до конца дней своих. Но она оказалась куда крепче, чем мы думали. Все носились с Руфью, как с фарфоровой куклой, но знаешь, она во многом оказалась даже сильнее Иджи.

— А Руфь так и не получила развода?

— Ох, не знаю. Я её об этом никогда не спрашивала. Ее мужа мне видеть не довелось, но, говорят, он был писанным красавцем, если не обращать внимания на стеклянный глаз. Руфь говорила мне, что он из хорошей семьи, просто женщины и все, что с ними связано, вызывали у него ненависть. Знаете, в первую ночь после свадьбы он напился и изнасиловал её, хотя она все время умоляла его прекратить.

— Какой ужас!

— Да, это ужасно. У неё три дня кровь шла, а после она никогда не могла получить удовольствие от этого. Ну, разумеется, его это только сильнее злило. И ещё она сказала, что однажды он столкнул её с лестницы.

— Боже милостивый!

— А потом он принялся за бедных негритянских девочек, которые у него работали. Руфь говорила, что одной из них было всего двенадцать. Но к тому времени, когда она поняла, что он за человек, было уже поздно. Мать Руфи все время болела, поэтому уехать она не могла. Руфь рассказывала, что по ночам, когда он приходил пьяный, злой и насиловал её, она лежала и молилась, а ещё думала обо всех нас, чтобы не сойти с

ума.

Эвелин заметила:

— Говорят, невозможно узнать мужчину, пока не поживешь с ним.

— Это верно. У Сипси даже поговорка была такая: «Никогда не узнаешь, какую рыбку поймал, пока не вытащишь её из воды». Поэтому, я думаю, даже к лучшему, что Культяшка так и не увидел своего отца. Руфь сбежала до того, как он родился, и даже не знала, что беременна. Она жила с Иджи два месяца, когда вдруг заметила, что живот у неё растёт как на дрожжах. Пошла к врачу, и там обнаружилось, что она ждет ребенка. Культяшка появился на свет в доме у мамы — такой чудный белокурый, кареглазый малыш весом в семь фунтов.

Мама, едва увидев его, сказала: «Ой, гляди-ка, Иджи, у него твои волосы!» И действительно, волосики у него были совсем белые, белее не бывает. И тогда папа Тредгуд усадил Иджи перед собой и сказал, что с этого момента вся ответственность за Руфь и ребенка лежит на ней, так что пора ей решить, чем заниматься в жизни. И дал ей пятьсот долларов, чтобы начать свое дело. Вот на эти деньги она и купила кафе.

Эвелин спросила, знал ли Фрэнк Беннет, что у него есть ребенок.

— Понятия не имею.

— И он никогда не встречался с ней после того, как она уехала из Джорджии?

— Я в точности не знаю, встречался или нет, но одно скажу наверняка: он приезжал в Полустанок по меньшей мере один раз. Но лучше бы он этого не делал.

— Почему?

— Потому что именно тогда его и убили.

— Убили?

— Да, милочка. Насмерть, мертвее не бывает.

ВАЛДОСТА, ШТАТ ДЖОРДЖИЯ

18 сентября 1928 г.

Когда в то лето Руфь вернулась домой, чтобы выйти замуж, Фрэнк Беннет и её мать встречали поезд на станции. Руфь уже успела забыть, какой он красавчик и как радуется её мать при мысли о предстоящем событии.

Потом начались бесконечные вечеринки, и она постаралась выкинуть из головы все мысли о Полустанке. Но иногда посреди толпы или в темноте одинокой ночи — это всегда случалось неожиданно — она вспоминала Иджи, и от желания увидеть её и обнять у Руфи до боли перехватывало дыхание.

В такие минуты она молила Бога избавить её от подобных мыслей. Она знала, что должна быть там, где ей надлежит быть, и делать то, что ей положено делать. Она должна забыть Иджи. Конечно, Бог ей поможет... конечно, это чувство со временем пройдет... с Божьей помощью.

Она легла в супружескую постель, поклявшись быть хорошей, любящей женой и вычеркнув из памяти все прошлое. Вот почему для неё было таким ударом, когда Фрэнк взял её со звериной жестокостью — будто наказывал за что-то. Сделав дело, он встал и ушел спать в другую комнату, оставив её лежать в крови. Он никогда не приходил к ней, если не хотел секса. И в девяти случаях из десяти это происходило оттого, что он был пьян или ему не хотелось ради этого ехать в город.

Руфь ничего не могла поделать. Она считала, что в ней есть что-то такое, что вызывает у него ненависть. Что Фрэнк каким-то образом почувствовал сидящую глубоко внутри неё любовь к Иджи, несмотря на все её старания избавиться от этой любви. Должно быть, это как-то проскальзывало в её голосе, в прикосновениях. Она не понимала как, но была уверена, что он обо всем знает и потому презирает её. Руфь все время жила с чувством вины и покорно принимала побои и оскорбления, считая их заслуженными.

Из спальни матери вышел доктор.

— Миссис Беннет, она начала разговаривать, может, вы хотите ненадолго зайти к ней?

Руфь вошла и села подле матери.

Мать не говорила уже неделю. Она открыла глаза и посмотрела на дочь.

— Уходи, беги от него, — зашептала она. — Обещай мне это, Руфь. Он дьявол. Я видела Бога, и он сказал: Фрэнк — дьявол. Я же все вижу, Руфь. Уезжай, обещай, что уедешь...

Впервые за все время эта застенчивая женщина осмелилась что-то сказать о Фрэнке. Руфь кивнула и взяла её за руку. В тот день врач закрыл глаза матери на вечные времена.

Руфь поплакала над ней, а через час пошла наверх в свою комнату, умылась и написала на конверте адрес Иджи.

Отправив письмо, она подошла к окну и посмотрела на голубое небо.

Она глубоко вдохнула свежий воздух, и ей показалось, что сердце её взлетело вверх, словно воздушный змей, которого ребенок отпустил в поднебесье.

ВАЛДОСТА, ШТАТ ДЖОРДЖИЯ

21 сентября 1928 г.

Перед домом остановились две машины — легковая и грузовая. В грузовике сидели Большой Джордж и Иджи, а в легковой — Клео, Джулиан и два их друга, Уилбур Уимс и Билли Лаймуэй.

Руфь, одетая, с пожитками наготове, ждала их с раннего утра, надеясь, что сегодня они наверняка приедут.

Мужчины вылезли из машин и остались во дворе, а Иджи направилась к дому. Руфь смотрела на неё с крыльца.

— Я готова, — сказала она.

Фрэнк спал после обеда, но, услышав, как подъехали машины, встал. Спустившись вниз, он поглядел сквозь дверь с москитной сеткой и узнал Иджи.

— Какого черта ты здесь делаешь?

Он рывком распахнул дверь и бросился к ней, как вдруг заметил во дворе пятерых мужчин. Иджи, не отрывая взгляда от Руфи, спросила:

— Где твои вещи?

— Наверху.

Иджи крикнула Клео:

— Вещи наверху!

Увидев, что Клео и четверо парней направились на второй этаж, Фрэнк завопил:

— Да что, черт возьми, здесь происходит?

Джулиан, который шел последним, сказал:

— Сдается мне, что от вас уходит жена, мистер.

Руфь забралась с Иджи в грузовик, Фрэнк бросился к ним, но наткнулся на Большого Джорджа, который стоял, облокотившись о багажник. Он медленно вытащил из кармана здоровенный нож, одним движением вырезал сердцевину из яблока, которое держал в руке, и бросил её через плечо.

Джулиан крикнул сверху:

— Я бы на вашем месте, мистер, не стал злить этого ниггера. Он у нас чокнутый!

Чемодан Руфи положили в кузов, и машины отъехали прежде чем Фрэнк успел сообразить, что произошло. Однако, чтобы оставить за собой последнее слово и не выглядеть идиотом перед своим работником Джейком Боксом, который стоял тут же и таращился во все глаза, Фрэнк Беннет крикнул вслед облаку пыли, клубившемуся позади машины:

— И не вздумай возвращаться, ты, сука фригидная! Шлюха! Шлюха бесчувственная!

На следующий день он отправился в город и объявил всем, что после смерти матери Руфь совсем свихнулась с горя, и ему пришлось сдать её в психушку неподалеку от Атланты.

ПОЛУСТАНОК, ШТАТ АЛАБАМА

21 сентября 1928 г.

Все утро мама вместе с Сипси прибирали комнату Руфи. Теперь Сипси и Нинни на кухне пекли печенье к ужину, а мама и папа Тредгуды стояли на крыльце и ждали.

— Так вот, Алиса, не набрасывайся на неё и не пугай, стой спокойно. И не уговаривай остаться, не дави на нее.

Мама теребила носовой платок и приглаживала волосы — верный признак того, что она нервничает.

— Хорошо, отец, я только скажу, что рада её видеть. Это ведь можно? Пусть знает, что ей рады! Ты же скажешь, что рад её видеть, скажешь?

— Ну, разумеется, скажу, — ответил папа. — Просто я не хочу, чтобы ты надеялась понапрасну, вот и все. — Он помолчал с минуту и спросил: — Алиса, как ты думаешь, она останется?

— Молю Бога, чтобы осталась.

В эту секунду грузовичок с Иджи и Руфью выехал из-за угла. Папа воскликнул:

— Вот они! Нинни, Сипси, они приехали!

Мама подпрыгнула и бросилась вниз по ступенькам. Папа за ней. Увидев Руфь — похудевшую, измученную, — они разом позабыли все слова, которые приготовили, и принялись обнимать её и тискать, лопоча наперебой:

— Как славно, что ты дома, милая! Больше мы не позволим тебе удрать от нас.

— Мы приготовили твою старую комнату, а Сипси и Нинни все утро стряпали.

Провожая Руфь наверх, мама оглянулась на Иджи:

— Постарайся вести себя пристойно на этот раз, слышишь?

Иджи пожала плечами и, входя в дом, буркнула себе под нос:

— А чего я такого сделала-то?

После ужина Руфь удалилась с мамой и папой в маленькую гостиную, плотно закрыв за собой дверь. Она села напротив них, сложила руки на коленях и заговорила:

— Денег у меня нет. Если честно, то у меня вообще ничего нет, кроме одежды, но я могу работать. Я хочу, чтобы вы знали: больше я никуда не уеду. Мне и тогда, четыре года назад, не следовало бросать её, теперь я это понимаю. Я постараюсь загладить свою вину и никогда больше не сделаю ей больно. Даю вам слово.

Папа, которого всегда ужасно смущало любое проявление чувств, ерзал в кресле.

— Что ж, я надеюсь, ты понимаешь, что делаешь. Наша Иджи не подарок, сама, наверно, знаешь.

Мама шикнула на него.

— Ох, отец, конечно, Руфь это знает. Правда ведь, дорогая? Просто такой уж у неё характер, диковатая она. Сипси говорит, это из-за того, что я ела дичь, когда носила Иджи. Помнишь, отец, ты с мальчиками в тот год принес домой перепелок и диких индюшек?

— Мать, да ведь ты ешь дичь каждый год.

— И то правда. В общем, речь не об этом. Мы с отцом хотим, чтобы ты знала: теперь ты член нашей семьи, и мы очень счастливы, что у нашей младшей будет такая замечательная подруга.

Руфь встала, поцеловала их обоих и вышла в сад, где её поджидала Иджи. Она лежала на траве, слушала сверчков и гадала, почему это она чувствует себя такой пьяной, хотя не брала в рот ни капли.

Когда Руфь ушла, папа сказал:

— Вот видишь, я же говорил тебе, что незачем беспокоиться.

— Я, что ли, беспокоилась? Только ты один и беспокоился, отец, а я-то как раз нет, — ответила мама и принялась за шитье.

На следующий день Руфь снова поменяла фамилию на Джеемисон, а Иджи обошла весь город и объявила всем и каждому, что бедного мужа Руфи раздавил в лепешку бронированный автомобиль, перевозивший

деньги из банка, — одно мокрое место осталось.

Сначала Руфь пришла в ужас, услышав это, но потом, когда родился ребенок, она даже порадовалась этой чудовищной выдумке.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

31 августа 1940 г.

АВТОМОБИЛЬ ПЕРЕЕХАЛ САДОВНИКА

Во вторник Веста Эдкок, отправляясь на очередное собрание «Восточной звезды», переехала своего негра-садовника Джесси Тиггинса. Джесси прилег вздремнуть после обеда под деревом, а Веста разворачивалась перед домом и, наехав колесом ему на голову, вдавила её в грязь. Услышав вопль, она остановила машину прямо на его груди и вылезла посмотреть, что там стряслось. Подоспевшие соседи подняли машину и освободили беднягу.

Грэди Килгор сказал: «Слава Богу, что незадолго до этого прошел сильный дождь. Если бы не толстый слой грязи, Джесси ни за что бы не выжил».

В результате садовник не пострадал, если не считать нескольких ссадин от шины на лице, но Веста заявила, что нечего было дрыхнуть где попало, она не за это ему деньги платит.

Думаю, всем уже известно, что мой недотепа-муж на днях сжег гараж. Он был страшно занят: чинил радио, дабы со своими дружками-железнодорожниками послушать репортаж с бейсбольного матча, и бросил сигарету на стопку моих журналов «Домашний друг женщин», а ведь я их так долго и старательно собирала. Не прошло и минуты, как все сгорело дотла. После чего моя дражайшая половина решил отдать жизнь за спасение своей обожаемой циркулярной пилы, которую я ему подарила на день рождения, но при этом почему-то забыл вывести из гаража машину.

Не столько машину жалко, сколько журналы! Машина все равно не ездила.

Сын Эсси Ру, за свой рост получивший прозвище Малыш, выиграл приз в 10 долларов в конкурсе с лимской фасолью. Он почти угадал количество фасолин в кувшине: их оказалось на 83 штуки больше, но Иджи

сказала, что он оказался ближе всех к отгадке.

Кстати, кошка Бутс умерла, и Опал просила передать: «Надеюсь, теперь вы довольны?»

Дот Уимс

КАФЕ «ПОЛУСТАНОК»

Полустанок, штат Алабама

22 ноября 1930 г.

Был холодный, ясный день, по радио вот-вот должна была начаться любимая передача. Грэди Килгор допивал вторую чашку кофе, а Сипси подметала окурки, которые оставила после завтрака толпа посетителей. Она первая заметила их за окном.

Около кафе медленно остановились два черных пикапа, из них вышли человек двенадцать кукуклуксклановцев, одетых по всей форме, и не спеша выстроились перед входом.

Силен сказала:

— Бог мой, вот и они! Я знала, я так и знала.

Руфь, прибиравшая за стойкой, спросила Сипси, кто там, и выглянула посмотреть. Увидев их, она крикнула на кухню:

— Онзелла, запри заднюю дверь и принеси ребенка.

Мужчины неподвижно стояли на тротуаре перед кафе, словно белые истуканы. Один из них держал плакат с надписью кроваво-красными буквами:

БЕРЕГИСЬ НЕЗРИМОГО ВРАГА,
ГРЯДЕТ ВОЙНА...
ГОЛОДЕН ОГОНЬ В КОСТРАХ,
ВЕРЕВКА ГОЛОДНА.

Грэди Килгор поднялся из-за стола. Разглядывая мужчин в капюшонах, он ковырял в зубах зубочисткой.

Диктор произнес:

— А теперь, друзья, представляем вам долгожданного Простака Билли, парикмахера из Харвилля... История человека, который, быть может, живет по соседству с вами...

Из ванной вышла Иджи и обнаружила, что все смотрят в окно.

— Что тут у вас происходит?

— Иди сюда, Иджи, — сказала Руфь.

— О, черт! — воскликнула Иджи.

Онзелла отдала Руфи ребенка и встала рядом.

Иджи спросила Грэди:

— Что, черт возьми, все это значит?

Грэди, не вынимая изо рта зубочистки, уверенно произнес:

— Это не наши ребята.

— А кто ж тогда?

Грэди бросил на стол пятицентовик.

— Вы тут погодите, а я сейчас выясню, какого дьявола им нужно.

Сипси, забившись в угол со своей метлой, бормотала:

— Не боюсь я этих белых призраков. Не боюсь.

Грэди заговорил с мужчинами. Через несколько минут первый и, видимо, главный, кивнул, сказал что-то остальным, и они один за другим исчезли, так же тихо, как и появились.

Руфь не была уверена, но ей показалось, что один из них смотрел прямо на неё и ребенка.

Потом она вспомнила, что однажды говорила ей Иджи по этому поводу. Она посмотрела на обувь влезавшего в пикап человека и, увидев начищенные до зеркального блеска черные ботинки, испугалась.

Грэди вернулся в кафе с беспечным видом.

— Ничего им было не нужно. Просто ребятишки захотели подразнить вас немного, вот и все. Кто-то из них заходил сюда на днях и видел, как вы ниггерам с черного хода еду продаете, ну они и решили нервишки вам пощекотать.

Иджи спросила, что он им такое сказал, из-за чего они так быстро ушли.

Грэди снял с вешалки шляпу.

— Я просто объяснил, что это наши ниггеры и мы, черт побери, не хуже какой-то там оравы чужаков из Джорджии знаем, что нам можно делать и чего нельзя. — Он пристально посмотрел на Иджи. — И я голову даю на отсечение, что они сюда больше не сунутся.

Он надел шляпу и вышел.

Хотя Грэди и был полноправным членом клуба «Маринованный

огурец» и отъявленным вруном, на этот раз он сказал правду. Но кое-чего Иджи и Руфь не узнали. Например, что эти парни из Джорджии хотя и были мерзавцами, но вовсе не были настолько глупы, чтобы связываться с ребятами из ку-клукс-клана Алабамы, и им хватило ума по-быстрому смотаться отсюда, чтобы никогда больше здесь не появляться.

Вот почему когда Фрэнк Беннет вернулся, он пришел один и ночью.

«ВАЛДОСТА ГАЗЕТТ»

15 декабря 1930 г.

ПРОПАЛ МЕСТНЫЙ ЖИТЕЛЬ

Фрэнк Беннет, 38 лет, уроженец Валдосты, сегодня объявлен пропавшим без вести. Объявление дал его младший брат Джеральд после того, как Джейк Бокс, работник Беннета-старшего, сообщил, что его хозяин не вернулся домой с охоты.

Последний раз Фрэнка Беннета видели утром 13 декабря. Перед отъездом он сказал мистеру Боксу, что вернется вечером. Просьба ко всем, кто знает что-либо о его местонахождении, сообщить об этом местным властям.

ПОЛУСТАНОК. ШТАТ АЛАБАМА

18 декабря 1930 г.

Был пронзительно холодный алабамский полдень, на заднем дворе кафе варили свинину. Вода булькала, норовя перепрыгнуть через край большого чугунного котла, доверху наполненного кусками мяса, которому предстояло вскоре утонуть в специальном соусе для барбекю по рецепту Большого Джорджа.

Сам Большой Джордж стоял у огня с Артисом. Подняв глаза, он увидел троих мужчин с ружьями через плечо, которые прямоком направлялись к ним.

Грэди Килгор, местный шериф и по совместительству

железнодорожный детектив, обычно звал его по имени, но сегодня он решил выпендриться перед двумя другими представителями власти.

— Эй, парень! Пойди-ка сюда, взгляни. — Он вытащил фотографию. — Ты не встречал поблизости этого человека?

Артис, обязанностью которого было помешивать в котле длинной палкой, забеспокоился.

Большой Джордж посмотрел на снимок белого человека в котелке и покачал головой:

— Нет, сэр... Точно нет. — И отдал фотографию Грэди.

Один из мужчин подошел и заглянул в котел — там подпрыгивали в кипятке нежные бело-розовые куски мяса.

Грэди сунул снимок во внутренний карман.

Официальная часть визита закончилась, и он сказал:

— Слушай, Джордж, когда мы наконец попробуем твоего барбекю?

Большой Джордж с минуту изучал содержимое котла.

— Приходите завтра примерно в полдень. Да, сэр, я думаю, в полдень будет готово.

— Так ты оставь для нас немного, слышишь?

Большой Джордж улыбнулся:

— Да, сэр, конечно, я приберегу.

Направляясь в кафе, Грэди обернулся к своим спутникам:

— Этот чертов ниггер делает лучшее барбекю в штате. Обязательно попробуйте, тогда узнаете, что такое настоящее барбекю. Я не думаю, чтобы вы в своей Джорджии когда-нибудь ели такое.

Смоки и Иджи сидели в кафе, курили и пили кофе. Вошел Грэди, бросил шляпу на вешалку у двери и направился к ним.

— Иджи, Смоки, познакомьтесь: офицер Кертис Смут и офицер Уэнделл Риггинс. Они из Джорджии, разыскивают кое-кого.

Мужчины поздоровались и сели. Иджи спросила:

— Что вам принести, ребята? Может, кофейку?

Мужчины кивнули. Иджи крикнула в кухню:

— Сипси!

Сипси высунулась из дверей.

— Сипси, принеси три кофе.

Потом снова обернулась к ним:

— А как насчет пирога?

— Нет, не стоит, мы сюда по делу зашли, — сказал Грэди.

Мужчина помоложе, приземистый крепыш, явно огорчился.

— Они тут одного парня ищут, а меня попросили помочь. Я согласился, но только с условием, что сам буду показывать фотографию.

Грэди откашлялся и небрежно вытащил снимок, напустив на себя важный вид.

— Кто-нибудь видел этого человека в последние два дня?

Иджи взглянула, сказала «нет» и протянула фотографию Смоки.

— А что он натворил?

Сипси принесла кофе. Кертис Смут, усталый, тощий, с шеей, похожей на морщинистую руку, торчащую из воротника белой рубашки, сказал писклявым, сдавленным голосом:

— Насколько нам известно, он-то как раз ничего такого не сделал. Мы пытаемся выяснить, что сделали с ним.

Смоки отдал фотографию.

— Нет, я никогда его не видел. А почему вы его здесь ищете?

— Он два дня назад сказал парню, который у него работает в Джорджии, что собирается сюда поехать, и не вернулся.

— А где именно в Джорджии?

— В Валдосте.

— Понятно. Интересно, а сюда-то ему зачем? — удивился Смоки.

Иджи крикнула:

— Сипси, принеси-ка нам пару кусков шоколадного торта. — И сказала Риггину: — Я хочу, чтобы вы попробовали нашего торта. Скажете, понравилось вам или нет. Мы его только-только испекли, съешьте кусочек.

Риггинс запротестовал:

— Нет, я не могу, правда, я...

Но Иджи настаивала:

— Ой, да ладно вам, кусочек всего. Я хочу знать ваше мнение.

— Ну хорошо, разве что маленький.

Тощий искоса глянул на Иджи.

— Я сказал своим, что, скорее всего, он где-нибудь напился до беспамятства и не сегодня-завтра появится. Но меня другое интересует: зачем он сюда ездил, тут же ничего нет...

Уэнделл произнес с набитым ртом:

— Может, у него тут девочка или ещё что.

Грэди расхохотался:

— Черт возьми, да во всем Полустанке не найдется такой девчонки, чтоб ради неё проделать путь от самой Джорджии. — Он запнулся. — Разве что Ева Бейтс.

Все трое засмеялись, а Смоки, который имел удовольствие познать Еву

в библейском смысле, сказал:

— Святая правда.

Грэди принялся за второй кусок торта, радуясь удачной шуткой. Но тощий был настроен серьезно. Он наклонился к Грэди:

— Кто такая Ева Бейтс?

— Да просто старая рыжая потаскушка, у неё тут заведение у реки, — сказал Грэди. — Мы её все знаем.

— Думаете, эта женщина, Ева... Он мог к ней приехать?

Грэди бросил взгляд на снимок, лежавший на столе, и усмехнулся:

— Ну уж нет. По крайней мере в ближайший миллион лет.

Но тощий настаивал:

— Почему нет?

— Да по одной простой причине: он не в её вкусе.

Мужчины опять засмеялись. Уэнделл Риггинс смеялся вместе с ними, сам не зная почему.

Смут спросил:

— В каком смысле — не в её вкусе?

Грэди отложил ложку.

— Слушайте, я не хочу обижать вас, и я даже не знаю этого парня на фотографии, но, по мне, вид у него какой-то слащавый. Как по-твоему, Смоки, прав я или нет?

Смоки помотал головой:

— Что вы, ребята, Ева только глянула бы на него и сразу спихнула бы в воду.

Они снова засмеялись. Смут сказал:

— Ладно, я надеюсь, вы знаете, что говорите, — и снова стрельнул глазом на Иджи.

— Это факт, знаем, — усмехнулся Грэди и подмигнул Иджи и Смоки. — Насколько я слышал, вы там в Джорджии все легки на подъем.

Смоки хихикнул:

— Я тоже это слышал.

Грэди откинулся на спинку стула и похлопал себя по животу:

— Ладно, пойдем, что ли. Нам надо ещё в несколько мест успеть до темноты. — Он сунул фотографию в карман.

Офицер Риггинс сказал:

— Спасибо за торт, миссис...

— Иджи.

— Ваш торт выше всяких похвал, правда. Спасибо!

— Всегда пожалуйста.

Грэди взял шляпу.

— А вы скоро увидите. Я приведу их завтра на барбекю.

— Хорошо. Будем рады.

Грэди оглядел кафе:

— Кстати, а где Руфь?

— У мамы. Маме совсем худо.

Грэди кивнул:

— Да, я слышал. Мне очень жаль. Ну, пока, до завтра.

Было только полпятого, но небо вдруг потемнело, стало цвета ружейного металла, с серебряными прожилками молний на севере. Начинался дождь, капли падали холодные и пронизывающие, как колючие ледышки. По соседству, в окнах салона красоты Опал, замигали рождественские огоньки, отражаясь в мокром асфальте. Внутри салона помощница Опал подметала пол, по радио играла рождественская музыка. Хозяйка салона заканчивала прическу последней клиентке, миссис Весте Эдкок, которая сегодня вечером собиралась в Бирмингем на банкет железнодорожной компании.

Когда вошел Грэди в сопровождении двух незнакомцев, колокольчик на двери нежно тренькнул.

— Опал, можно тебя на минутку? — строго сказал Грэди.

Веста Эдкок подпрыгнула от неожиданности и, вцепившись в цветастый рабочий халат миссис Опал, завопила:

— Какого черта им нужно?!

Опал ахнула и поспешила к Грэди, держа зеленую расческу.

— Ты куда приперся, Грэди Килгор, выдумал тоже! Это же салон красоты! Мужчинам вход запрещен. Да что с тобой такое? Белены объелся? А ну давай выматывайся, да поживей! Ничего себе шуточки!

Грэди (шести футов и четырех дюймов ростом) и двое мужчин, спотыкаясь и толкаясь, кое-как протиснулись в дверь и выскочили на улицу. Опал глядела на них, припав к затуманенному стеклу.

Грэди сунул фото Фрэнка Беннета в карман и сказал:

— Ну уж сюда-то он точно не заходил, черт побери!

Мужчины подняли воротники и зашагали прочь.

Полустанок, штат Алабама
21 декабря 1930 г.

Через три дня после того, как два детектива из Джорджии побывали в Полустанке, расспрашивая о Фрэнке Беннете, тощий, Кертис Смут, снова приехал сюда, но на этот раз один. Зайдя в кафе, он заказал барбекю и апельсиновый сок.

Иджи принесла заказ в отдельную кабинку и сказала:

— Если учесть то, что съели Грэди и ваш напарник, вы почти все барбекю и уговорили. На троих получилось десять порций.

Он искоса глянул на нее:

— Присядьте.

Иджи поглядела в зал, убедилась, что делать пока нечего, и уселась напротив него. Он откусил сандвич и посмотрел на неё тяжелым взглядом.

— Как дела? — спросила Иджи. — Нашли того парня, которого искали?

Смут тоже поглядел в зал и перегнулся через стол. Его лицо не сулило ничего хорошего.

— Ты мне, красавица, голову-то не морочь. Я ведь знаю, кто ты есть на самом деле. И не надейся, что тебе удастся меня одурачить. Кертиса Смута на мякине не проведешь. Так-то! Я ведь как вошел сюда в первый раз, так сразу понял, что где-то тебя раньше видел, вот только вспомнить никак не мог где. Поэтому мне пришлось сделать пару телефонных звонков, и вчера ночью до меня наконец-то дошло, кто ты такая.

Он выпрямился и снова принялся за еду, не сводя с неё глаз. Иджи и бровью не повела. Она сидела и ждала, что будет дальше.

— Короче, у меня на руках заявление от того парня Джейка, который у Беннета работал. Так вот, он показал, что кое-кто, очень похожий по описанию на тебя и того здоровенного черножопого, что у тебя на заднем дворе орудует, приезжали туда с целой шоблой парней и забрали жену Беннета, а ниггер этот ещё угрожал Беннету ножом.

Он выковырял мясо из сандвича, положил на тарелку и стал пристально разглядывать его.

— Кроме того, я и ещё несколько парней были в парикмахерской в тот день, когда ты угрожала его убить. Мы сидели в задней комнате, и ты нас не видела. Но зато мы все слышали. Так вот, если уж я это помню, то будь уверена, черт подери, что остальные тоже вспомнят.

Он отпил большой глоток сока и вытер рот салфеткой.

— Вообще-то я не буду утверждать, что Фрэнк Беннет был моим

лучшим другом. По его милости моя старшая дочь живет в лачуге за городом, у черта на куличках, с ребенком на руках, и я наслышан о том, что он вытворял. Могу предположить, что найдутся и другие люди, кто не проронит по нему ни слезинки, если он умер. Но сдастся мне, красавица, что если это так, то тебе грозит целая куча неприятностей. Потому как тот факт, что ты ему угрожала, да еще, прошу заметить, дважды, внесен в протокол дела. И я тебе определенно скажу, что выглядит это неважнецки. Ты хоть понимаешь, крошка, о чем мы говорим? Об убийстве! О преступлении против закона! А этого никому не прощают.

Он потянулся и удовлетворенно вздохнул.

— Это, конечно, всего лишь гипотеза, но, окажись я сейчас в твоей шкуре, я бы понял, что будет просто замечательно, если бы этого тела вообще никогда не нашли. Ни тела, ни чего-нибудь из его вещей. И ещё бы я понял, что будет не слишком здорово, если кто-нибудь сможет доказать, что Фрэнк Беннет здесь появлялся. Понятно? А если бы я был совсем умный, то на твоём месте сообразил бы, как важно — просто чертовски важно — сделать так, чтобы здесь ничего не нашли.

Он посмотрел на Иджи — слушает ли она его? Иджи внимательно слушала.

— Это будет очень некстати, потому что тогда мне придется вернуться и арестовать тебя и твоего негра по подозрению в убийстве. Мне бы очень не хотелось этого делать, но придется, потому что я — представитель закона, и я поклялся блюсти его! Нельзя преступать закон. Ты понимаешь это?

— Да, сэр, — сказала Иджи.

Выполнив свой долг, Кертис Смут вытащил из кармана четвертак, бросил на стол, надел шляпу и, выходя из кафе, заметил:

— Конечно, может, Грэди и прав. Может, Фрэнк действительно на днях объявится дома. Но пока этого не случилось, я буду держать руку на пульсе.

«ВАЛДОСТА ГАЗЕТТ»

7 января 1931 г.

**ЕСТЬ ПОДОЗРЕНИЕ, ЧТО ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ ЖИТЕЛЬ
ВАЛДОСТЫ МЕРТВ**

Поиски Фрэнка Беннета, 38 лет, уроженца Валдосты, объявленного пропавшим утром 13 декабря прошлого года, официально завершены. В ходе интенсивного розыска, который проводили детектив Кертис Смут и детектив Уэнделл Риггинс, были опрошены даже жители Теннесси и Алабамы. Однако ни Беннет, ни его грузовик, на котором он уехал в день исчезновения, обнаружены не были.

«Мы обыскали все, — сказал сегодня утром офицер Смут репортеру. — Такое ощущение, что он просто исчез с лица земли».

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

19 марта 1931 г.

НОВОСТИ, ПЕЧАЛЬНЫЕ ДЛЯ ВСЕХ

После смерти отца год назад ещё одно печальное событие привело в родной дом Леону, Милдред, Пэтси Рут и Эдварда Тредгутов, которые съехались на похороны матери.

После службы все пошли в дом Тредгутов, и, наверно, каждый житель города счел своим долгом отдать последнюю дань уважения маме Тредгуд. Половина из нас практически выросла в их доме, с ней и папой. Мне никогда не забыть, как чудно мы проводили тогда время, как радушно они нас принимали. Что касается меня, то именно там я встретила свою вторую половину — на вечеринке в честь Дня независимости. Там мы подружились с Клео и Нинни и многие часы просиживали на этом крыльце после церкви.

Нам всем будет не хватать её. Кажется, будто что-то ушло из города вместе с ней.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
11 мая 1986 г.*

Эвелин Коуч открыла пластиковый пакет с морковными палочками и сельдереем, который прихватила для себя, и предложила подруге. Миссис Тредгуд отказалась, она ела апельсиновый зефир с орехами.

— Нет, спасибо, милочка, сырая пища во мне не держится. Кстати, а зачем вы это едите?

— Это один из способов похудеть. Можно есть все что угодно, если там нет жира и сахара.

— Опять хотите похудеть?

— Да, хочу попытаться. Но это очень трудно. Я ни с чего поправляюсь.

— Делайте, конечно, как хотите, но я ещё раз повторяю: по-моему, вы и так прекрасно выглядите.

— Ох, миссис Тредгуд, я вам очень благодарна за эти слова, но меня уже разнесло как не знаю кого.

— Ну, по мне, вы совсем не толстая. Вот уж кто была толстухой, так это Эсси Ру. Но у неё всегда была к этому склонность, даже в детстве. Один раз, помнится, её вес перевалил за двести фунтов.

— Правда?

— Конечно, но она никогда не позволяла себе расстраиваться по этому поводу, одевалась нарядно, а в волосы втыкала цветок. И все говорили, что Эсси Ру выглядит так, будто только что из подарочной коробки. И ещё у неё были прелестные маленькие ручки и ножки. Весь Бирмингем заговорил об этих крошечных ножках и ручках, когда она получила там работу — её взяли играть на Могучем Вурлицере...

— На чем?

— Могучий Вурлицер — орган в кинотеатре «Алабама». Говорили, что это самый огромный орган на юге, и, сдается мне, так оно и было. Мы все садились на трамвай и отправлялись смотреть фильм. Я всегда ездила, когда играла Джинжер Роджерс. Обожаю эту актрису. Самая талантливая во всем Голливуде. Я даже не ходила на картины, в которых она не снималась. На все руки была мастерица — танцевала, пела, декламировала... Вот такие дела. Ну а в перерывах между сеансами раздавался мужской голос: «А теперь кинотеатр „Алабама“ имеет честь представить вам... — он всегда говорил: имеет честь представить — мисс Эсси Ру Лаймуэй, она сыграет на Могучем Вурлицере». Откуда-то издалека доносилась музыка, а потом внезапно, как будто из-под пола, вырастал этот огромный орган, за

которым сидела Эсси Ру. Она играла «Я влюблена в человека с Луны». На неё падал свет прожекторов, и мощный звук заполнял театр, даже стропила дрожали. Эсси Ру оборачивалась, и улыбалась, и ни разу не сфальшивила, а потом начинала другую песню — «Звездный дождь над Алабамой» или «Жизнь — это просто блюдо с черешней». И её аккуратные маленькие ножки порхали над педалями как бабочки. Она носила босоножки с ремешками, которые специально заказывала в универмаге «Лавмэн».

Вот и получается, что у неё только тело было тяжелое, а сама она — нет.

У каждого человека есть недостатки, а она знала свои достоинства и гордилась ими. Вот почему мне обидно, что вы к себе так плохо относитесь. Я на днях разговаривала с миссис Отис и сказала: «У Эвелин Коуч изумительная кожа, в жизни такой не видела. Как будто вчера из пеленок».

— Ой, спасибо вам, миссис Тредгуд!

— Так ведь это правда. У вас же ни морщинки нет. А ещё я сказала миссис Отис, что, по-моему, вам надо знаете чем заниматься? Продавать косметику «Мэри Кэй». С вашими кожей и внешностью... А что, клянусь, оглянуться не успеете, как получите розовый «кадиллак». У моей соседки миссис Хартман есть племянница, так она продавала эту косметику и такую приносила прибыль компании, что ей в награду подарили розовый «кадиллак». А она и вполовину не такая красивая, как вы.

Эвелин сказала:

— Ох, миссис Тредгуд, спасибо вам, но я уже не в том возрасте, чтобы этим заниматься. Им молодые нужны.

— Эвелин Коуч, как вы смеете говорить подобные глупости! Вы ведь совсем молодая женщина. Сорок восемь — да это же детский возраст! У вас в запасе целая половина жизни. Мэри Кэй наплевать, сколько вам лет, она и сама не вчера из яйца вылупилась. Будь я в вашем возрасте, да ещё с такой кожей, я непременно попыталась бы раздобыть себе этот «кадиллак». Разумеется, мне пришлось бы получить водительские права, но попытаться я бы обязательно попыталась.

Вы только подумайте, Эвелин, чтобы дожить до моего возраста, вам понадобится ещё тридцать семь лет!

Эвелин засмеялась:

— А что испытываешь, когда тебе восемьдесят шесть, миссис Тредгуд?

— Ну, вообще-то я никакой разницы не ощущаю. Я же говорила, это сваливается на тебя как снег на голову. Вчера ты молодая, а сегодня раз —

и твоя грудь и кожа обвисли, и приходится напяливать резиновый бандаж. Но ты ещё не знаешь, что ты старуха. Видно, конечно, когда в зеркало смотришь... Иногда я пугаюсь чуть не до смерти. Шея будто гофрированной бумагой обтянута, и столько морщин, что ничего нельзя поделывать. Ой, у меня было какое-то средство от морщин, от «Эйвона», но оно действует не дольше часа, а потом все опять становится как прежде. Ну, я и решила: хватит, в конце концов, себя дурачить. Даже с лицом теперь ничего не делаю, только лосьона чуть-чуть и брови подвожу, чтобы понятно было, что у меня брови есть, а то они белые теперь. Да ещё эти пятна на руках из-за печени.

Она посмотрела на свои руки и засмеялась:

— И откуда только это берется? Даже фотографироваться я уже слишком стара. Фрэнсис хотел щелкнуть нас с миссис Отис, но я спряталась. Сказала, что фотоаппарат из-за меня сломается.

Эвелин спросила, не бывает ли ей здесь одиноко.

— Ну, иногда бывает. Конечно, ведь мои-то все поумирали уже... Изредка заходит кто-нибудь из церкви навестить, но это только «здравствуй и прощай». Да, так оно и бывает — здравствуй и прощай.

Иногда смотрю на фотографии Клео, Альберта и думаю, как они там... и вспоминаю свою жизнь. — Она улыбнулась Эвелин. — Этим вот и живу, милочка, — воспоминаниями о том, что когда-то было моей жизнью.

КАФЕ «ПОЛУСТАНОК»

*Полустанок, штат Алабама
18 ноября 1940 г.*

Культияшка играл в своей комнате — стрелял из пистолета резиновыми шариками по картонным дроздам. Руфь что-то писала, и тут влетает Иджи — она вернулась с очередной сумасшедшей рыбалки клуба «Маринованный огурец».

От радости Культияшка прыгнул ей на шею, едва не сбив с ног. Руфь тоже обрадовалась: она всегда беспокоилась, если Иджи уезжала на неделю или больше, особенно когда дело касалось реки и Евы Бейтс.

Культияшка побежал на кухню и тут же вернулся.

— А где же рыба?

— Понимаешь, Культияшка, — сказала Иджи, — дело было так. Рыбу

мы, конечно, поймали, но она оказалась такая здоровенная, что мы не смогли вытащить её из воды. Мы её сфотографировали, и одна только фотография весила целых двадцать фунтов.

— Ой, тетя Иджи, да не поймали вы никакой рыбы!

В это время послышался голос:

— Ау-у! Это мы с Альбертом к вам в гости пришли... — И в комнате появились высокая симпатичная женщина с волосами, закрученными узлом на затылке, и умственно отсталый мальчик примерно одного с Культяшкой возраста.

Они зашли на чашечку кофе, как, впрочем, делали каждый день последние десять лет, и всегда им были рады.

— Привет, — сказала Иджи. — Как делишки?

— Прекрасно, — ответила Нинни и села. — А вы, девочки, как?

— Знаешь, Нинни, мы хотели поесть на ужин рыбки, но, видно, она решила не клевать на эту удочку. — Руфь засмеялась. — Ничего не поделаешь, придется поужинать фотографией.

Нинни огорчилась:

— Ну-у, Иджи, а я-то мечтала о жирной зубатке. Люблю хорошую рыбу. Стыдно сказать, я ведь только один раз её и пробовала.

— Нинни, — сказала Иджи, — зубатка не клюет посреди зимы.

— Нет? Надо же! А я почему-то думала, что зимой рыбы так же хотят есть, как и летом.

— Действительно, Иджи, почему они не клюют зимой? — спросила Руфь.

— Ну только не потому, что есть не хотят. Вообще-то это зависит от температуры червя. Зубатка, даже самая голодная, не станет глотать холодного червя.

Руфь посмотрела на Иджи и покачала головой, в очередной раз удивляясь её фантазии.

Но Нинни сказала:

— Логично. Я, например, сама терпеть не могу холодную еду. Но мне кажется, даже если ты подогреешь этих червяков, прежде чем на крючок насадить, они все равно остынут, пока опустятся на дно реки, правильно я говорю? Кстати, о холоде. Как зима-то разошлась! У вас тут холодина, как в подземелье.

Альберт с Культяшкой стреляли по картонным дроздам, а Нинни пила кофе. Вдруг она сказала:

— Культяшка, приходи к нам пострелять по дроздам, которые сидят у меня на телефонных проводах. Нет, я не хочу, чтобы ты их убивал, просто

припугни, и все... А то они своими лапками подслушивают мои разговоры.

Руфь, обожавшая Нинни, спросила:

— Ты это всерьез, Нинни?

— А как же, милая, это ведь Клео сказал.

«СЛЭГТАУН НЬЮС»

*Бирмингемская газета для цветных
мистера Милтона Джеймса
19 ноября 1940 г.*

*** ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА ***

МОШЕННИЦА УШЛА, ПРИХВАТИВ 50 ДОЛЛАРОВ

Миссис Салли Джинкс, проживающая по адресу Хауэлл-стрит, 68-С, вчера вечером заявила в полиции, что стала жертвой мошенничества. Миссис Джинкс сказала, что женщина, назвавшая себя сестрой Белл, пришла к ней в дом и каким-то образом убедила её завернуть пятидесятидолларовую купюру в салфетку, положить в сундук и не трогать сверток четыре часа. Когда салфетку развернули, денег не оказалось.

Супруги Робинсон передают своим друзьям, что потеряли друг к другу всякий интерес.

НАШИ УЛИЦЫ ОСИРОТЕЛИ

Появилось ощущение, что Восьмой авеню чего-то недостает.

Артисту О. Пиви, чья слава гремела по всему городу, видимо, крепко пришелся по душе «Город на ветрах».^[27] Женская часть населения наверняка будет по нему страшно скучать.

До нас дошли сведения, что мисс Хелен Рейд пришлось вызвать полицию: в её дом поздно ночью пытался проникнуть взломщик и причинить ей телесные повреждения... Прибывшая полиция обнаружила мужчину, который прятался в подвале со штуковиной, которой колют лед, и уверял, что он всего лишь разносит лед по домам.

Не тот ли это самый мистер Шепард, который в прошлом году ухаживал за мисс Рейд?

...Клуб «Эсквайр» готовится к ежегодной встрече своих членов, где они обычно отрываются по полной программе.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ НОВИНКИ

Гвоздь сезона, «Афро-американская фантазия» Эллингтона, привлекла всеобщее внимание. Пианист в «Креоле» сбавал буги-вуги, которые звучали несколько странно, но эффект был потрясающий.

ДЕСЯТАЯ АВЕНЮ

*Чикаго, штат Иллинойс
20 ноября 1940 г.*

В Чикаго шел дождь. Артис О. Пиви бежал по улице. Увидев надпись «Дары моря. Жареная рыба за 35 центов», он юркнул под навес. Через дорогу, в «Альгамбре», шли «Удачливые воры» и «Империя гангстеров». Он и сам чувствовал себя беглецом, уехав так далеко от дома, чтобы спрятаться от некой дамочки по имени Электра Грини.

Артис стоял под навесом, курил «Честерфилд» и размышлял о суете жизни. Его мать как-то сказала, что, когда у неё дурное настроение, ей достаточно подумать о дорогом Иисусе, чтобы воспрянуть духом.

Однако не мысль об Иисусе подняла настроение Артису, а вполне земная чернокожая красотка с пухлыми губами и на высоких каблуках. У Артиса сразу воспрял не только дух, но и кое-что ещё к большому удовольствию вышеназванной. В этом и была главная проблема его жизни: слишком уж часто он влюблялся, и слишком безрассудно.

Он то и дело ввязывался в опасные игры, в результате которых на сцене появлялся муж возлюбленной, поскольку Артис ни в чем не знал границ. Любое существо женского пола, попав ему на глаза, тотчас становилось его собственностью. Он плевать хотел на чужие территориальные права, поэтому нередко ощупывал свое тело, проверяя, нет ли там ножевых ран, и не переломаны ли кости, и очень часто искомое находилось. Застукав Артиса с неподходящей женщиной и в неподходящий момент, одна бронзокожая амазонка пырнула его штопором. После этого происшествия, в результате которого у него остался шрам на, как бы это сказать, интересном месте, Артис стал более осмотрительным. Теперь он

опасался морочить голову женщинам, которые превосходили его калибром. И тем не менее он оставался сердцеедом. И слишком многие искали его этим вечером. Маленький, худой и темнокожий до синевы, он стал источником множества неприятностей для представительниц противоположного пола. Одна крошка даже умудрилась выпить банку лака для пола и запить его кружкой хлоракса, пытаясь уйти из мира, в котором существовал Артис. Она выжила, проклиная ядовитую гадость, навсегда испортившую ей цвет лица, а он с тех пор боялся выходить на улицу, так как она иногда подкрадывалась сзади и что есть мочи била его по голове сумочкой, набитой камнями.

Но с Электрой Грини дела обстояли куда серьезней, это вам не сумочка с камнями. У неё был пистолет 38-го калибра, мало того, она умела с ним обращаться и, убедившись в его измене, грозила расправиться с его мужским достоинством. А изменил он ей не один раз, а восемь, если уж быть точным, с мисс Делилой Вудс, её закнутой врагиней, которая тоже поспешила убраться из города.

Артис стоял под навесом, и ему было до того тошно, что смерть казалась избавлением. Он скучал по Бирмингему и хотел только одного: вернуться.

Каждый день до того, как он в спешке покинул Бирмингем, Артис садился в свой двухцветный, голубой с белым, «шевроле» и ездил на Красную гору любоваться закатом. Оттуда он смотрел вниз, на чугунолитейные заводы, на их башнеподобные трубы, извергавшие рыжий дым, который стелился до самого Теннесси. В этот час, когда небо было окрашено красно-пурпурными отсветами заводов, когда неоновые огни, подмигивая и приплясывая, струились по центральным улицам к Слэгтауну, город казался Артису самым прекрасным местом на земле.

Бирмингем — город, который во времена Великой депрессии Рузвельт назвал «самым пострадавшим городом Соединенных Штатов», где люди доходили до последнего края нищеты: Артис знал человека, который давал стрелять в себя за деньги, и девчонку, которая три дня вымачивала ноги в рассоле с уксусом, чтобы выиграть танцевальный марафон... Этот город с самым низким доходом на душу населения прослыл самым веселым и самым зрелищным местом Юга.

Бирмингем — город с самым высоким уровнем неграмотности и венерических заболеваний, но с самым большим количеством воскресных школ среди всех городов Америки... Город, где по улицам разъезжали грузовики, развозившие белье из прачечной, с надписью на борту «Мы

стираем только для белых» и где темнокожие горожане ездили в трамваях за деревянным барьером с табличкой «Для цветных» и поднимались в многоэтажных универсамах на грузовых лифтах.

Бирмингем — южная столица наемных убийц, где только в 1931-м был убит 131 человек...

Все это так, и тем не менее Артис любил свой Бирмингем истовой любовью — от южной его границы до северной. Он любил его в любое время года: промозглой дождливой зимой, когда красная глина сползает с холмов и растекается по улицам, и душным зеленым летом, когда виноградники покрывают склоны гор и обвивают деревья и телеграфные столбы, а воздух становится тяжелым и влажным от ароматов гортензий и барбекю. Он изъездил вдоль и поперек всю страну от Чикаго до Детройта и от Саванны до Чарльстона и Нью-Йорка, но каждый раз, когда он возвращался в Бирмингем, его переполняло счастье. Если и есть на свете такая штука, как абсолютное счастье, то это ощущение, что ты — в правильном месте. И когда Артис приезжал в Бирмингем, он был абсолютно счастлив.

И вот сегодня он принял решение: пора двигаться к дому. Потому что ему легче умереть, чем прожить без Бирмингема. Он скучал по этому городу так, как большинство мужчин скучают по своим женам. А именно женой и рассчитывала стать ему мисс Электра Грини — если, конечно, оставит его в живых.

Когда он проходил мимо бара «Флейта и барабан», кто-то запустил по музыкальному автомату песенку:

Дорога на Юг ведет до Бирмингама,
А Юг, мой друг, в штате Алабама.
А в Алабаме все танцуют джаз —
Ночи напролет, и так за часом час.

И все сюда едут, все сюда идут,
Потому что джаз — он вот он, тут!
О южный, нежный джаз, он в сердце твоём,
Он в твоих глазах сияет тихим огнем.

Здесь тебя примут, ты здесь ко двору.

Приходи, парень, и слушай игру.
Давай к нам, парень! Живи без тревог...
Давай к нам, парень, не жалея ног!

Здесь танцуют ночью и днем —
В городе, в городе моем.

«СЛЭГТАУН НЬЮС»

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА

25 ноября 1950 г.

ИЗВЕСТНЫЙ БИРМИНГЕМСКИЙ ХОЛОСТЯК ЖЕНИТСЯ

Мисс Электра Грини, дочь миссис и мистера Р. С. Грини, стала очаровательной невестой мистера Артиса О. Пиви, сына миссис и мистера Джорджа Пиви из Полустанка, штат Алабама.

Церемонию венчания провел доктор Джон У. Никсон, пастор Первой конгрессиональной церкви, на органе играл мистер Льюис Джонс.

Сияющая невеста

На обворожительной невесте был ансамбль в нежно-зеленых тонах, отделанный мехом норки, и украшения из янтаря. В довершение к этому представьте коричневую фетровую шляпку, коричневые же перчатки и туфельки и приколотый к корсажу букет диких лилий.

Мисс Озорная Птичка Пиви, сестра жениха, потрясла всех платьем из шерстяного крепа цвета винограда с присборенным лифом, ожерельем из разноцветного бисера, светло-вишневыми перчатками и туфлями.

Свадебный прием

Сразу после венчания состоялся свадебный прием, который проходил в доме миссис Лулу Баттерфорк, преуспевающего косметолога, а также специалиста в парикмахерском искусстве.

Несколько известных всем бирмингемцев пили свадебный пунш, ели мороженое и пирожные и с благоговением вели подсчет бесчисленных

шикарных подарков, преподнесенных молодым.

В понедельник пятого октября, в 11 вечера, свадебный прием завершился танцами, распорядительницей которых была миссис Тонсиль Робинсон.

Грандиозное событие было с блеском отпраздновано в кафе «Маленький Савой», украшенном по этому случаю с рождественской пышностью. Длинный стол ломился от яств и всевозможных напитков. Перед ужином из семи блюд (на горячее подали цыплят) гостям предложили аперитив, а в заключение — кофе и десерт.

Новобрачные будут жить в доме невесты на Фаунтейн-авеню.

СУПЕРМАРКЕТ «ПИГЛИ-УИГЛИ»

Бирмингем, штат Алабама

19 мая 1986 г.

Прошло девять невыносимо долгих, трудных дней с тех пор, как Эвелин села на диету, но сегодня она проснулась абсолютно счастливая. Ей казалось, что она стала хозяйкой своей жизни, что она высокая, стройная, гибкая, как тростинка и движется с грацией балерины. Эти девять дней она преодолевала как гору и теперь чувствовала себя так, будто достигла вершины. Теперь она твердо знала, что отныне будет есть только свежую, здоровую пищу — она и сама сейчас чувствовала себя свежей и здоровой.

Войдя в супермаркет, она быстро проскочила мимо тортов и пирожных, мимо всех сортов белого хлеба, мимо отдела со всевозможными сладостями, — здесь она обычно простаивала дольше всего, — и напрямик направилась в мясной отдел, где заказала цыплячьи грудки без кожи. Потом пошла в отдел овощей и фруктов, куда раньше заглядывала только за картошкой, и взяла свежие брокколи, а также лимоны и лаймы, чтобы выжать в минеральную воду. Потом задержалась у стойки с журналами и купила «Таун энд кантри» со статьей о Палм-Бич, после чего направилась к кассе, где с ней поздоровалась молодая кассирша:

— Здравствуйте, миссис Коуч, как поживаете?

— Прекрасно, Мозелл, а ты как?

— Хорошо. — Мозелл подсчитала сумму. — Вы нынче потрясающе выглядите, миссис Коуч.

— Спасибо. Я и чувствую себя прекрасно.

— Ну, счастливо вам.

— Спасибо. И тебе тоже.

Когда Эвелин подошла к выходу, какой-то парень в грязной футболке и джинсах, со злыми глазами и наглым ртом, протиснулся в дверь с надписью «Только для выхода» и толкнул её. Будучи в приятном расположении духа, она пробормотала себе под нос: «Настоящий джентльмен, ничего не скажешь».

Парень обернулся и, глядя ей прямо в глаза, бросил:

— Да пошла ты, сука!

Эвелин остолбенела. От ненависти, горящей в его глазах, у неё перехватило дыхание. Она вся задрожала и поняла, что сию минуту заплачет. Ее как будто ударили. Эвелин закрыла глаза и велела себе не раскисать. Это всего лишь незнакомец. Это не имеет никакого значения. Не смей из-за него расстраиваться.

Но чем больше она об этом думала, тем больше убеждалась, что должна что-то сделать. Она подождет его на улице и объяснит, что хотела просто пошутить, что не хотела его обидеть и уверена, что он вошел не в ту дверь по ошибке и наскочил на неё случайно.

Разумеется, после этого объяснения ему, скорее всего, станет стыдно, все встанет на свои места, и она пойдет домой с легким сердцем...

Парень ногой распахнул дверь и прошел мимо нее, неся бумажный пакет с покупками. Она быстро обогнала его.

— Прошу прощения. Я думаю, что у вас не было причин обращаться со мной так грубо. Я просто пыталась...

Он с отвращением посмотрел на нее:

— Отвали, тупая корова!

Эвелин задохнулась:

— Простите, как вы меня назвали?

Он пошел дальше, не обращая на неё внимания. Теперь она бежала за ним в слезах.

— Как вы меня назвали? Почему в вас столько злости? Что я вам плохого сделала? Вы меня даже не знаете!

Парень открыл дверцу пикапа, и Эвелин судорожно схватила его за руку:

— Почему вы так грубы со мной?

Он отбросил руку Эвелин и сунул ей кулак в лицо, его глаза и щеки пылали яростью.

— Не дразни меня, сука, или я тебе башку снесу к чертям собачьим, ты, жирная, тупая дырка.

С этими словами он толкнул её в грудь, и она упала. Эвелин поверить не могла, что это произошло на самом деле. Ее покупки разлетелись в разные стороны.

В машине сидела какая-то курчавая девчонка в короткой майке в обтяжку. Она глянула на Эвелин сверху и засмеялась. Парень хлопнул дверцей, включил заднюю передачу и рванул прочь, продолжая выкрикивать грязные ругательства.

Эвелин сидела на земле, локоть её кровоточил, она опять чувствовала себя старой, толстой и никчемной.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

12 декабря 1941 г.

НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Грэд Килгор, начальник призывной комиссии Полустанка, говорит, чтобы все ребята приходили и записывались, да поскорее.

Такое ощущение, будто на свете не осталось ничего кроме воинских эшелонов и танков, которые проезжают мимо нас. Это наводит на мысль: откуда они все берутся и куда деваются.

Уилбур уверяет, что война долго не протянется, от силы месяцев шесть. Надеюсь, хоть на этот раз он окажется прав.

Квартет «Парики для веселых красоток» приглашен на конкурс в Мемфис, штат Теннесси. Они собираются исполнить свою интерпретацию популярной песни «Окунаем кисточку в золотой восход».

Преподобный Скроггинс спрашивает: не будет ли любезен тот, кто дает его телефон и адрес жаждущим купить бутылку виски в ночное время, прекратить свои шуточки, ибо его жена Арна находится на грани нервного срыва и на минувшей неделе уже несколько раз переступала эту грань. Бобби Ли Скроггинс записался на флот. Кстати, звезда в окне кафе вывешена в честь первого цветного из Трутвилля, который вступил в армию. Это Билли Пиви, сын Онзеллы и Большого Джорджа.

Дот Уимс

Р. С. Все готовятся к рождественскому маскараду. Из-за сокращения мужской части населения в нашем городе Опал, я и Нинни Тредгуд решили нарядиться в костюмы трех мудрецов.

РОДС-СЕРКЛ, 212

*Бирмингем, штат Алабама
8 августа 1986 г.*

После того как парень в супермаркете так зверски её оскорбил, Эвелин Коуч чувствовала себя втоптанной в грязь, изнасилованной омерзительными словами, раздетой... Она всегда старалась избегать подобных ситуаций, всегда боялась грубых людей, боялась оскорбительных слов, которые могли испачкать её. Всю жизнь Эвелин обходила таких людей, — так, приподняв юбку, обходят коровьи лепешки. И всегда подозревала, что рано или поздно наступит такой момент, когда кто-то из них окажется рядом, набросится на неё с бранью и просто уничтожит её.

И вот это случилось. Правда, она осталась жива. И задумалась. Этот гнусный тип подействовал на неё как электрический удар, заставил наконец посмотреть на себя со стороны и задать себе вопросы, которых она так боялась.

Что это за сила, эта внутренняя угроза, невидимый пистолет, приставленный ко лбу, который держит её под прицелом всю жизнь?.. Откуда этот страх, что её как-нибудь обзовут?

Некогда она хранила девственность, чтобы её не обозвали потаскушкой или давалкой. Вышла замуж, чтобы не обозвали старой девой. Изображала оргазм, чтобы не обозвали фригидной. Нарожала детей, чтобы не обозвали бесплодной. Не стала феминисткой, чтобы не обозвали лесбиянкой или мужененавистницей. Никогда не ворчала и не повышала голос, чтобы не обозвали стервой...

Она так старалась, и все-таки этот незнакомый парень швырнул её в сточную канаву, полную таких слов, какими мужчина может обозвать женщину только в приступе страшного гнева.

Эвелин недоумевала: почему почти все эти грубые слова связаны с сексом? И почему когда один мужчина хочет унижить другого, то называет его бабой? Можно подумать, хуже этого слова ничего нет. Чем же мы заслужили такое отношение? Почему нас называют суками? Негров

перестали называть ниггерами, по крайней мере, в лицо. Итальянцы — больше не макаронники и не даго, и никого теперь не называют жидом, косоглазым, китаезой. Каждого из этих людей кто-нибудь да защищает, общество протестует против оскорблений в их адрес. А вот женщины до сих пор получают унижительные прозвища от мужчин. Почему? Где же наши защитники? Это несправедливо.

От этих мыслей она ещё больше расстроилась. Как жаль, что с ней не было Иджи, подумала Эвелин. Уж она-то ни за что не позволила бы какому-то сопляку так обругать её, она бы ему так врезала, что на земле оказался бы он, а не Эвелин.

И вдруг она усилием воли перестала об этом думать, ибо испытала совершенно незнакомое чувство, которое напугало её. Вот так, отстав от других женщин лет на двадцать, Эвелин Коуч рассердилась!

Она рассердилась на себя — за то, что напугалась, и вскоре весь этот запоздалый гнев начал принимать весьма странную и своеобразную форму.

Впервые в жизни Эвелин пожалела, что не родилась мужчиной, — и не ради привилегии иметь некий инструмент, которым они столь дорожат. Нет. Она хотела обладать только их силой, чтобы там, в супермаркете, врезать этому панку. Конечно, она понимала, что, будь она мужчиной, её бы так не обозвали. Мысленно она представляла себя такой же, как была, но в десять раз сильнее любого мужика. В мечтах она становилась суперженщиной и лупила этого мальчишку с его поганым языком до тех пор, пока он не падал на асфальт автостоянки, весь окровавленный, с переломанными костями, и не молил о пощаде. Вот было бы здорово!

Так началась невероятная тайная жизнь сорокавосемилетней миссис Эвелин Коуч из Бирмингема, штат Алабама.

Лишь немногие из тех, кто видел эту миловидную толстушку, домохозяйку средних лет и среднего достатка, идущую в магазин или по каким-то другим повседневным делам, могли бы догадаться, что она воображает себя машиной для отстреливания гениталий насильников и растаптывания жестоких мужей: до смерти, специальными ботинками собственного изобретения для женоизбивателей.

Эвелин даже придумала себе псевдоним, который наводил бы на всех страх и был известен всему миру: Тованда-мстительница!

В то время как Эвелин, улыбаясь, шла по улице, Тованда тыкала в мальчишек-хулиганов электропогонялкой для скота до тех пор, пока у них

волосы не вставляли дыбом. Она подкладывала крошечные бомбочки между страницами «Плэйбоя» и «Пент-хауза», и они взрывались, стоило только открыть журнал. Она подсовывала торговцам наркотиками избыточные дозы зелья и оставляла их подыхать на улице. Она заставляла доктора, сказавшего её матери, что у неё рак, прошесть голым по улице, а все остальные врачи, включая дантистов и гинекологов, улюлюкали ему вслед и кидали в него камнями. Но все же она была милосердной мстительницей, поэтому всегда позволяла ему дойти до конца улицы и только потом вышибала мозги кувалдой.

Тованда могла делать все, что ей вздумается. Она возвращалась в далекое прошлое и била апостола Павла кулаком в нос за то, что тот велел женщинам помалкивать. Тованда переносилась в Рим и пинком сгоняла с трона Папу, а вместо него сажала монахиню, и попы готовили для неё еду, мыли пол и все такое. Тованда появлялась на встречах с прессой и тихим голосом, с ледяным спокойствием в глазах и мягкой улыбкой, спорила со всеми, кто не соглашался с её мнением, — до тех пор, пока журналисты не убегали в слезах, разбитые в пух и прах её убедительными, мудрыми доводами. Она приходила в Голливуд и приказывала ведущим режиссерам брать на роли актрис среднего возраста, а не только двадцатилетних девчонок с идеальной фигурой. Она позволяла крысам загрызть всех владельцев трущоб до смерти и рассылала беднякам всего мира продукты и контрацептивы.

Благодаря своей мудрости и проницательности она стала известной всему миру как Тованда Великодушная, Исправляющая Несправедливость и Несравненная Королева.

Тованда постановила: равное количество мужчин и женщин будет избираться в правительство и принимать участие в мирных переговорах; она с компанией первоклассных ученых-химиков изобретет лекарство от рака и сделает таблетку, которая позволит есть что угодно и при этом не толстеть; всем будет вменено в обязанность получать лицензии на рождение детей, предварительно пройдя испытания на материальное положение и эмоциональную устойчивость, — и никаких больше голодающих и страдающих от побоев детей; Джерри Фолуэлл^[28] будет нести ответственность за воспитание всех незаконнорожденных бездомных детей; впредь не будет усыплен ни один котенок или щенок, им предоставят собственный штат — возможно, Нью-Мексико или Вайоминг; учителя и медсестры будут получать зарплату, равную зарплате футболиста-профессионала.

Она прекратила бы строительство многоэтажек, особенно с красной

черепицей на крышах, а Ван Джонсон получил бы собственное шоу: Тованда его очень любила.

Тех, кто украшает надписями стены, она окунала бы в бочку с несмываемыми чернилами. Дети знаменитостей больше не смогут издать ни одной книжки. И ещё она лично проследит, чтобы все хорошие мужья и отцы семейства, вкалывающие день и ночь, ездили бесплатно на Гавайи и чтобы им предоставляли моторные лодки.

Тованда отправлялась на Мэдисон-авеню и брала под контроль модные журналы: модели с весом менее 135 фунтов увольнялись, а морщины сразу становились признаком сексуальности. Домашний сыр с низким содержанием жира надо стереть с лица земли. Так же, как и морковные палочки.

А что! Не далее как вчера Тованда решительно вошла в Пентагон, поотбирала у них там все бомбы и ракеты и вместо этого раздала игрушки, а в России её сестры по духу сделали то же самое. Потом она выступила в шестичасовых новостях и объявила, что весь военный бюджет перечисляет людям старше шестидесяти пяти. Тованда так устала за день, что Эвелин с трудом дождалась вечера и уснула, едва коснувшись головой подушки.

И неудивительно. Сегодня, пока Эвелин готовила обед, Тованда приговорила к смертной казни целую толпу продюсеров порнофильмов. Потом Эвелин мыла посуду, а Тованда собственноручно взорвала весь Ближний Восток, чтобы предотвратить Третью мировую войну. Вот почему, когда Эд из кабинета крикнул, чтобы она принесла ему ещё пива, Тованда, прежде чем Эвелин успела остановить её, рявкнула в ответ:

— Да пошел ты, Эд!

Он тихо встал со своего кресла и вошел на кухню:

— Эвелин, ты, часом, не заболела?

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

9 февраля 1943 г.

ВОЙНА РАЗГОРАЕТСЯ

Моя дражайшая половина вкалывает в две смены вместе с остальными служащими железной дороги, поскольку наши сталеплавильные печи

работают без перерыва, и мне в эти дни очень одиноко. Но раз уж он помогает Дяде Сэму и нашим мальчикам, то я как-нибудь потерплю.

Томми Гласс и Рэй Лаймуэй прислали домой весточки — мол, живы-здоровы.

Кстати, кто-нибудь видел непревзойденный огород Иджи и Руфи в старом доме Тредгуудов? Иджи сказала, что Сипси вырастила бобы размером с серебряный доллар. А у меня вообще ничего не растет, кроме нескольких сладких бататов.

Три члена квартета «Парики для веселых красоток» — я, Бидди Луис Отис и Нинни Тредгуд — ездили в Бирмингем. Мы пообедали в кафетерии Бриттлинга, а потом заглянули в кинотеатр к нашей Эсси Ру Лаймуэй. Картина и вполтину не была так хороша, как выступление в антракте. Мы страшно гордились. Нам очень хотелось объяснить всем зрителям, что это наша подруга. Нинни обернулась к своей соседке и сказала, что Эсси её сводная сестра.

Кстати, не забывайте беречь резину.

Дот Уимс

Р. С. Кто сказал, что мы слабый пол? Бедняге Дуэйну Глассу стало дурно на собственной свадьбе в прошлое воскресенье, и его будущей жене пришлось всю церемонию поддерживать его под руку. Он сказал, что ему стало лучше, когда все закончилось. Гласс отправляется на войну сразу же после медового месяца.

ПОЛУСТАНОК, ШТАТ АЛАБАМА

12 января 1944 г.

В Бирмингеме на Центральном вокзале собралось пятьсот человек, не считая оркестра для встречи вернувшихся домой героев войны — сыновей, мужей, братьев. Повсюду развевались флаги, все ждали поезда из Вашингтона, прибывавшего обычно в шесть двадцать.

Но на этот раз первую остановку поезд сделал за двадцать минут до Бирмингема. Там, в конце платформы, негритянская семья ждала своего сына. Деревянный ящик тихо спустили из багажного вагона и поставили на тележку, которая должна была отвезти его в Трутвилль.

Артис, Джаспер и Озорная Птичка шли за Онзеллой, Сипси и Большим Джорджем. Когда они проходили мимо, Грэди Килгор, Джек Баттс и все ребята с железной дороги сняли шляпы и встали по стойке «смирно».

Здесь не было ни флагов, ни оркестра, ни медалей — одна лишь картонка, прибитая к ящику, с надписью: «Рядовой первого класса У. К. Пиви». Но на другой стороне улицы над кафе висел флаг, в окне красовалась звезда, а на плакате было написано: «Добро пожаловать домой, Билли»...

Руфи, Иджи и Культяшки уже не было — они отправились в Трутвилль встречать остальных.

Милый Билли, Чудный Советник Пиви, мальчик, зачисленный в Таскеджийский университет, умница... Он собирался стать адвокатом, гордостью своего народа, оставить яркий след на своем пути от алабамского захолустья до Вашингтона. Светлая головушка, Билли мог добиться всего этого, но был убит после стычки в пивнушке чернокожим солдатом по имени Уинстон Льюис из Ньюарка, штат Нью-Джерси.

Билли рассказывал о своем отце, Большом Джордже, — мол, когда упоминалось его имя, и белые, и негры всегда говорили:

— Да-а, вот это человек!

Но Уинстон Льюис возразил, что любой, кто работает на белого, особенно в Алабаме, просто-напросто тупой, невежественный, паршивый жополиз, Дядя Том.

Билли научился не обращать внимания на оскорбления и подавлять в себе даже малейшие проблески гнева и агрессивности. Но в тот вечер, услышав слова Уинстона, он оскорбился за отца и запустил пивной бутылкой в лицо обидчику. Тот растянулся на полу и отключился.

На следующую ночь, когда Билли уже спал, ему перерезали горло от уха до уха, а Уинстон Льюис самовольно покинул расположение своей части. Армейское начальство не слишком переживало о случившемся, — поножовщина среди цветных солдат была обычным делом, — и отправило Билли домой в деревянном ящике.

На похоронах Руфь, Смоки и все Тредгуды сидели в церкви в первом ряду, а Иджи произнесла прощальную речь от лица семьи. Священник молился и говорил о том, что так рано Иисус призывает к себе только возлюбленных чад своих, по воле Отца Всемогущего, сидящего на золотом троне в небесах. Прихожане раскачивались из стороны в сторону и повторяли: «Да свершится воля Его».

Артис вместе со всеми повторял за священником, и вместе со всеми

раскачивался, и слушал, как его мать кричит от нестерпимого горя, но после службы не поехал на кладбище. Пока Билли опускали в холодную алабамскую красную глину, Артис вскочил в поезд и поехал в Ньюарк, штат Нью-Джерси. Там он собирался отыскать некоего мистера Уинстона Льюиса, чтобы прикончить его.

А прихожане пели: «Господи, не надо двигать мою гору, но дай мне силы взойти на нее».

Через три дня сердце Уинстона Льюиса было найдено в бумажном пакете в нескольких кварталах от его дома.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

24 февраля 1944 г.

«ГЛУПОСТИ ИЗ МОРОЗИЛКИ» — ПРОСТО УМОРА

Каждый год клуб «Маринованный огурец» устраивает сборище под названием «Глупости из морозилки», но на этот раз они превзошли самих себя.

Грэди Килгор переоделся Ширли Темпл и спел «О чудесный мой кораблик-леденец». Надеюсь, все заметили, какие красивые ноги у нашего шерифа?

А моя дражайшая половина Уилбур Уимс исполнил «Красный парус на закате». По-моему, он спел хорошо, но тут я, конечно, не судья. Ведь мне приходится каждый Божий день слушать, как он распевает под душем. Ха-ха!

Самыми потрясными шутками были признаны две пародии: на преподобного Скроггинса в исполнении Иджи Тредгуд и на Весту Эдкок в исполнении Пита Тидуэлла.

Опал делала прически и грим, а Нинни Тредгуд, Бидди Луис Отис и ваша покорная слуга занимались костюмами.

Так называемого «опасного зверя» в сценке про Матт и Джеффа изображал не кто иной, как бульдог доктора и миссис Хэдли по кличке Ринг — ему на морду надели противогаз.

Все сборы пойдут в рождественский фонд на нужды Полустанка и

Трутвилля.

Хорошо бы поскорее покончили с этой войной, мы ужасно соскучились по нашим мальчикам.

Кстати, Уилбур на днях пытался записаться в армию. Слава Богу, он оказался слишком стар и у него нашли плоскостопие, иначе у нас возникли бы серьезные проблемы.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»
--

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
28 июля 1986 г.*

Эвелин снова набрала весь вес, который скинула за время диеты, плюс ещё восемь фунтов. Она была ужасно расстроена этим обстоятельством и даже не заметила, что миссис Тредгуд опять надела платье наизнанку.

Они поедали одну за другой конфеты из пятифунтовой коробки «Божественных сливочных помадок», как вдруг миссис Тредгуд сказала:

— Я могла бы убить за кусочек масла. Этот их маргарин на вкус точь-в-точь топленый свиной жир. Мы столько его съели во время Великой депрессии, что меня от него мутит. Вот и приходился жевать сухие тосты с яблочным повидлом.

Насколько я помню, Иджи и Руфь купили кафе в 1929 году, как раз в разгар депрессии, но маргарином, по-моему, у них и не пахло. По крайней мере, я не помню, чтоб мы его ели. Странно, весь мир страдал от голода, а для меня эти годы в кафе кажутся сейчас самыми счастливыми, хотя всем тогда приходилось трудно. Мы были счастливы и не даже не догадывались об этом.

Сколько ночей мы провели в кафе, слушая радио! Мы слушали Фиббера Макги и Молли, Эмоса и Энди, Фреда Аллена... Ой, всех и не упомнишь, но они были такие душки! Эти нынешние программы по телевизору я просто не перевариваю: только и делают, что палят из пистолетов да оскорбляют друг друга. Вот Фиббер Макги и Молли друг в друга не стреляли. Эмос и Энди, правда, чуть-чуть постреливали, но это было смешно. И цветные по телевизору сейчас не такие славные, как

раньше. Сипси шкуру бы спустила с Большого Джорджа, если бы он говорил так, как они в кино сейчас разговаривают.

Да и не только в кино. Миссис Отис однажды в супермаркете сказала цветному мальчишке, что даст ему десять центов, если он поможет ей донести сумки до машины. И что вы думаете? Он злобно глянул на неё и пошел себе дальше. Да если бы только цветные так себя вели! Помню, ехали мы как-то с миссис Отис, а она взяла да и врезалась в кучу тележек у магазина. Сзади начали ужасно сигналить, и некоторые люди, когда нас объезжали, показывали нам палец. Никогда раньше не видела подобного безобразия. Уродство какое-то, иначе и не назовешь.

Я даже новости перестала смотреть. Сплошные драки, надо этим мальчишкам давать успокоительное, чтоб хоть на время утихомирились. Вроде того, что дают мистеру Данауэю. Я думаю, во всем виноваты новости. Будоражат людей, вот все и ходят обозленные. Когда передают новости, я просто выключаю телевизор.

Последние лет десять я все время смотрю религиозные передачи. Там в гостях много умных людей бывает. Я им всегда денег посылаю, когда есть лишние. Каждый вечер с семи до восьми я слушаю «Встречи с проповедником». Еще люблю «Устный экзамен Робертса» и Клуб семисот. Мне там почти все нравятся, кроме той накрашенной женщины, да и она была бы ничего, если б не рыдала все время как истеричка. От счастья она плачет, от несчастья тоже плачет. Клянусь, она умеет пускать слезу в любой момент, раз — и готово: ревмя ревет. Вот кому гормоны-то нужны.

Кого я не люблю, так это таких проповедников, которые все время орут. Не понимаю, зачем так кричать, когда у них микрофон есть. Как начинают вопить — все, сразу выключаю.

И знаете ещё что, юмор в газетах теперь совсем не смешной. Я помню, всегда хохотала, когда читала «Бензиновую улицу» или «Крошку Билли Винки». А Малютку Генри я просто обожала. Ох и номера откалывал этот Генри!

Даже не верится, что и сейчас есть счастливые люди, такие же счастливые, как в прежние времена. Теперь на улице радостного лица не встретить, по крайней мере, я не встречаю. Когда Фрэнсис возил нас в парк, я сказала миссис Отис: «До чего же у всех скучные, кислые физиономии, даже у молодых».

Эвелин вздохнула:

— Интересно, почему люди стали такими злыми?

— Ой, да это везде так, милочка, во всем мире. Скоро же конец света. Кто знает, может, мы и дотянем года до двухтысячного, но я что-то

сомневаюсь. Знаете, я многих хороших проповедников слушала, и все они уверяют, что время наше близится к концу, говорят, что так в Библии сказано, в Апокалипсисе... Разумеется, они не могут знать наверняка. Да и никто не знает, кроме Господа нашего.

Не знаю, сколько ещё Господь отпустит мне жизни, но, думаю, не слишком много, сами понимаете. И поэтому я теперь каждый день живу, как последний. Хочу быть готовой. Вот почему я не осуждаю мистера Данауэя и Весту Эдкок. Живи сам и дай жить другим.

Эвелин почувствовала, что должна задать вопрос.

— А что с ними такое?

— Они думают, что влюбились друг в друга, по крайней мере, так всем говорят. Ох, видели бы вы, держат друг друга за ручку да целуются по углам. Дочь мистера Данауэя каким-то образом пронюхала об этом, примчалась и стала грозить, что подаст в суд на приют. Назвала миссис Эдкок развязной девицей, представляете!

— Быть этого не может!

— А вот и может, милочка! Вопила, что у них пытаются отнять папочку. Такая была шумиха, и мистера Данауэя забрали домой. Наверное, боялись, что он попытается вступить с миссис Эдкок в определенные отношения. Я думаю, все это из области мечтаний. Джинин сказала, что он давным-давно потерял к этому способность и теперь даже мухи не обидит... Ну обнимутся, ну поцелуются разок — другой, тоже мне катастрофа. А у Весты теперь сердце разбито. Неизвестно, что она может выкинуть.

Да, скажу я вам, от скуки тут не помрешь.

Эвелин согласилась:

— Похоже, вы правы.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

1 августа 1945 г.

ЧЕЛОВЕК ПАДАЕТ В ЧАН С ЛАКОМ

Не будь я его женой, ни за что бы не поверила... Моя дражайшая половина слонялся у железнодорожных мастерских, где перекрашивали

военные эшелоны, и свалился в 250-галлонный чан с лаком. Утонуть-то он не утонул, но, пока выбирался оттуда, лак застыл, и он оказался весь покрыт хрустящей коркой. Пришлось звать Опал, чтобы она состригла лак с того, что раньше было волосами. Одно меня радует — что у нас нет детей. Волноваться ещё об одном ребенке у меня просто не хватило бы сил.

Ни у кого нет на примете хорошей няни для мужа?

Мы все так рады, что война наконец закончилась! Вчера вернулся домой Бобби Скруггинс, а Томми Гласс и Рэй Лаймуэй — ещё в прошлый четверг. Ура!

Новости одна другой лучше. Ко мне заходила Нинни Тредгуд и принесла клевер с четырьмя листочками. Сказала, что они с Альбертом целых три штуки у себя в саду отыскивали. Спасибо, Нинни.

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»
--

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
15 августа 1986 г.*

Джинин, медсестра-негритянка, которая гордилась своим твердым характером, хотя на самом деле он был не такой уж и твердый, сказала, что устала. Сегодня она работала в две смены и зашла к ним в комнату — посидеть минутку и выкурить сигарету. Миссис Отис отравилась на занятия художественного кружка, так что миссис Тредгуд ужасно обрадовалась гостье.

— Вы знаете ту женщину, с которой я беседую по воскресеньям?

— Какую женщину? — спросила Джинин.

— Эвелин.

— Кто?

— Ну, маленькая такая, пухленькая, с пепельными волосами, Эвелин... Эвелин Коуч, невестка миссис Коуч.

— А-а, да.

— Так вот, она мне сказала, что с тех пор, как один парень в «Пигли-Уигли» обозвал её нехорошими словами, она людей прямо-таки ненавидит. А я и говорю: «Милочка моя, ненависть ни к чему хорошему не приведет.

Она превратит ваше сердце в корень горечавки. Люди не могут перестать быть тем, что они есть, как скунс не может перестать быть скунсом. Как вы думаете, неужели, будь у них возможность, они бы не изменились? Непременно изменились бы. Но человек слаб».

Эвелин сказала мне, что иногда она даже мужа начинает ненавидеть. Только и знает, что бездельничать, смотреть свой футбол по телевизору да трепаться по телефону. Вот у неё и появляется дикое желание стукнуть его бейсбольной битой по голове — просто так, без всякого повода. Бедняжка Эвелин уверена, что она — единственный человек на свете, у которого возникают такие отвратительные мысли. А я ей сказала, что в этом нет ничего особенного, так бывает, когда люди долго живут вместе.

Помню, как радовался Клео, когда ему первый раз поставили зубной протез. Так вот, во время еды эти новые зубы издавали отвратительный клацающий звук и ужасно действовали мне на нервы. Иногда мне даже приходилось выбегать из-за стола, чтобы не сказать какую-нибудь гадость... А ведь я любила его больше всех на свете! В жизни бывают моменты, когда один человек начинает другого раздражать, но это надо просто перетерпеть. А потом в один прекрасный день — не знаю, то ли зубы его перестали клацать, то ли я перестала обращать внимание, — в общем, у меня все как рукой сняло. И такое случается даже в самых счастливых семьях.

Вот возьмите Руфь и Иджи. Невозможно найти двух людей, более преданных друг другу, но даже у них были неприятности. Однажды Руфь перебралась жить к нам. Я так и не узнала, что там произошло, и не спрашивала, потому как не мое это дело, но думаю, причина была в том, что Руфь не нравилось, когда Иджи ездила на реку к Еве Бейтс. Ей казалось, что Ева спаивает Иджи. И, между нами говоря, так оно и было.

Но у каждого свои причуды, я так и сказала Эвелин.

Бедняжка, я за неё очень переживаю. Климакс ужасно на неё подействовал, вселил в неё жажду мщения. Она сказала, что мечтает не только стукнуть Эда по голове, но в последнее время ещё фантазирует, как оденется в черное и пойдет ночью стрелять в плохих людей из автомата. Представляете?

А я и говорю ей: «Милочка, это вы фильмов насмотрелись по телевизору. Сейчас же выбросьте из головы эту чушь! Кроме того, не нам с вами судить других людей. Вот в Библии прямо сказано — прямее, чем нос на вашем лице, — что в Судный день спустится на землю Иисус с сонмом ангелов Своих, чтобы судить животы и смерти».

Эвелин спросила у меня, как это — судить животы. И знаете, сколько я

живу на свете, а вот поди ж ты, не смогла ответить.

КЛУБ И ЛАГЕРЬ РЫБАКОВ «ФУРГОННОЕ КОЛЕСО»

*Уорриор-ривер, штат Алабама
3 июня 1946 г.*

На доме горели синие лампочки, изнутри доносились обрывки разговоров, музыкальный автомат вопил на всю округу. Иджи сидела посреди этого шума и накачивалась пивом. Виски она решила сегодня не пить, потому что перебрала прошлой ночью.

Ее подружка Ева затеяла шумную гулянку с какими-то деревенскими ребятами, которым в этот момент полагалось присутствовать на собрании Общества защиты лосей в Гейт-сити. Она подошла к Иджи.

— Бог мой, детка, что с тобой? Ты похожа на ящерицу с похмелья!

Хэнк Уильямс надрывно пел о том, как он до смерти одинок. Иджи сказала:

— Руфь переехала.

Ева оторопела:

— Что?

— Переехала. К Нинни с Клео.

Ева села около нее.

— Господи, да почему же?

— На меня рассердилась.

— Ясно. А что ты ей такого сделала?

— Соврала.

— Ну здрасте пожалуйста! И что же ты ей сказала?

— Что еду в Атланту повидать Леону и Джона.

— А сама не поехала?

— Нет.

— А куда же ты отправилась?

— В лес.

— С кем?

— Одна. Просто мне захотелось побыть одной.

— А чего ж ты ей так и не сказала?

— Не знаю. Может, надоело все время отчитываться, где я да что я. В общем, не знаю почему. У меня такое чувство, будто я попала в какую-то

ловушку, и мне захотелось вырваться. Вот и соврала. Подумаешь, тоже мне преступление! Грэди обманывает Глэдис, и Джек обманывает Мозелл — и ничего.

— Да, но ты же не Грэди, дорогуша, и не Джек... И Руфь — не Глэдис и не Мозелл. Господи, детка, мне даже слушать об этом противно. Неужто ты забыла, что с тобой творилось, пока Руфь сюда не приехала?

— Ну и что, все равно мне иногда хочется удрать, хоть ненадолго. Свободы, что ли, мне не хватает. Да ты сама понимаешь.

— Понимаю, конечно, Иджи, но и ты её пойми. Она бросила все, чтобы быть с тобой. Родной город оставила, всех друзей, с которыми выросла, — и все ради тебя. Ты и Культяшка — вот и все, что у неё есть. А у тебя тут и друзья, и родные...

— Ага, и мне иногда даже кажется, что они её любят больше, чем меня.

— Послушай, Иджи, вот что я тебе скажу. Тебе не кажется, что ей тут найти кого-нибудь — раз плюнуть? Ты хоть понимаешь, каково ей сидеть в одиночестве? Я бы как следует подумала, прежде чем устраивать все эти фокусы.

В этот момент появилась Хелен Клейпул, женщина лет пятидесяти, которая уже многие годы околачивалась у реки, цепляясь к парням и выпивая со всем, что движется и в состоянии угостить её стаканчиком. Она выплыла из женского туалета настолько пьяная, что умудрилась платье заправить в трусы, и, сильно шатаясь, направилась к столику, где её поджидали какие-то мужчины. Ева кивнула в её сторону:

— Ты только глянь на нее! Вот она, свободная женщина. Ни перед кем ей не надо отчитываться, всем глубоко начхать, где она шляется, это уж как пить дать.

Иджи посмотрела на Хелен. Помада её размазалась, волосы лезли в глаза, мутный взгляд блуждал по лицам собутельников.

Немного погодя Иджи сказала:

— Ладно, пойду я. Мне надо подумать как следует.

— Вот-вот, давно пора.

Через два дня Руфь получила записку, аккуратно напечатанную на машинке: «Если посадить дикого зверька в клетку, он наверняка умрет, но отпусти его на свободу — и в девяти случаях из десяти он вернется к тебе».

И Руфь позвонила Иджи — первый раз за три недели.

— Я получила твою записку и подумала: может, нам стоит поговорить?

Иджи колотила дрожь.

— Отлично. Я сейчас. — И бросилась из дому, собираясь по дороге заскочить к преподобному Скроггинсу и одолжить у него Библию на случай, если придется поклясться, что она никогда больше не соврет Руфи.

Она завернула за угол и, увидев дом Нинни и Клео, вдруг встала как вкопанная. Какая записка? Не посылала она никакой записки.

«БИРМИНГЕМ НЬЮС»

15 октября 1947 г.

ОДНОРУКИЙ ЗАЩИТНИК ПРИВЕЛ КОМАНДУ К ПЯТОЙ ПОБЕДЕ

Со счетом 27:20 побеждена команда Эджвуда! После того как в четвертом периоде счет стал 20:20, победу Полустанку принес блестящий пас с 43 ярдов однорукого защитника команды Полустанка Бадди (Культияшки) Тредгуда, студента старшего курса.

«Культияшка — наш самый ценный игрок, — сказал сегодня утром тренер Делбер Нэйвс. — Его воля к победе и командный дух принесли нам успех. Несмотря на отсутствие руки, в этом сезоне на его счету 33 паса из 37. Он может принять подачу с центра поля, поймать мяч на грудь и меньше чем за две секунды сориентироваться и сделать пас, а его скорость и точность просто потрясающи».

Этот студент, неплохо успевая в учебе, является также первым игроком в бейсбольной и баскетбольной командах. Он сын миссис Руфи Джемисон из Полустанка, и на вопрос, как ему удалось добиться таких успехов в спорте, объяснил, что обязан этим своей тете Иджи, которая помогала его воспитывать.

КАФЕ «ПОЛУСТАНОК»

Полустанок, штат Алабама

28 октября 1947 г.

Культияшка только что вернулся с тренировки и открыл бутылку колы. Иджи за стойкой готовила Смоки Одиночке вторую чашку кофе. Когда Культияшка проходил мимо, она сказала:

— Я хочу с вами побеседовать, молодой человек.

Сейчас начнется, подумал Смоки и уткнулся в свою тарелку с куском пирога.

Культияшка удивился:

— А чего я такого сделал? Ничего и не делал...

— Это ты так думаешь, маленький негодник, — сказала Иджи Культияшке, который уже вымахал до шести футов и брился. — Пойдем-ка в твою комнату.

Он нехотя поплелся за ней и сел за стол.

— А где мама?

— В школу пошла, на собрание. А теперь, молодой человек, признавайтесь, что вы сегодня наговорили Пегги?

— Пегги? Какой такой Пегги? — Взгляд у него был, как у невинного младенца.

— Сам знаешь какой. Пегги Хэдли.

— Ничего я ей не говорил.

— Так уж и ничего?

— Ничего.

— Тогда почему же она заходила в кафе не далее как час назад и рыдала в три ручья?

— Понятия не имею. Откуда мне знать?

— А разве она не просила тебя сходить с ней сегодня на танцы?

— Может, и просила. Не помню я.

— И что же ты сказал?

— Ой, тетя Иджи, да не хочу я ходить с ней ни на какие танцы. Она же ещё ребенок.

— Я спрашиваю, что ты ей сказал?

— Ну, сказал, что занят или что-то в этом роде. Просто она психованная.

— Я хочу точно знать, что ты сказал этой девочке?

— Да я же просто шутил.

— Ах, значит, ты шутил? Позволь, я тебе скажу, что ты там делал. Ты выпендривался перед ребятами, вот что ты делал.

Культияшка заерзал на стуле.

— Ты сказал ей, чтобы сначала сиськи отрастила, а потом уж приглашала тебя. Так?

Он молчал.

— Так или нет?

— Тетя Иджи, да я же просто пошутил!

— Да тебе за такие шутки морду набить надо.

— Ее брат, между прочим, рядом со мной стоял.

— Значит, и ему надо задницу надрать.

— Она просто делает из мухи слона.

— Из мухи слона? Ты хоть представляешь, сколько мужества понадобилось этой девочке, чтобы подойти и позвать тебя на танцы? А ты говоришь ей такую гадость на глазах у всех ребят! Ну так вот, приятель, мы с твоей мамой растили тебя не для того, чтобы ты стал грубой, тупой деревенщиной. Тебе понравится, если бы с твоей матерью так разговаривали? А что, если какая-нибудь девушка тебе скажет: приходи, когда пипиську отрастишь?

Культишка покраснел.

— Не говорите так, тетя Иджи.

— Нет, я буду говорить именно так. Я не позволю тебе вести себя похамски. Не хочешь на танцы — дело твое, но чтоб не смел так разговаривать с Пегги или ещё какой девушкой. Ты понял меня?

— Да, мэм.

— Я хочу, чтобы ты пошел к ней прямо сейчас и извинился. И не тани с этим, понял?

— Да, мэм. — Он поднялся.

— Сядь. Я ещё не закончила.

Культишка вздохнул и сел.

— Что еще?

— Мне надо с тобой кое о чем поговорить. Я хочу знать, как у тебя дела с девочками.

Культишке эта тема была явно не по душе.

— В каком смысле?

— Я никогда не вмешивалась в твою личную жизнь. Тебе семнадцать, и ты уже достаточно взрослый, чтобы быть мужчиной, но мы с твоей мамой беспокоимся.

— Почему?

— Мы думали, что ты сам повзрослеешь, ведь ты уже не маленький, чтобы целыми днями болтаться на улице с ребятами.

— А что вы имеете против моих друзей?

— Ничего, просто все они — парни.

— Ну и что?

— А то, что по тебе столько девчонок с ума сходят, а ты ни одной даже свидания не назначил.

Культияшка молчал.

— И ведешь себя как последняя задница, когда они с тобой пытаются заговорить. Я видела.

Культияшка ковырял дырку в клетчатой скатерти.

— Смотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю. Твой двоюродный брат Бастер не сегодня-завтра женится, уже ребенка ждут, а он всего на год старше тебя.

— Ну и что?

— А то, что ты ни разу не пригласил девочку даже в кино, и каждый раз, когда в школе устраивают танцы, ты удираешь на охоту.

— Я люблю охотиться.

— Я тоже. Но знаешь, в жизни должны быть не только охота и спорт.

Культияшка опять вздохнул и зажмурился.

— А меня больше ничего не интересует.

— Я тебе купила машину, отремонтировала, а все зачем? Вдруг, думаю, захочешь куда-нибудь свозить Пегги. А ты только и делаешь, что гоняешь с мальчишками туда-сюда по шоссе.

— Почему Пегги?

— Ну, Пегги или ещё кого... Я не хочу, чтобы ты остался как Смоки — один-одинешенек.

— А что, ему вроде и так неплохо.

— Да, неплохо, но было бы намного лучше, если бы у него была жена и семья. Случись что со мной или с мамой, что с тобой станется?

— Ничего, не пропаду. Я не дурак какой-нибудь.

— Знаю, что не пропадешь, но мне бы очень хотелось, чтобы тебя кто-то любил, заботился о тебе. Всех хороших девчонок разберут — охнуть не успеешь. И чем тебе Пегги не по душе?

— Да нет, она нормальная.

— Я же знаю, она тебе нравится. Ты посылал ей открытку на День святого Валентина, до того еще, как вымахал с каланчу и стал таким зазнайкой.

Он молчал.

— Ну, может, тебе кто другой нравится?

— Не-е.

— Почему?

Культияшка взорвался:

— Не нравится и все! Оставьте меня в покое!

— Послушай, дружище, — сказала Иджи, — может, на футбольном поле ты и важная персона, но я тебе пеленки меняла и имею право хоть сейчас выдрать как следует. Так что говори, в чем дело.

Культияшка молчал.

— Ну, в чем дело, сынок?

— Я не понимаю, что вы хотите от меня услышать. Мне надо идти.

— Ну-ка сядь. Никуда тебе не надо.

Он вздохнул и сел.

— Культияшка, тебе не нравятся девочки? — тихо спросила Иджи.

Культияшка отвел глаза.

— Да нет, нравятся.

— Тогда почему же ты с ними не гуляешь?

— Послушайте, да все у меня в порядке, я не какой-нибудь там ненормальный, если вы об этом беспокоитесь. Просто... — Культияшка вытер потную ладонь о штаны.

— Давай, Культияшка, скажи мне, в чем дело, сынок. Мы же с тобой всегда говорили начистоту.

— Знаю. Просто я не хочу ни с кем говорить об этом.

— Знаю, что не хочешь, а ты постарайся через «не хочу». Ну, так что?

— Ну просто... О Господи! — И вдруг он прошептал: — А что, если кто-нибудь из них захочет этого?

— Ты имеешь в виду, захочет секса?

Культияшка потупился и кивнул. Иджи сказала:

— Ну тогда я бы на твоём месте считала себя счастливым. Думаю, любому мужчине это только приятно.

Культияшка вытер пот с верхней губы.

— Сынок, может, у тебя какие-то трудности, ну, знаешь, не встает или ещё что? Если дело в этом, то можно пойти к врачу провериться.

Культияшка замотал головой:

— Нет, у меня все в порядке, я тысячу раз это делал.

Иджи несколько удивилась этой цифре, но не подала виду.

— Что ж, по крайней мере, мы знаем, что ты здоров.

— Да, здоров, просто... я не делал этого с кем-то. Понимаете, я это сам с собой делал.

— Ну, от этого тебе никакого вреда не будет, но, может, стоит попробовать с какой-нибудь девочкой? Что-то не верится, что у тебя не было такой возможности, ты ведь у нас симпатяга.

— Да была возможность. Не в этом дело. Просто... — Иджи услышала, как сорвался его голос. — Просто...

— Ну что, сынок? Что — просто?

И вдруг Культяпка разрыдался:

— Просто я боюсь, тетя Иджи. Чертовски боюсь.

Единственное, что не могло прийти на ум Иджи, это что её Культяшка, который в жизни ничего не боялся, мог чего-то испугаться.

— Чего ты боишься, сынок?

— Ну, например, что вдруг упаду на нее, потеряю равновесие из-за руки или не пойму, как это правильно сделать. А вдруг я ей больно сделаю, или там ещё чего... В общем, не знаю.

Он старался не смотреть на нее.

— Культяшка, погляди-ка на меня. Чего ты действительно боишься?

— Я уже сказал.

— Ты боишься, что какая-нибудь девчонка поднимет тебя на смех, да?

Наконец он выпалил:

— Наверное, да, этого, — и прикрыл локтем лицо, стесняясь своих слез.

Сердце Иджи рванулось к нему, и она сделала то, что очень редко делала в жизни. Она встала, крепко обняла его и стала качать, словно ребенка.

— Не плачь, милый. Все будет хорошо, ангел мой. Ничего страшного. Тетя Иджи никогда не позволит, чтобы с тобой что-нибудь плохое случилось. Никогда. Я тебя хоть раз в жизни обманывала?

— Нет.

— Ничего плохого не случится с моим мальчиком. Я не позволю.

Но все время, пока она обнимала и качала Культяшку, её не покидало чувство беспомощности. Она старалась вспомнить, кто из её знакомых мог бы помочь ему.

Ранним субботним утром Иджи повезла Культяшку к реке, как возила много лет назад. Она въехала в ворота с белыми фургонными колесами и высадила его у домика с дверью, затянутой москитной сеткой.

Дверь отворилась, и рыжеволосая женщина с глазами цвета зеленого яблока, только что из ванной, напудренная и надушенная, сказала:

— Заходи, мой сладкий, заходи.

Машина Иджи уже скрылась из глаз.

«Бюллетень Полустанка»
30 октября 1947 г.

УСПЕХ КУЛЬТЯШКИ ТРЕДГУДА

Культяшке Тредгуду, сыну Руфи Джемисон и Иджи Тредгуд, посвящена большая статья в «Бирмингем ньюс». Поздравляем! Мы все можем им гордиться, но не ходите в кафе, если не хотите, чтобы Иджи целый час рассказывала вам, как прошла игра. Она просто лопается от гордости. После матча вся команда, включая болельщиков, получили по бесплатному гамбургеру в кафе.

У моей дражайшей половины начисто отсутствует вкус. Я на днях пришла такая красивая, в сетке для волос, которую купила в салоне Опал, а он сказал, что моя прическа похожа на козье вымя в паутине... А ещё на нашу годовщину он повез меня в Бирмингем, в ресторан, где подают спагетти, прекрасно зная, что я на диете... Ох уж эти мужчины! С ними жить просто невозможно, но и без них плохо.

Кстати, мы очень сожалеем о несчастье, случившемся с Артисом О. Пиви.

Дот Уимс

СЛЭГГАУН, ШТАТ АЛАБАМА

17 октября 1949 г.

Артис О. Пиви жил со своей второй женой, бывшей мисс Мэдлин Пул, которая была первоклассной прислугой и работала в богатой семье на фешенебельной Хайлэнд-авеню. Супруги жили в доме Мэдлин на Тин-топ-элли, 6, в южной части города. Тин-топ-элли представляла собой шесть рядов деревянных домишек с железными крышами и грязными дворами, но почти везде стояли кадки с красивыми яркими цветами, которые должны были скрасить убожество фасадов.

Для них это было шагом вперед, если вспомнить их прошлое жилье: старую пристройку для прислуги на задворках.

Соседи показались Артису очень симпатичными. В квартале от них располагался торговый центр «Магнолия-Пойнт», где можно было

пошататься перед витринами и поболтать с другими мужьями служанок. По вечерам, после ужина, состоявшего обычно из остатков со стола белых хозяев, они выходили посидеть на крыльце, часто какая-нибудь семья затягивала песню, а остальные, одна за другой, подхватывали. Отдыхали на славу, поскольку стены были настолько тонкими, что можно было слушать соседское радио или проигрыватель, не выходя из дома. Когда Бесси Смит на какой-нибудь пластинке пела «У меня никого нет», вся Тин-топ-элли сочувствовала ей.

Этим общественная жизнь не исчерпывалась.

Артиса все знали и приглашали в гости, он был самым популярным мужчиной квартала, его любили и женщины, и их мужья. Каждую ночь они собирались вместе и жарили барбекю. А когда стояла плохая погода, можно было посидеть под желтым фонарем у себя на крыльце и послушать, как дождь барабанит по черепичным крышам.

В тот осенний день Артис сидел на ступеньках, смотрел на тонкие колечки синего дыма от сигареты и радовался, что Джо Луис стал чемпионом мира, и бирмингемская бейсбольная команда «Черные бароны» в этом году победила во всех играх. Вот тут-то и появился тощий, лохматый желтый пес, который бродил по кварталу, отыскивая себе пропитание. У пса был хозяин — Последжона, приятель Артиса, которого называли так потому, что он родился после своего брата Джона. Собака, виляя хвостом, взобралась на ступени и получила свою ежедневную порцию ласки.

— Ничего-то сегодня нет для тебя, мальчик, ничегошеньки.

Пес, глубоко разочарованный, поплелся на поиски корки кукурузного хлеба или на худой конец каких-нибудь остатков овощей. Здесь Великая депрессия так и не кончилась, собакам от неё тоже досталось — в большей или меньшей степени — в основном, конечно, в большей.

Артис увидел, как подъехала машина для отлова бездомных собак. Из неё вышел человек в белой форме с сетью. Кузов чуть не ломился от воющих псов, к которым судьба в тот день повернулась спиной. Человек свистнул желтой собаке:

— Сюда, парень, ко мне. Иди же, парень.

Дружелюбный, ничего не подозревающий пес подбежал к нему и в ту же секунду оказался на спине, дрыгая лапами и путаясь в сети. Его потащили в грузовик. Артис поднялся с крыльца.

— Эй, мистер! У этой собаки есть хозяин.

Человек остановился.

— Ты, что ли?

— Нет, не я. Это собака Последжона, так что нельзя её увозить, сэр.

— А мне плевать, чей он. Ошейника с биркой у него нет, значит, мы его забираем.

Из машины вышел второй мужчина. Артис стал умолять их отпустить пса, потому что знал: если собака попадет на городскую живодерню, то ни один черт не сможет вытащить её оттуда, тем более негр.

— Прошу вас, дайте я позвоню ему. Он работает в Файв-Пойнтсе у мистера Фреда Джонса, мороженое делает. Ну позвольте, я позвоню.

— У тебя телефон, что ли, есть?

— Нет, но я добегу до галантереи. Ну подождите минутку, не забирайте его, — умолял Артис чуть ли не со слезами. — Ну, пожалуйста. У Последжона не все дома, за него ни одна девушка не пойдет, ему только и радости что эта вот собачка. Не представляю, что с ним станется, если с псом что-то случится. Может, он даже убьет себя.

Мужчины переглянулись, и тот, что был покрупнее, сказал:

— Ладно, но если через пять минут тебя тут не будет, мы уезжаем. Ты понял?

Артис крикнул уже на бегу:

— Да, сэр, я мигом.

По дороге он сообразил, что не взял монетку, и стал молиться, чтобы мистер Лео, итальянец, хозяин галантерейной лавки, одолжил ему десятицентовик. Запыхавшись, он ворвался в лавку и бросился к мистеру Лео:

— Мистер Лео, мне позарез нужно десять центов! Там увозят собаку Последжона. Они ждут меня. Пожалуйста, мистер Лео!

Мистер Лео, не поняв ни слова из того, что выпалил Артис, попросил его успокоиться и объяснить, в чем дело. Но когда наконец он протянул ему монету, телефон занял белый парень. Артос потел и переминался с ноги на ногу, понимая, что не сможет заставить белого освободить кабину. Одна минута... Две... Артис взвыл:

— О Господи!

Наконец мистер Лео подошел и постучал по стеклу будки: «Убирайся!»

Молодой человек ещё шестьдесят секунд прощался и наконец, недовольный, повесил трубку.

Артис влетел в будку и понял, что не знает номера. Его потные руки дрожали, пока он листал справочник, прикрепленный маленькой цепочкой. Джонс... Джонс... О Боже! Джонс... Джонс... Четыре страницы Джонсов. Фред... О Господи, это домашний номер!

Пришлось начать поиск с первой страницы.

«Что я ищу? Мороженое? Аптеку?»

Он никак не мог отыскать телефон и набрал номер службы информации.

— Служба информации слушает, — ответил бодрый белый голос. — Чем могу помочь?

— Ох, мэм... Я ищу номер Фреда Б. Джонса.

— Простите, не могли бы вы повторить имя по буквам, будьте добры.

— Да, мэм, мистер Фред Джонс, из Файв-Пойнтса. — Сердце выскакивало у него из груди.

— У меня тут пятьдесят Фредов Джонсов, сэр. Не могли бы вы дать адрес?

— Нет, мэм, но он из Файв-Пойнтса.

— Есть Фред Джонс из района Файв-Пойнтс. Вам дать все три номера?

— Да, мэм.

Пока Артис лихорадочно рылся в карманах в поисках карандаша, она начала диктовать:

— Мистер Фред Джонс, 18-я Южная, 68-799; мистер Фред Джонс, 141, Магнолия-Пойнт, 68-745; и Фред С. Джонс, 15-я улица, номер 68-721...

Карандаша он так и не нашел, а девушка-оператор повесила трубку. Артис снова полез в справочник.

Он едва дышал. Пот заливал глаза, мешал смотреть. Аптека... Поликлиника... Мороженое... Еда... Доставка продуктов... Вот оно! Фред Б. Джонс, доставка продуктов, 68-715...

Он опустил монетку и набрал номер. Занято. Еще раз набрал. Занято... Занято...

— О Боже!

После восьмой попытки Артис понял, что это бесполезно, и помчался обратно. Он свернул за угол, и слава Богу — мужчины ещё не уехали, они стояли, прислонившись к машине. Собака была привязана к ручке дверцы.

— Дозвонился? — спросил крупный мужчина.

— Нет, сэр, — признался он, задыхаясь. — Не дозвонился, но, если вы подбросите меня на Файв-Пойнтс, я его найду...

— Ну, нет, так дело не пойдет. Мы уже потеряли из-за тебя кучу времени. — Мужчина отвязал собаку и потянул в кузов.

Артис был в отчаянии.

— Нет, сэр, я просто не могу допустить это.

Он полез в карман и, прежде чем мужчины поняли, что происходит,

перерезал веревку четырехдюймовым ножом с выскакивающим лезвием.

— Беги! — крикнул он псу.

Артис смотрел, как пес опрометью помчался по дороге и завернул за угол. Когда дубинка ударила его за левым ухом, он улыбался от радости.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЗА ПОПЫТКУ УБИЙСТВА РАБОТНИКА
ГОРОДСКОЙ СЛУЖБЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ.

А могло быть и все тридцать, окажись эти двое белыми.

БИРМИНГЕМ, ШТАТ АЛАБАМА

1 сентября 1986 г.

Во вторник вечером Эд Коуч пришел домой и сообщил, что у него на работе неприятности: все мужчины как один отказались работать с женщиной, которую прозвали «разбивательницей яиц».

На следующий день Эвелин рыскала по магазинам в поисках пижамы для свекрови, и, когда зашла перекусить в кафетерий, её вдруг как током ударило.

А что такое «разбивательница яиц»? Она слышала, как Эд иногда употреблял это выражение вместе с другими, похожими: «Ей не удастся схватить меня за яйца» и «С этим парнем только за яйца держись». Почему Эд так боится, что кто-нибудь доберется до его яиц? И что это вообще за драгоценность такая необыкновенная? Всего-навсего маленькие мешочки со спермой, но, судя по тому, как мужики их оберегают, можно подумать, что это для них самая важная вещь в мире. Господи, да Эд чуть концы не отдал, когда обнаружилось, что сын испытывает некоторые трудности с выделением спермы. Врач сказал, что это никак не повлияет на его способность иметь детей, но Эд воспринял это как трагедию и хотел послать мальчика к психотерапевту, чтобы он не чувствовал себя ущербным. Она вспомнила, что в свое время у неё медленно росла грудь, но никому и в голову не пришло послать её из-за этого к психотерапевту.

Эд тогда настоял на своем: она, мол, не понимает, каково быть мужчиной и что это значит. Он закатил истерику, даже когда она хотела кастрировать их кота Валентина, который заделал котят живущей по соседству чистопородной сиамской кошечке.

— Если ты собираешься отрезать ему яйца, можешь с таким же

успехом отнести его и усыпить.

Без сомнения, когда дело касалось яиц, он начинал вести себя несколько странно. Она помнит, как Эд, желая похвалить ту самую девицу у себя на работе, сказал про нее: «Дамочка-то с яйцами!» Вспомнив об этом, она удивилась. Он ведь не сказал: «Надо же, какие замечательные у неё яичники!» Нет, он выразился совершенно определенно: яйца! В яичниках есть яички, подумала она. Неужели они менее важны, нежели сперма?

Бедная женщина! Ей теперь всю жизнь придется как-то мириться с воображаемыми яйцами, болтающимися между ногами! А как насчет размера? Она никогда не слышала, чтобы Эд говорил об этом. Все мужчины страшно озабочены размером кой-чего другого, значит, в данном случае он большой роли не играет. Главное в этой жизни — есть у тебя яйца или их нет. Это было настолько просто и ясно, что она поразилась. У неё появилось ощущение, будто кто-то взял карандаш и провел острием по позвоночнику, поставив точку над «i» у неё на затылке. Она даже выпрямилась на стуле, потрясенная тем, что она, Эвелин Коуч из Бирмингема, штат Алабама, случайно наткнулась на ответ. Теперь ей понятно, что должен был почувствовать Эдисон, когда открыл электричество. Ну конечно! Вот оно! Самое важное в жизни — это иметь яйца. Стало быть, вот почему она всегда ощущала себя как машина без сигнала в дорожной пробке.

Несомненно, эти два маленьких шарика открывали дорогу ко всему на свете. Они были кредитной карточкой, которая позволит ей чего-то достичь в жизни, чтобы к ней прислушивались и принимали всерьез. И теперь понято, почему Эд так хотел мальчика.

Потом на неё снизошло ещё одно озарение. Еще одна печальная, окончательная и бесповоротная истина: у неё яиц нет, не было и не будет никогда. Она обречена жить без яиц. Интересно, подумала она, а яйца родственников считаются? В её семье было четыре яйца, у Эда и Томми. Хотя погодите... шесть, включая кота. Минуточку! Но если Эд так сильно её любит, почему бы ему не отдать ей одно из своих? Трансплантация яйца... Точно! А вдруг можно получить парочку от анонимного донора? Решено, она купит яйца какого-нибудь покойника. Их можно положить в коробочку и брать с собой на важные встречи, а когда понадобится настоять на своем, стукнуть ими по столу. А может, стоит купить сразу четыре?..

Неудивительно, что христианство получило такую популярность. Если вспомнить Иисуса и его двенадцать апостолов... А если учесть Иоанна

Крестителя, получается четырнадцать пар — значит, 28 штук!

Ах, наконец-то все прояснилось. Слепая курица, как же она раньше до этого не додумалась!

И все же с Божьей помощью она это сделала! Раскрыла секрет, над которым женщины тщетно бились столько веков...

Вот он, ответ!

Она грохнула стаканом чая со льдом о стол и торжествующе воскликнула:

— Да! Вот в чем дело!

Посетители кафетерия недоуменно поглядели на Эвелин.

Она тихонько закончила есть и подумала: Люсиль Болл?^[29] Наверное, Эд прав. Я действительно схожу с ума.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

10 июня 1948 г.

СБОР СРЕДСТВ НА НОВЫЕ МЯЧИ

Клуб «Маринованный огурец» устраивает свадьбу без невесты — представление для сбора средств на покупку новых футбольных, баскетбольных и бейсбольных мячей. Вот это будет вечер! Наш шериф Грэди Килгор сыграет влюбленную невесту, а Иджи — жениха. Джулиан Тредгуд, Джек Баттс, Гарольд Вик, Пит Тидуэлл и Чарли Флауэр изобразят подружек невесты.

Представление начнется 14 июня в семь вечера в нашей школе. Цена билетов — 20 центов для взрослых и 5 центов для детей.

Венчание пройдет в сопровождении органа, на котором будет играть Эсси Ру Лаймуэй.

Обязательно приходите все! Я собираюсь присутствовать на этом зрелище ещё и потому, что моя дражайшая половина Уилбур будет играть девочку, которая бросает цветы молодым под ноги.

Мы с моей половиной ездили в кино на «Тайну убийства Грейси Аллен». Картина смешная, но постарайтесь успеть до семи, чтобы купить билеты подешевле.

Кстати, преподобный Скроггинс сказал, что какой-то умник закинул

садовую мебель на крышу его дома.

Дот Уимс

ТЮРЬМА «КИЛБИ»

Этмор, штат Алабама

11 апреля 1950 г.

За угрозу ножом двум собаколовым Артиса О. Пиви посадили в тюрьму «Килби», которую чаще называли «фабрикой убийц». Полгода Иджи и Грэди пытались его вызволить, и наконец их старания увенчались успехом.

По дороге в Этмор Грэди сказал Иджи:

— Чертовски здорово, что его отпускают. Еще месяц, и он бы там загнулся.

Грэди знал, о чем говорит: когда-то он работал в этой тюрьме охранником.

— Черт, его если охранники не достанут, то другие ниггеры прикончат, можешь не сомневаться. Я там насмотрелся, как вполне нормальные ребята быстро превращались в форменных зверей. Бог мой, дома у них жена, детишки, а они убивают друг друга из-за какого-то педрилы... По ночам в тюремных корпусах всегда беспокойно, но как вылезет полная луна — только держись. Все как один сходят с ума и режут кого ни попадя. А на следующее утро ходим и подбираем трупы, иногда штук по двадцать пять. Поработаешь таким вот манером, и через некоторое время единственное, что отличает тебя от заключенного, — это пистолет. Ты думаешь, кто там в охране-то служит? В основном полудурки недоразвитые. Сходят в кино, насмотрятся Тома Микса или Хута Гибсона, а потом возвращаются домой и скачут по полям, ковбоев, значит, изображают. А уж когда остервеенеют, то хуже уголовников делаются. Видел я, как они ниггера забили до смерти за просто так, от нечего делать. Потому и ушел оттуда. Говорю тебе, гиблое это место. А теперь, говорят, там работают ухари из Скоттсборо, так во сто крат, говорят, хуже стало.

Иджи забеспокоилась и принялась подгонять Грэди. Когда они миновали ворота тюрьмы и поехали по дороге к корпусу, их глазам предстали сотни заключенных в грубой полосатой тюремной одежде. Они

копали или долбили землю мотыгами. Охранники были в точности такие, как их описывал Грэди. Они цепко оглядывали проезжающую машину и долго смотрели ей вслед, подстегивая приплясывающих лошадей. Иджи подумала, что они и впрямь похожи на дебилов, и успокоилась, только когда им выдали Артиса: на вид он казался вполне живым и здоровым.

Хотя одежда его была измята, а волосы сбились в колтун, Артис никогда так не радовался, как сейчас. Плевать на шрамы от кнута на спине и шишки на голове — их же не видно! По дороге к машине он улыбался во весь рот. Еще бы — он скоро будет дома!

На обратном пути Грэди сказал:

— Ну, Артис, теперь я за тебя головой отвечаю, не вздумай опять во что-нибудь вляпаться. Ты меня понял?

— Да, сэр. Я не хочу больше вляпываться и попадать в это место.

Грэди посмотрел на него в зеркальце:

— Что, очень там хреново?

Артис засмеялся:

— Да, сэр, там очень хреново, очень.

Когда четыре часа спустя показались трубы бирмингемских чугунолитейных заводов, Артис разволновался, как ребенок, и все порывался выйти из машины.

Иджи попыталась уговорить его сначала заехать в Полустанок:

— Тебя же там все ждут — и мама, и отец, и Сипси.

Но он так умолял отвезти его сперва в Бирмингем, хоть на пару часов, что они высадили его на Восьмой авеню.

— Ты уж, пожалуйста, постарайся побыстрее добраться домой, — сказала Иджи. — Они очень соскучились. Обещаешь?

— Да, мэм, обещаю, — ответил Артис и побежал по улице, смеясь от счастья.

Через неделю он показался у кафе, с набриолиненными блестящими волосами, элегантный, в новехонькой шляпе с широченными — по гарлемской моде — полями (подарок Мэдлин, который она купила в честь его возвращения).

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама*

7 сентября 1986 г.

В это воскресенье Эвелин и Нинни угощались кукурузными палочками, кока-колой и домашними шоколадными пирожными с орехами.

— Милочка, что бы вам утром сегодня приехать! Вы пропустили такое представление! Мы все сидим завтракаем и вдруг смотрим — Веста Эдкок нацепила на голову плюшку с отрубями и крутит перед нами бедрами, изображая танец с обручем, прямо в столовой. Вот это было зрелище, я вам доложу! Бедный старый мистер Данауэй так возбудился, что пришлось ему дать успокоительное и увести в комнату. А медсестра Джинин заставила Весту сесть на место и доесть эту плюшку. Они дают их нам каждый день, вроде как профилактика от запоров. Знаете, в наши годы пищеварительная система совсем никудышная становится.

Она откинулась в кресле и шепнула:

— Знаете, некоторые здешние старички пугают и даже не замечают. — Нинни сделала глоток колы. — А многие возмущаются, что здесь цветные медсестры. Кое-кто даже говорит, что все цветные ненавидят белых и только и ждут удобного случая придушить нас во сне.

Эвелин сказала, что ничего глупее в жизни не слыхала.

— Именно так я и подумала, но поскольку это сказала ваша свекровь, то я решила помалкивать.

— Ну, меня это ничуть не удивляет.

— Ох, и не только она одна так думает! Вы не представляете, сколько стариков с ней согласны. Но я никогда в это не верила. Вокруг меня всю жизнь были цветные. Когда умерла мама Тредгуд, её положили в гостиную, а на дворе собрались все негритянки из Трутвилля и запели «Когда я попаду на небеса, я наконец присяду отдохнуть»... Ох, никогда этого не забуду. Вряд ли вам доводилось такое слышать, у меня от одного воспоминания мурашки по коже.

Возьмем, к примеру, Иджи. У неё в Трутвилле друзей было не меньше, чем в Полустанке. А если кто из её тамошних знакомых умирал, она всегда ходила на похороны. Даже как-то сказала мне, что с неграми ей бывает интересней, чем со многими белыми. Я помню её слова: «Нинни, плохой негр — это всего лишь плохой негр, а дрянной белый хуже собаки».

Я, конечно, мало с кем там общалась, но не видела более преданного человека, чем Онзелла. Она для Руфи готова была на все. Руфь была её любимицей, и она этого не скрывала. Оберегала её как зеницу ока.

Помню, Иджи пошла вразнос, напилась и удрала на всю ночь, так на следующий день Онзелла ей на кухне сделала выговор: «Послушайте, мисс

Иджи, что я вам скажу. Так поступать с мисс Руфью может только совсем никудышный человек, и, ежели вы ещё раз такое устроите, я помогу ей собрать чемоданы».

Иджи вышла из кухни, не сказав ни единого слова. Она знала, что, когда дело касалось Руфи, Онзелле лучше не перечить.

Онзелла хоть и доброй была, но с характером. Стольких детей поднять и при этом день-деньской работать в кафе! Когда Артис или Озорная Птичка очень уж ей докучали, она выпихивала их за дверь, даже не прекращая нарезать печенье. Но с Руфью она была нежной как ягненок. Я помню, когда у Руфи обнаружили рак в женских органах, и пришлось везти её в Бирмингем на операцию, Онзелла поехала вместе со мной и Иджи. Мы втроем сидели в комнате ожидания и ждали доктора. Он вошел прямо в халате и шапочке и сказал нам: «Мне очень жаль, но мы ничем не можем помочь». Метастазы пошли в поджелудочную железу, а когда такое случается, тебе конец. Поэтому, сказал он, её просто зашили и оставили дренажную трубку.

Мы отвезли Руфь в дом Тредгуудов и положили в спальне наверху, чтобы ей было удобнее. И Онзелла стала жить с ней в комнате и так до конца от неё и не отходила.

Иджи хотела нанять медсестру, но Онзелла и слышать об этом не желала. Все её дети уже выросли, но Большому Джорджу пришлось самому себе готовить.

Бедные Иджи и Культяшка, они прямо не в себе были. Сидели внизу в полном оцепенении. Руфь угасала быстро, и, Господи, как же её мучили боли! Она старалась не показывать этого, но мы-то видели, как ей плохо. Онзелла ни на шаг не отходила от нее, так и сидела с ампулой и шприцем, а в последнюю неделю вообще никого, кроме Иджи и Культяшки, не подпускала. Она сказала, что Руфь так велела, потому что не хочет, чтобы её видели в таком ужасном состоянии. Никогда не забуду, что она говорила, стоя перед дверью и не пуская нас: «Мисс Руфь — настоящая леди, она всегда знала, когда пора уходить с вечеринки, и пока она жива, исключений не будет».

Она сдержала слово. В тот момент, когда Руфь умерла, Большой Джордж, Иджи и Культяшка бродили по лесу, собирая сосновые ветки для её комнаты, а когда вернулись, то увидели, что её уже увезли.

Онзелла позвонила доктору Хэдли, и он прислал «скорую», чтобы Руфь отравили в похоронную контору в Бирмингем. Мы с Клео спустились вниз проводить. Когда её положили в машину, доктор Хэдли сказал: «Теперь идите домой, Онзелла, я поеду с ней и все улажу». Но Онзелла

выпрямилась и ответила: «Нет, сэр, мое место здесь!» — и забралась с ним в машину. Она взяла с собой одежду Руфи и косметику и не покинула её, пока не убедилась, что она выглядит так, как ей хотелось бы выглядеть.

Вот поэтому я никогда не поверю, что цветные ненавидят белых. Нет! Слишком многих цветных повидала я на своем веку, чтобы этому поверить.

Я на днях сказала Клео, что надо бы нам проехаться до Мемфиса и обратно — Джаспера проведать. Он ведь работает в вагоне-ресторане.

Эвелин посмотрела на свою подругу и поняла, что та опять заблудилась во времени.

ПОЛУСТАНОК, ШТАТ АЛАБАМА

7 февраля 1947 г.

В то дождливое утро Онзелла послала Культяшку и Иджи в лес за сосновыми ветками для комнаты, где лежала Руфь. Она сидела у её кровати и обтирала лицо влажной тряпкой.

— Держитесь, мисс Руфь, скоро все кончится. Скоро кончится все, детка моя.

Руфь подняла на неё глаза и попыталась улыбнуться, но лицо её исказила гримаса боли. Теперь ей не было ни сна, ни отдыха, ни облегчения.

И Онзелла, усердная прихожанка баптистской церкви и солистка церковного хора, всем сердцем верующая в милосердного Господа, приняла решение.

Ни один бог, тем более её дорогой, возлюбленный Иисус, который принял смерть за грехи наши и все-таки любил нас, нигде, никогда и никому не позволил бы испытывать такие мучения.

Вот почему с чистой душой и легким сердцем она дала Руфи морфий, который копила день за днем, капля за каплей. Онзелла смотрела, как тело Руфи расслабилось — впервые за несколько недель, потом села к ней на кровать, взяла её высохшую руку в свои и стала баюкать, напевая:

В лодочке радости ты уплываешь,
Ждет тебя тихий, прекрасный полет.
Искренне веруй — и счастье узнаешь,

Бог тебя встретит, за руку возьмет.

В лодочке радости ты уплываешь.
Милая, встретимся в чудной стране.
Милая, веруй и счастье узнаешь,
Думает Бог о тебе, обо мне...

Онзелла пела, прикрыв глаза, но чувствовала, как свет солнца, пронзив облака, заливают комнату. Солнечное тепло заставило её плакать от радости. Накидывая на зеркало ткань и останавливая часы, висевшие над кроватью, она благодарила дорогого Иисуса, который забрал мисс Руфь к себе домой.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

*«Бюллетень Полустанка»
10 февраля 1947 г.*

ВСЕМИ ЛЮБИМАЯ РУФЬ ПОКИНУЛА НАС

Сегодня кафе будет закрыто в связи со смертью миссис Руфи Джемисон, случившейся три дня назад. Прощание состоится завтра в баптистской церкви.

Чтобы уточнить время, позвоните преподобному Скроггину. До церемонии тело покойной будет находиться в похоронной конторе в Бирмингеме.

Нам будет очень не хватать её милой улыбки, добрых глаз, и все, кто знал «мисс Руфь», будут скорбеть о ней. Приносим искренние соболезнования Культяшке и Иджи.

Дот Уимс

СУПЕРМАРКЕТ «ПИГЛИ-УИГЛИ»

Бирмингем, штат Алабама
13 сентября 1986 г.

По воскресеньям, отправляясь по магазинам, Эвелин всегда брала «форд» Эда, потому что в нем было просторнее, однако с парковкой вечно возникали проблемы. Вот и сегодня ей пришлось ждать целых пять минут, пока какой-то старичок загружал в машину покупки, и ещё три минуты, пока он искал ключи и отъезжал. И в тот момент, когда она намеревалась втиснуться на освободившийся пяточок, из-за угла выскочил слегка помятый красный «фольксваген» и проскочил на то самое место, которого она дожидалась.

Две тощие, жующие жвачку девицы в драных джинсах и резиновых шлепанцах вылезли из машины, хлопнули дверцами и прошествовали мимо Эвелин. Она опустила стекло и обратилась к той, у которой на майке до пупа красовалась надпись: «ЭЛВИС ЖИВ!»

— Простите, но я ждала этого места десять минут, а вы заняли его прямо перед моим носом.

Девушка нагло ухмыльнулась:

— Мадам, давайте посмотрим правде в лицо: ведь я моложе вас и шустрее.

И подружки прошлепали в магазин. А Эвелин ничего не осталось, как сидеть и смотреть на «фольксваген» с плакатом на заднем стекле: «ПРОПУСКАЮ ВПЕРЕД ТОЛЬКО ЛОХОВ!»

Минут через десять девушки вышли — как раз вовремя, чтобы увидеть, как все четыре колпака от колес их автомобиля разлетелись по стоянке, а Эвелин в очередной раз разгоняется, чтобы как следует поддать «фольксвагену». Когда девушки, совершенно ошалев от этого зрелища, добежали до машины, Эвелин с ней практически расправилась. Та, что повыше, вопила как безумная и рвала на себе волосы:

— Господи Боже мой! Ты только посмотри, что она натворила! Вы что, совсем того?

Эвелин высунулась в окошко и спокойно сказала:

— Давай посмотрим правде в лицо, детка: я ведь старше, да и страховка у меня побольше.

И с этими словами она уехала.

Эд работал в страховом агентстве и постоянно имел дело с выплатой страховок, и тем не менее он не понял, как это можно было случайно

врезаться в кого-то шесть раз подряд.

Эвелин сказала ему, чтобы он успокоился: подумаешь, беда какая, несчастные случаи в наше время происходят сплошь и рядом. И в самом деле, беда была в другом: она получила огромное удовольствие, когда громила машину тех девиц. Последнее время она переставала скрипеть зубами от ярости и успокаивалась только в те редкие минуты, когда беседовала с миссис Тредгуд, да ещё по ночам, когда мысленно навещала Полустанок. Тованда неумолимо прибирала к рукам всю её жизнь. И где-то глубоко в подсознании звучал тихий сигнал тревоги: слишком уж близко Эвелин была к тому, чтобы переступить черту — раз и навсегда.

КАФЕ «ПОЛУСТАНОК»

*Полустанок, штат Алабама
9 мая 1949 г.*

Грэди Килгор, Джек Баттс и Смоки Одиночка сидели вечером в кафе и хохотали: седьмую неделю подряд они умудрялись подкладывать бомбусвисток в машину преподобному Скроггину. Но тут из своей комнаты вышел Культяшка в новом синем костюме и с синим галстуком-бабочкой, и они переключились на него.

Грэди щелкнул пальцами:

— Эй, билетер, покажи-ка, где тут мое место?

Иджи попросила:

— Ладно, ребята, оставьте его в покое. По-моему, он отлично выглядит. У него сегодня свидание с Пегги Хэдли, докторской дочкой.

Джек пропищал, паясничая:

— Ах, доктор...

Культяшка взял бутылку кока-колы и мрачно посмотрел на Иджи. Если б не она, он бы ни за что не потащился на этот школьный бал с Пегги Хэдли, в которую когда-то был влюблен. Пегги была на два года младше него, носила очки, и в старших классах он перестал обращать на неё внимание. Но узнав, что он приехал на летние каникулы из Технологического института Джорджии, она зашла к Иджи и спросила, не может ли Культяшка сходить с ней на школьный бал. Иджи милостиво согласилась.

Будучи джентльменом, Культяшка решил, что от одного раза он не

помрет, но чем ближе подходил ответственный момент, тем больше он в этом сомневался.

Иджи принесла с кухни небольшой букет:

— На вот, я срезала несколько роз. Отдай ей. Твоя мама просто обожала такие пустячки.

Он закатил глаза:

— Ох, тетя Иджи, может, вы вместо меня сходите? Вы так все здорово продумали! — Культяшка повернулся к компании, сидевшей за столиком: — Эй, Грэди, а ты не хочешь потряхнуть стариной?

Грэди покачал головой:

— Еще как хочу, да только, боюсь, Глэдис пришибет меня, коли застучает с молоденькой. А вообще, ни черта ты не понимаешь! Вот погоди, станешь женатым занудой вроде меня, вспомнишь тогда. Да-а, теперь я не тот, что прежде.

— Что и говорить, когда-то тебе удержу не было, это уж точно, — вставил Джек.

Мужчины засмеялись, а Культяшка направился к двери.

— Ладно, я пошел. Надеюсь, ещё увидимся.

Каждый год после бала все ребята собирались в кафе, и сегодняшний вечер не был исключением. Когда в зал вошла Пегги, красивая, в белом кружевном платье, с розами, приколотыми к плечу, Иджи сказала:

— Слава Богу, с тобой все в порядке. Я до смерти за тебя беспокоилась.

— Господи, да что обо мне было беспокоиться?

— А ты разве не слыхала про ту девочку из Бирмингема? — удивилась Иджи. — Она так разгорячилась на балу, что, когда её стали фотографировать, ни с того ни с сего взяла и загорелась. Типичный случай самовозгорания. Секунда — и все, конец. Ничего не осталось, кроме пары каблучков. Ее парень принес её домой в стаканчике из-под мороженого.

Пегги, до последней фразы принимавшая все всерьез, рассмеялась:

— Ой, Иджи, так вы меня разыгрываете, да?

Культяшка ужасно обрадовался, когда вечер наконец-то закончился, и они отправились домой. После своих прошлогодних побед на футбольном поле он стал предметом всеобщего внимания: мальчишки помладше ходили вокруг него и смотрели с обожанием, а девочки, стоило ему поздороваться или просто посмотреть в их сторону, начинали хихикать и шушукаться.

Он остановил машину у дома Пегги и уже хотел открыть ей дверь, но тут она сняла очки, откинулась на сиденье и подняла на него глаза. Большие, карие, близорукие, как у Сьюзан Хейвард.

— Ну что ж, спокойной ночи, — сказала она.

Культияшка заглянул в эти глаза и вдруг понял, что никогда раньше таких не видел: два бархатистых темных озера манили его окунуться и плыть. Лицо Пегги было так близко, что он почувствовал пьянящий запах её духов, и в этот момент она стала Ритой Хейварт из «Гильды», нет, Ланой Тернер из «Почтальон всегда звонит дважды». И, поцеловав её, он понял, что никогда в жизни не испытывал такого счастья.

В то лето он часто надевал свой синий костюм, а осенью в Колумбусе, штат Джорджия, они поженились. Иджи на это только усмехнулась:

— А я что тебе говорила?

С тех пор Пегги было достаточно снять очки и взглянуть на Культияшку — и она могла делать с ним что угодно.

БИРМИНГЕМ, ШТАТ АЛАБАМА

24 мая 1949 г.

Общественная активность негров в Бирмингеме находилась на подъеме и охватила как высший, так и средний класс. «Слэгтаун ньюс» постоянно сообщала о деятельности сотни с лишним клубов: чем светлее кожа, тем престижнее клуб.

Миссис Бланш Пиви, жену Джаспера, такую же светлую, как и он сам, только что выбрали президентом известного клуба «Королевское общество красавиц» — организации, члены которой были такими светлыми, что их фотографию, сделанную на ежегодной встрече, по ошибке поместили в газете для белых.

Джаспера недавно переизбрали на должность вице-председателя престижного клуба «Рыцари пифии», поэтому было вполне естественно, что его старшая дочь Кларисса стала в этом году дебютанткой номер один. За рыже-золотые шелковистые волосы, за кожу персикового цвета и зеленые глаза её признали самой очаровательной среди ровесниц.

В день ежегодного Бала дебютанток Кларисса отправилась в центр купить по этому случаю особые духи. Она прекрасно знала, что люди её цвета кожи должны пользоваться грузовым лифтом, и тем не менее поднялась на второй этаж в главном лифте для белых. Она и раньше несколько раз это проделывала, когда ездила по магазинам одна.

Кларисса понимала, узнай об этом её отец и мать — шкуру спустят.

Хотя они и поощряли её общаться с людьми, чья кожа была скорее светлой, однако выдавать себя за белую в их глазах было непростительным грехом. Но Клариссе осточертели назойливые взгляды чернокожих в грузовом лифте, к тому же она спешила.

Красивая женщина за стойкой в ярко-синем шерстяном платье разговаривала с Клариссой очень вежливо:

— Вы когда-нибудь пользовались духами «Уайт Шоулдерз»?

— Кажется, нет, мэм.

Продавщица протянула ей пробный флакон:

— А вы попробуйте. Все спрашивают «Шами-лар», но мне кажется, для вас их запах будет несколько тяжеловат. При вашей внешности и такой нежной коже нужно что-нибудь другое.

Кларисса капнула духи на запястье.

— Как чудесно! Сколько они стоят?

— Сегодня специальная цена — два девяносто восемь за восемь унций. Вам их хватит по меньшей мере на полгода.

— Тогда я их возьму.

— Мне кажется, они прямо созданы для вас, — сказала продавщица. — Будете платить наличными?

— Наличными.

Женщина взяла деньги и пошла завернуть коробочку. Какой-то негр в пальто и клетчатой шляпе пристально разглядывал Клариссу. Он вспомнил фотографию, которую видал в газете, и подошел к ней.

— Извини, ты случайно не Джаспера дочка?

Остолбнев от ужаса, Кларисса притворилась, что не слышит.

— Я твой дядя Артис, папин брат.

Артис был слегка навеселе и к тому же не догадывался, что Кларисса разыгрывала из себя белую даму. Он положил руку ей на плечо:

— Это же я, милая, твой дядя Артис. Ты что же, не узнаешь меня?

Продавщица вернулась к прилавку и, увидев Артиса, завизжала что есть мочи:

— А ну сейчас же отвали от нее! — Она подскочила к Клариссе и загородила её. — Сейчас же отвали! Гарри! Гарри!

На её визг примчался дежурный по залу.

— Что случилось?

Все ещё загораживая Клариссу от Артиса, она завопила на весь этаж:

— Этот черномазый лапал мою покупательницу! Он напал на нее! Я сама это видела!

Гарри рывкнул:

— Охрана! — И грозно посмотрел на Артиса прищуренными глазами. — Ты что, лапал эту белую девушку, парень?

Артис от изумления не мог прийти в себя.

— Так это, сэр... Это ж моя племянница.

Он старался объяснить, почему подошел в девушке, но подоспевшие охранники скрутили его и, заломив руки за спину, поволокли к выходу. Продавщица успокаивала Клариссу:

— Не волнуйтесь, дорогая, этот черномазый либо пьян как свинья, либо у него с головой не все в порядке.

Собравшаяся на шум кучка покупателей сочувственно кудachtала:

— Опять какой-то пьяный негр... Видите, что бывает, когда с ними по-человечески обращаешься...

Охранники вышвырнули Артиса из магазина, да так, что он ободрал колени и локти об асфальт. Вскочив в трамвай, который шел в южную часть города, он протиснулся за деревянную перегородку с надписью «Для цветных» и сел. Все-таки интересно, размышлял он, Кларисса это была или нет?

Много лет спустя, когда Кларисса уже вышла замуж, и у неё были детишки, она как-то раз зашла в кафетерии Бритлинга, где Артис работал официантом, и дала ему на чай 25 центов. Но они не узнали друг друга.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

10 августа 1954 г.

НЕУДАЧИ СЛЕДУЮТ ОДНА ЗА ДРУГОЙ

Стареем, что ли... Или сходим с ума. Моя дражайшая половина Уилбур третий день подряд приходит домой и жалуется на головную боль. А что может быть хуже мужчины с каким-нибудь ерундовым недомоганием? Наверно, поэтому мы и заводим детей.

Я и сама из-за глаз теперь с трудом читаю газеты, поэтому вчера утром поехала в Бирмингем проверить зрение и — подумать только! — надела очки Уилбура, а он — мои. В следующий раз придется заказать оправы разного цвета.

Но посмотришь вокруг, и понимаешь, что у меня дела не так уж и

плохи. Я слышала, в салоне красоты у Опал на днях случился пожар, и Бидди Луис Отис, которая пришла сделать перманент и в тот момент сидела под сушкой, стала вопить как резаная, решив, что горят её волосы. А это всего-навсего загорелись клочки волос в мусорной корзине. Озорная Птичка, помощница Опал, быстро залила огонь, всех и делов-то.

Не забудьте прийти проголосовать. Никто, разумеется, не рискнул выставить свою кандидатуру, имея соперником нашего Грэди Килгора, но ему все равно будет приятно, если вы придете.

Между прочим, о Джаспере Пиви сегодня опять напечатано в «Рэйлроуд ньюс». Большой Джордж и Онзелла, наверно, им очень гордятся.

Дот Уимс

Р. S. Клуб «Маринованный огурец» устроил представление «Глупости из морозилки», которое, как всегда, вызвало бурю восторгов. Моя дражайшая половина опять спел «Красный парус на закате». Вы уж его простите. Никак не могу заставить Уилбура выучить что-нибудь новенькое.

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»
--

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
14 сентября 1986 г.*

Когда Эвелин и миссис Тредгуд прогуливались позади приюта, в осеннем небе со счастливым гоготом пролетела стая канадских гусей.

— Ох, Эвелин, а вам бы не хотелось улететь вместе с ними? Интересно, куда это они направляются?

— Наверно, во Флориду или на Кубу.

— Вы так думаете?

— Скорее всего.

— Ну, во Флориду я бы и сама слетала, а вот на Кубе делать абсолютно нечего. Смоки говорил, что эти гуси — его друзья. Когда его спрашивали, куда он все время уезжает, Смоки отвечал: «Куда дикие гуси, туда и я».

Они проводили стаю взглядом, пока птицы не скрылись из виду, и пошли дальше.

— А утки вам нравятся?

— Да, симпатичные.

— Я их просто обожаю. Я, как бы это сказать, всегда была равнодушна к пернатым.

— К кому?

— Ну, пернатые, знаете? Все, что с перьями, — птицы, цыплята, петухи.

— А-а.

— Мы с Клео каждое утро пили кофе на веранде, смотрели, как встает солнце, и слушали птиц. Всегда выпивали по три-четыре чашки чудесного горячего кофе, ели тосты с персиковым желе и разговаривали. Ну, если честно, больше говорила я, а он слушал. В наш сад прилетало столько красивых птиц! Иволги, малиновки, горлицы такие славные. Теперь таких не увидишь... Однажды Клео собрался уходить и позвал меня в сад. А перед нашим домом вечно сидели на телефонных проводах черные дрозды. Вот он и сказал: «Ты сегодня поаккуратней с телефоном, Нинни, а то, знаешь, они ведь слышат все, что ты говоришь. Лапками слушают». — Она посмотрела на Эвелин. — Как вы думаете, это правда?

— Нет. Я уверена, он просто пошутил, миссис Тредгуд.

— Ну, может, и пошутил, но с тех пор когда я хотела поделиться с кем-нибудь секретом, то сначала выглядывала на улицу — проверить, нет ли там дроздов. Зря он это сказал, знал ведь, как я люблю болтать по телефону. Со всем городом болтала.

Одно время в Полустанке жило больше двухсот пятидесяти человек. Но когда перестали ходить поезда, люди разлетелись, как птички по ветру. Кто в Бирмингем уехал, кто ещё куда, да так и не вернулись.

На месте кафе построили «Макдональдс», а у шоссе отгрохали какой-то супермаркет. Туда миссис Отис очень любила ходить, потому что у неё были купоны. Но я там никогда не могла найти для себя ничего подходящего, и ещё там были очень яркие лампы, прямо глаза резало. Вот и приходилось за всякой мелочью тащиться в Трутвилль, в лавку Осии. — Миссис Тредгуд замолчала. — Ох, Эвелин, слышите этот запах? Кто-то готовит барбекю!

— Нет, дорогая, думаю, кто-то просто жжет листья.

— Ну а мне кажется, пахнет барбекю. Вы любите барбекю, правда ведь? Я прямо-таки обожаю.

Миллион долларов отдала бы за барбекю, которое готовил Большой Джордж, и за кусочек лимонного пирога Сипси. Что и говорить, барбекю он готовил лучше всех. Он делал его в большом старом железном котле, на

заднем дворе кафе. Пахло на всю округу, особенно в осенние дни. Я даже у себя дома чувствовала этот запах! Смоки говорил мне, что он как-то сошел с поезда и почуял его за десять миль от Полустанка. Представляете, люди аж из Бирмингема приезжали попробовать барбекю Большого Джорджа. А вы с Эдом где покупаете барбекю?

— В основном в «Голден Рул» или у Олли.

— Ну, там вроде бы неплохо готовят, но что б вы ни говорили, а лучше всех барбекю получается у цветных.

— А у них вообще все лучше получается, — сказала Эвелин. — Жалко, что я не цветная.

— В смысле, не негритянка?

— Да.

Миссис Тредгуд едва не потеряла дар речи.

— Господи Боже мой, да зачем это вам, милочка? Ведь они почти все жалеют, что не родились белыми и вечно стараются кожу сделать посветлее да волосы попрямее.

— Сейчас не стараются.

— Может, сейчас и нет, а вот раньше — да. Возблагодарите Господа нашего, что сделал вас белой. Я не представляю, чтобы кто-то мог захотеть родиться цветным!

— Ох, не знаю я, просто мне кажется, что они такие дружные, и им живется лучше, что ли. Я, как ни гляну на себя в зеркало, всегда выгляжу измученной. А они вроде только и делают, что веселятся.

Миссис Тредгуд помолчала немного, а потом сказала:

— Что ж, может, вы и правы, они действительно много веселятся. У них это как-то естественно получается. Но ведь и у них есть свои печали, как у всех остальных людей. Вот я, например, не знаю ничего печальнее негритянских похорон. Они так причитают и убиваются, так рыдают. Думаю, черные все принимают ближе к сердцу, чем мы. Когда хоронили Билли, так понадобилось трое мужчин, чтобы удержать Онзеллу. Она тогда совсем сошла с ума от горя и все пыталась прыгнуть к нему в могилу. Больше никогда в жизни, ни за какие коврижки не пойду к ним на похороны.

— Я понимаю, во всем есть и хорошие стороны, и плохие, — сказала Эвелин, — но я все равно ничего не могу поделать с собой, завидую им, и все. Мне очень хочется быть такой же свободной и открытой, как они.

— Ну, в этом я мало разбираюсь, — ответила миссис Тредгуд. — Знаю только, что, если бы мне сейчас дали барбекю и кусок пирога, я была бы совершенно счастлива.

ПОЛУСТАНОК, ШТАТ АЛАБАМА

15 октября 1949 г.

Озорной Птичке было семнадцать, когда она впервые увидела Ле Роя Грумса. Она сразу поняла, что он — мужчина её мечты, и сказала ему об этом без обиняков. Ле Рой работал поваром на поезде «Полумесяц», который по пути в Нью-Йорк через Атланту останавливался в Полустанке. Через год родилась девочка, Ле Рой дал ей имя Алмондина, — так называлось блюдо из форели, он вычитал его в меню вагона-ресторана.

Ле Рой был красивый, покладистый парень, много времени проводил в разъездах, слонялся по городам, большим и малым, мимо которых проходил поезд, и когда выяснилось, что он переехал к почти белой, с нежно-желтой кожей девице из Нью-Орлеана (в ней была лишь восьмая часть негритянской крови), Озорная Птичка чуть было не покончила с собой.

Она пребывала в полном отчаянии, когда на глаза ей попались объявления в «Слэгтаун ньюс»:

У ВАС СЛИШКОМ ТЕМНАЯ КОЖА?
ВЫ ХОТИТЕ ИМЕТЬ ЧАРУЮЩИЙ ЦВЕТ ЛИЦА?

Доктор Фред Пальмер сделает вашу кожу светлее.

ЧИСТУЮ, СВЕТЛУЮ КОЖУ
ТАК И ХОЧЕТСЯ ПОЦЕЛОВАТЬ!

Она сводит мужчин с ума.
«Саксес ойнменп» осветлит вашу кожу за пять дней.

КРАСОТА НАЧИНАЕТСЯ
СО СВЕТЛОГО ЛИЦА!

Особый осветляющий крем для лица «Белизна» — залог
вашей естественной красоты.

У ВАС СЛИШКОМ КУРЧАВЫЕ ВОЛОСЫ?

Современная наука быстро справится с любыми завитками.
Лосьон «Плуко хэйр» сделает ваши волосы
Блестящими и шелковистыми, а «Релаксо» выпрямит их за
неделю.

СКАЖИТЕ СВОИМ КУДРЯШКАМ «ПРОЩАЙ!»

Если у вас короткие вьющиеся волосы, купите «Долой
завитки» немедленно!
Распрямляет быстро и эффективно!

Озорная Птичка перепробовала все средства, о которых прочитала в газете, и даже сверх того. Но спустя месяц она оставалась все той же девушкой на подхвате в салоне красоты, черной, как уголь и курчавой, как барашек, а Ле Рой продолжал жить в Нью-Орлеане с подружкой нежно-желтого цвета.

Поэтому она отвела дочку к Сипси, вернулась домой и легла на кровать умирать от любви.

Она никого не желала слушать. К ней приходила Опал и умоляла вернуться на работу, но Озорная Птичка лежала день за днем, пила джин и без конца ставила одну и ту же пластинку. Сипси сказала: лучше бы Ле Рой умер, а не валандался с другой женщиной, потому что Озорной Птичке после двух месяцев, проведенных в обнимку с бутылкой, так и не полегчало.

К счастью, слова Сипси оказались пророческими, и мистер Ле Рой Грумс отправился в мир иной с помощью сыночка своей нежно-желтой пассии, который проломил ему висок игрушечным железным грузовиком.

Получив трагическую весть, Озорная Птичка встала с постели, пошла в ванную, умылась, взбодрила себя завтраком из яичницы с ветчиной, кукурузной каши с острым соусом, печенья с маслом и сиропом, плюс три чашки горячего кофе. Потом она приняла ванну, оделась, слегка смочила волосы маслом «Дикси Пич», наложила тройной слой ярко-оранжевых румян и такой же помады, закрыла за собой дверь и поехала в Бирмингем — на охоту.

В конце недели она вернулась с молодым человеком в клетчатой шляпе с зеленым пером и в коричневом габардиновом костюме. На его лице

застыло удивленное выражение.

**МЕМОРИАЛЬНАЯ БАПТИСТСКАЯ ЦЕРКОВЬ МАРТИНА ЛЮТЕРА
КИНГА**

*Четвертая авеню, 1049,
Бирмингем, штат Алабама
21 сентября 1986 г.*

Эвелин пообещала миссис Тредгуд, что расскажет о своих проблемах Господу и попросит Его о помощи, но, к сожалению, не знала, куда ей пойти. Они с Эдом не бывали в церкви с тех пор, как выросли дети, но сегодня она очень нуждалась в поддержке. Поэтому она оделась и поехала в пресвитерианскую церковь на Хайлэнд-авеню, которую они когда-то посещали.

Однако, подъехав к церкви, она почему-то не остановилась, а направилась дальше, пока не обнаружила себя в противоположном конце города, на автостоянке Мемориальной баптистской церкви Мартина Лютера Кинга — самой большой в Бирмингеме церкви для цветных. Эвелин очень удивилась: как это её сюда занесло? Видно, наслушалась рассказов про Сипси и Онзеллу.

Всю жизнь она считала себя человеком либеральных взглядов и никогда не употребляла слова «ниггер». Но её контакты с чернокожими, как, впрочем, у большинства белых среднего класса до шестидесятых годов, ограничивались общением с прислугой — своей или кого-то из друзей.

В детстве она вместе с отцом ездила иногда в южную часть города, когда он отвозил служанку домой. Та жила всего в десяти минутах езды, но Эвелин казалось, что она попадает в другую страну: музыка, одежда, дома — все было другим.

Под Рождество они отправлялись туда полюбоваться на праздничные наряды — розовые, ярко-красные, желтые, на причудливые шляпы с перьями.

Конечно, в их домах работали чернокожие женщины. Но когда невдалеке показывался негр, её мать чуть ли не впадала в истерику и кричала:

«Сейчас же беги надень рубашку, черный увидит!» И по сей день

Эвелин становилось немного не по себе, если поблизости оказывался цветной мужчина. Хотя, надо сказать, отношение её родителей к чернокожим ничем не отличалось от общепринятого. Считалось, что почти все они — приятные люди, чем-то похожие на детей, и о них надо заботиться. У каждого из её знакомых была в запасе забавная байка о том, что сказала или сделала их служанка. Они качали головами, удивляясь, сколько в негритянских семьях детей. Многие отдавали им поношенную одежду и остатки еды, помогали в беде. Но, став постарше, Эвелин перестала ездить в южную часть города и даже думать об этом забыла, её голова была забита собственными проблемами. Поэтому в шестидесятых, когда начались беспорядки, она, как и большинство белых жителей Бирмингема, испытала шок. И все согласились, что это, вероятно, «не наши негры» такое устроили, их сбили с толку пришлые агитаторы с Севера. Кроме того, большинство голосов постановило, что «наши негры» очень довольны своим положением. Позже Эвелин удивлялась, чем она тогда думала, как могла не видеть, что творилось у неё под носом.

После оскорбительных нападок прессы и телевидения на Бирмингем его жители были смущены и расстроены. Ни одно из тысяч и тысяч добрых дел, щедро творимых одной расой по отношению к другой, не было упомянуто.

Но через двадцать пять лет в Бирмингеме мэром стал черный, а ещё в 1975 году этот город, некогда получивший прозвище Города Ненависти и Страха, в журнале «Лук», был назван Городом для Всех Американцев. В статье говорилось, что многие сожженные мосты отстроили заново, и негры, которые когда-то уехали на Север, теперь возвращаются. Да, многое изменилось для всех.

Эвелин это знала, и тем не менее, сидя в машине на стоянке у церкви, удивлялась, сколько вокруг неё «кадиллаков» и «мерседесов». Она слышала, что в Бирмингеме есть богатые негры, но видеть их ей никогда не доводилось.

Пока она наблюдала, как съезжаются прихожане, к ней неожиданно вернулся её застарелый страх перед «цветным мужчиной». Она нервно оглядела машину, убедилась, что все дверцы заперты, и уже собралась было уехать, когда мимо прошествовало смеющееся семейство: отец, мать и двое детишек. Это вернуло её к действительности, и она успокоилась так же внезапно, как испугалась. Спустя несколько минут, собрав в кулак все свое мужество, Эвелин вошла в церковь.

Ее била дрожь, хотя привратник с гвоздикой в петлице улыбнулся ей, сказал «доброе утро» и проводил к скамье. Сердце колотилось как бешеное,

коленки тряслись. Эвелин хотела сесть сзади, но он торжественно провел её прямо в центр. Ее бросало в пот, не хватало воздуха. Кажется, несколько человек оглянулись на нее. Двое ребяташек, вывернув шеи, смотрели на Эвелин во все глаза; она улыбнулась, но они не улыбнулись ей в ответ. Она решила уйти, но тут в церковь вошли мужчина с женщиной и сели рядом. Как всегда, она застряла посередине. Впервые в жизни вокруг неё не было ни одного белого, только негры.

Она сразу почувствовала себя в полном смысле слова белой вороной, не раскрашенной страницей цветной книжки, единственным белым цветком в саду.

Около неё сидела девушка в потрясающем наряде. Такие Эвелин видела только в журналах. В этом светло-сером шелковом платье, в туфлях и с сумочкой из змеиной кожи она вполне могла бы работать моделью, демонстрировать высокую моду где-нибудь в Нью-Йорке. Осмотревшись, Эвелин поняла, что никогда раньше не видела столько красиво одетых людей в одном месте. Мужчин ей трудно было оценить — по её мнению, они носили слишком облегающие брюки, — поэтому она принялась разглядывать женщин.

Вообще-то ей всегда нравилась их сила и способность к состраданию. Она удивлялась тому, с какой любовью и заботой относятся они к белым детям, как нежно и терпеливо ухаживают за белыми стариками и старухами. Она, наверно, так не смогла бы.

Эвелин смотрела, как они здороваются, с какой замечательной простотой общаются друг с другом, с какой естественной грацией двигаются, — даже толстушки.

Она не хотела бы испытать на себе их гнев, но с удовольствием посмотрела бы на того, кто осмелится назвать кого-нибудь из них толстой коровой.

Оказывается, она видела негров всю свою жизнь и никогда по-настоящему не могла их разглядеть. Эти женщины были красивы — худенькие коричневые девочки со скулами, как у египетских богинь, и крупные роскошные женщины с пышной грудью.

Разве можно представить, что когда-то эти люди из кожи вон лезли, чтобы стать похожими на белых! Да они в могилах должны хохотать, глядя на нынешних белых юнцов, выходцев из среднего класса, которые надрываются на эстраде, стараясь подражать черным певцам, и на белых девушек с высокими прическами в африканском стиле. Выходит, они поменялись ролями...

Эвелин начала понемногу приходить в себя. Ей почему-то казалось,

что эта церковь изнутри сильно отличается от обычной, но, оглядевшись, она убедилась, что церковь похожа на дюжину других в Бирмингеме, куда ходят белые. Неожиданно, без всякого вступления, орган разразился аккордом, и 250 хористов, облаченных в ярко-красные и темно-бордовые одеяния, запели с такой силой, что её чуть не смело со скамьи:

О, счастлив я,
Как счастлив я,
Иисус грехи мои простил,
Вернул мне радость бытия,
Словам молитвы научил...
О, счастлив я,
Как счастлив я,
Иисус грехи мои простил,
О, радость, радость бытия...

Когда они сели, преподобный Портер, мужчина огромного роста, чей голос был хорошо слышен в каждом уголке церкви, поднялся со стула и начал проповедь, которая называлась «Радость любви к Господу». Он говорил только об этом и больше ни о чем. Эвелин почувствовала, как любовь переполняет церковь. Во время проповеди он откидывал массивную голову, смеялся и плакал от счастья. И вместе с ним смеялись и плакали прихожане, смеялся и плакал орган.

Она ошибалась: эта церковь была совсем не похожа на церковь для белых, а слова священника сильно отличались от сухих, безжизненных проповедей, к которым она привыкла.

Его истовая любовь к Богу полыхала, словно бушующее пламя, находя отклик в сердце каждого прихожанина. Страстно и убедительно говорил он, что Бог — это не возмездие, но сама доброта, и любовь, и прощение, и радость. Он пел, пританцовывал, расхаживал по залу. Пот струился по его сияющему лицу, и время от времени он утирал лоб белым платком, который держал в правой руке. Он пел, а собравшиеся вторили ему:

- И не будет у вас радости, пока не полюбите ближнего своего...
- Не будет...
- Возлюбите врагов своих...
- Возлюбим...

— Избавьтесь от старых обид...
— Избавимся...
— Гоните от себя этого дьявола — зависть...
— Изгоним...
— Бог прощает...
— Да, Он прощает...
— Почему же вы не можете простить?
— Воистину, почему же...
— Человеку свойственно ошибаться, а Господу — прощать...
— Прощать...
— Не будет воскресения тем, кто поражен грехом...
— Не будет...
— Но Господь может протянуть руку, чтобы мы поднялись...
— Может...
— Господь добр...
— Добр...
— О, как добр наш Господь...
— Как добр...
— Какого друга обрели мы в Иисусе...
— Какого друга...
— Благодарим Тебя, Иисус! Благодарим Тебя, Иисус! Всемиловитый и всемогущий Господь наш! Этим утром мы славим имя Твое и благодарим Тебя! Аллилуйя, Иисус! Аллилуйя!

Когда он закончил, вся церковь взорвалась возгласами «Аминь!» и «Аллилуйя!», и снова вступила хор, и трепет охватил души...

— Омылись ли кровью вы? Очищающей душу кровью Агнца Божьего? Скажите мне, возлюбленные чада Господни, омылись ли вы кровью...

Эвелин никогда не отличалась особой религиозностью, но сегодня какая-то сила подняла её и вознесла над страхом, который камнем тянул её вниз. Она ощутила, как сердце её открылось и наполнилось чистой радостью жизни.

Она подошла к алтарю, и белый Иисус, измученный, исхудалый, в терновом венце, взглянул на неё с креста и сказал:

— Прости их, дитя мое, ибо не ведают, что творят...

Миссис Тредгуд оказалась права. Эвелин принесла свои беды к Господу, и он снял бремя с её души.

Она глубоко вздохнула, и тяжкий груз обиды и ненависти вышел из неё вместе с дыханием, унося с собой Тованду. Отныне она свободна!

И в этот момент она простила парня из супермаркета, и маминого доктора, и тех девиц с автостоянки... Она простила себя. Отныне она свободна. Свободна — как эти люди, которые прошли через все страдания и не позволили ненависти и страху убить в них любовь.

Преподобный Портер попросил верующих взяться за руки. Красивая девушка, соседка Эвелин, протянула ей руку и сказала:

— Благослови вас Бог!

Эвелин стиснула ей ладонь и прошептала в ответ:

— Спасибо. Огромное вам спасибо.

Стоя в дверях, она последний раз оглядела церковь. Наверно, она пришла сюда в надежде понять, что значит быть черным. Но теперь ей ясно: она никогда этого не поймет, точно так же, как они не поймут, что значит быть белым. Больше она не придет сюда, потому что это место принадлежало только им. Но здесь впервые в жизни она почувствовала радость. Настоящую радость. Ту, которую заметила в глазах миссис Тредгуд, но раньше не понимала, что она означает. Сегодня она в первый раз испытала это чувство и теперь не забудет его до конца дней. Вот было бы замечательно рассказать всем этим людям, как много значил для неё сегодняшний день!

И совсем уж было бы хорошо, если б Эвелин знала, что девушка, которая пожала ей руку, была старшей дочерью Джаспера Пиви, проводника спального вагона, который, как и она сама, прошел через это.

«САЗЕРН-РЭЙЛРОУД НЬЮС»

1 июня 1950 г.

ЛУЧШИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК МЕСЯЦА

«Все, чего он хочет, — это видеть людей довольными и сделать их путешествие как можно более приятным. Кто же более достоин звания лучшего железнодорожного работника месяца?» Так говорит пассажир «Серебряного полумесяца» Сесиль Лэйни о проводнике спального вагона Джаспере О. Пиви.

Этого замечательного проводника хвалят с тех пор, как в 17 лет он начал работать носильщиком на вокзале Бирмингема, штат Алабама. Потом он работал поваром, грузчиком, официантом вагона — ресторана и,

наконец, в 1935 году получил место проводника спального вагона. В 1947 году его выбрали президентом бирмингемского отделения «Братства проводников спальных вагонов».

Далее мистер Лэйни продолжает: «Джаспер начинает заботиться о вас с той самой минуты, как вы сели в поезд. Он специально проверяет, все ли пассажиры правильно разместили багаж, и на время поездки у него припасено множество всяких хитростей и услуг, чтобы ваше путешествие прошло с комфортом, а чтобы вас не покидало хорошее настроение, у него всегда наготове широкая улыбка и заразительный смех. За несколько минут до прибытия на станцию он сообщает:

„Примерно через пять минут мы подъезжаем к станции такой-то. Я с удовольствием помогу вам вынести багаж“.

Во время поездки Джаспер становится вашим преданным другом, гостеприимным хозяином, неусыпным стражем, создателем уюта. Он развлекает детей и помогает уставшим матерям, он самый услужливый и умелый помощник, за что пассажиры ему глубоко благодарны. В наше время найти такого человека почти невозможно».

Джаспер — член церковного совета в баптистской церкви на Шестнадцатой улице в Бирмингеме и отец четырех дочерей: две из них преподают в школе, ещё одна учится на медицинскую сестру, а младшая собирается ехать в Нью-Йорк учиться музыке.

Мы поздравляем нашего Джаспера О. Пиви, лучшего железнодорожника месяца.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

27 августа 1955 г.

СОРТИРОВОЧНАЯ СТАНЦИЯ ЗАКРЫВАЕТСЯ

Конечно, все мы были страшно опечалены, узнав о закрытии железнодорожной сортировочной станции. Теперь, когда нас покинули почти все поезда, похоже, нам предстоят и другие потери: многие старые друзья уезжают отсюда. Остается только надеяться, что в скором времени дорога вновь оживет. Смолкли гудки, почти не слышно стука колес проходящих мимо нашего городка поездов, и кажется, что чего-то не

хватает.

Грэди Килгор, уволенный в отставку железнодорожный детектив, сказал, что страна не сможет существовать без железных дорог и требуется только время, чтобы правительство поняло это. Надеюсь, компания скоро очухается, и поезда вновь побегут по рельсам.

Сперва закрылась «Джорджия Пасифик Сиборд», а теперь вот и наша. Одна только Южная железная дорога пока держится. У меня такое ощущение, что пассажиры больше никому не нужны.

А ещё ходят слухи, что может закрыться кафе. Иджи говорит, что дела идут совсем плохо.

Кстати, моя дражайшая половина уверяет, что он болел пневмонией не восемь дней, а целых десять. Ох уж эти мужчины!

Дот Уимс

ГДЕ-ТО ПОД РОАНОКОМ, ШТАТ ВИРГИНИЯ

Спальный вагон № 16

23 декабря 1958 г.

Джаспер Пиви сидел в ночной тишине, а поезд скользил мимо заснеженных ландшафтов, и луна поблескивала на белых убегающих полях.

За обледенелым окном подмораживало, но в вагоне было тепло и уютно. В такие минуты он чувствовал себя в полной безопасности. Ни волнений, ни улыбок, от которых так устаешь за день. Тишина.

Мимо проносились красные и зеленые огоньки станций, а с приближением темноты в маленьких городках загорались фонари — один за другим.

До выхода на пенсию (весьма приличную) ему оставался всего лишь месяц. Джаспер приехал в Бирмингем через год после своего брата Артиса, и, хотя они были близнецами и оба по закону считались неграми, жили они совершенно разной жизнью.

Джаспер любил брата, но почти не видел его.

Артис быстро обосновался среди бесшабашной чернокожей братии на Четвертой авеню, где день и ночь крутили зажигательный джаз и играли в кости. А Джаспер снял комнату в Христианском пансионе в четырех

кварталах от Артиса и в первое же воскресенье отправился в баптистскую церковь на Шестнадцатой улице. Там-то мисс Бланш Мэйбери и положила глаз на мальчишку с кремовой кожей и веснушками, доставшимися ему от матери. Бланш была единственной дочерью мистера Чарльза Мэйбери, уважаемого горожанина, известного преподавателя и директора негритянской средней школы. Благодаря этому обстоятельству Джаспера приняли в круг избранных, в высший класс черного общества.

Когда они поженились, отец Бланш был несколько разочарован уровнем образования Джаспера, однако цвет его кожи и манеры с лихвой искупали этот недостаток.

После женитьбы Джаспер стал работать как проклятый. И пока Артис транжирил деньги на шмотки и женщин, Джаспер ночевал в промозглых, переполненных крысами комнатухах, которые компания предоставляла проводникам во время долгих стоянок в других городах. Он экономил, мечтая о дне, когда они с Бланш придут в магазин музыкальных инструментов и купят пианино. Пианино в доме кое-что значило. Он отдавал десять процентов своих доходов церкви и открыл счет на обучение детей в банке для темнокожих «Берегите пенни». Он не брал в рот ни капли спиртного, в жизни не украл ни цента и никогда не занимал денег. Он был первым среди бирмингемских негров, кто переехал в белый квартал Энон-Ридж, позже получивший название Динамитного Холма. После того как ку-клукс-клан взорвал дом Джаспера и ещё несколько соседних домов из красного кирпича, он, в отличие от многих, не уехал. Он годами выслушивал оклики вроде «Эй, Самбо!», «Эй, бой!», мыл плевательницы, туалеты, чистил ботинки и перетаскал столько багажа, что по ночам ему не давала уснуть боль в спине и плечах. Он часто плакал от унижения, когда в случаях воровства железнодорожные детективы обыскивали в первую очередь шкафчики проводников.

Он повторял дасэркал и дамэмкал, и улыбался, и среди ночи приносил выпивку крикливым торговым агентам, и вытирал за ними блевотину, и сносил оскорбления от надменных белых женщин. Ребятишки называли его ниггером, белые кондукторы издевались над ним так, будто он грязь под ногами, а его чаевые воровали другие проводники.

Он выдержал все.

Похоронный полис на его семью был выплачен, и все четверо его детей учились в колледже, и ни одному из них никогда не придется жить на чаевые. Вот эта единственная мысль и помогала ему держаться все долгие, тяжкие, согнувшие его спину годы.

Только эта мысль — и ещё поездка. Если его брат Артис был влюблен в

город, то Джаспер обожал поезда. Поезда, с темными, полированными, красного дерева стенками пассажирских вагонов, с барами, красными плюшевыми сиденьями. Поезда, с их поэтическими названиями — «Закат», «Королевская пальма», «Город Нью-Орлеан», «Летун Дикси», «Огненная мушка», «Рассвет», «Палметто», «Черный алмаз», «Южная красавица», «Серебряная звезда»...

Сегодня ночью он ехал на «Серебряной комете», которая своими плавными линиями была похожа на гибкую серебряную трубу. Нью-Орлеан — Нью-Йорк и обратно — один из последних могикан, ещё уцелевший. Он оплакивал каждый из этих прекрасных поездов, когда, один за другим, их снимали с рельсов и отправляли отдыхать в ангары сортировочных станций, как старых, постепенно вымирающих аристократов, — антикварные реликвии ушедших времен. И сегодня он ощущал себя одним из этих поездов... снятый с путей, никому не нужный, последний из первых, бесполезный...

Вчера он случайно услышал, как его внук Мохаммед Абдул Пиви говорит матери, что стесняется ходить с дедом, потому что тот заискивает перед белыми и чудно ведет себя в церкви, распевая давным-давно устаревшие негритянские песни в стиле рэгтайма.

Джаспер понимал, что его время кончилось, так же как кончилось время его старых друзей, покоившихся в ангарах. И все же ему бы хотелось, чтобы это случилось как-то по-другому. Всю жизни он шел по тому единственному пути, который выбрал. Но он прошел его до конца.

ОТЕЛЬ «СЕНТ-КЛЕР»

*Новейший отель Бирмингема,
Вторая авеню, 411, Бирмингем, штат Алабама
23 декабря 1965 г.*

От заколоченного досками железнодорожного вокзала Смоки перешел на другую сторону улицы, к отелю, который, возможно, и мог бы сойти за новейший лет тридцать пять тому назад, но сейчас в его комнате стояли только кровать и стул, а с потолка на шнуре свисала маленькая пыльная лампочка в сорок ватт. В комнатухе было почти темно, лишь бледно-желтый свет сочился из фрамуги над дверью, покрытой толстым слоем блестящей коричневой краски.

Смоки Одиночка курил, смотрел в окно на холодную, мокрую улицу внизу и вспоминал о старых добрых временах, когда в лунном ореоле танцевали маленькие звезды, и все реки были сладкими, как виски. Когда он мог глубоко вдохнуть свежего морозного воздуха, и кашель при этом не пробирал его до кишок. Когда Иджи, Руфь и Культяшка жили в пристройке кафе, а поезда ещё бегали по рельсам. То время, неповторимое время, такое далекое... Мгновенье промелькнуло с тех пор...

Воспоминания все ещё жили в нем, и этой ночью он, как обычно, отыскивал их в своей памяти, пытался поймать в неверном лунном свете. То и дело ему удавалось схватить одно из них, и он садился на него верхом, мчался вскачь, и это было похоже на волшебство. Старая песенка бесконечно крутилась у него в голове:

Колечки дыма голубого,
Куда летите вы? —
И снова
Колечки дыма голубого
В морозном воздухе ночном
Ах, эти дымные колечки,
Пустые синие сердечки,
И снова — тихие колечки —
Все о тебе, все об одном.

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
22 сентября 1986 г.*

Когда Эвелин Коуч вошла в комнату, миссис Тредгуд спала, и все прожитые годы явственно проступили на её лице. Эвелин вдруг поняла, какая старая её подруга, и, испугавшись, потрясла её за плечо:

— Миссис Тредгуд!

Миссис Тредгуд открыла глаза, пригладила волосы и сразу заговорила:

— Ой, Эвелин! Вы давно здесь?

— Нет, только вошла.

— Никогда не позволяйте мне спать в дни посещений. Обещаете?

Эвелин села и протянула ей бумажную тарелку, на которой лежали бутерброд с барбекю, кусок лимонного пирога, вилка и салфетка.

— Ой, Эвелин! — Миссис Тредгуд села в кровати. — Где вы все это взяли? В кафе?

— Нет, сама приготовила. Специально для вас.

— Сама? Ну, дай вам Бог здоровья.

Эвелин заметила, что за последние два месяца её подруга стала больше путаться во времени, принимая прошлое за настоящее, и порой называла её Клео. Иногда она сама ловила себя на этом и смеялась, но чем дальше, тем реже она это замечала.

— Извините, что я так разоспалась. Хотя не я одна, у нас тут все сонные ходят.

— Что, ночью не спится?

— Милочка, да тут неделями никто не может уснуть с тех пор, как Веста Эдкок повадилась по ночам трезвонить по телефону. Всех обзванивает — от президента до мэра. Вчера вот звонила английской королеве, на что-то жаловалась. Расфуфырится и давай колобродить до утра.

— Да почему ж она дверь-то свою не закрое?

— Она закрывает.

— Ну, тогда пусть у неё из комнаты уберут телефон.

— Да уже убрали, милочка, только до неё это никак не дойдет. Все равно звонит и звонит.

— Боже мой! Она что, сумасшедшая?

— Ну, можно сказать и по-другому, — вяло возразила миссис Тредгуд. — Она вроде как в другом мире живет.

— Да, наверное, вы правы.

— Знаете, милочка, я бы сейчас не отказалась от стаканчика чего-нибудь прохладительного пирог запить. Вас не затруднит принести? Я бы и сама сходила, но мне с моим зрением трудно попасть монеткой в щель автомата.

— Ну конечно. Простите, что сама не догадалась.

— Вот, возьмите пять центов.

— Ой, миссис Тредгуд, глупости какие! Позвольте мне угостить вас. Это такая мелочь!

— Нет, — решительно возразила миссис Тредгуд. — Нет, Эвелин, пожалуйста, возьмите деньги. Нечего на меня столько тратить. Я не буду

пить, если не возьмете.

Под конец Эвелин сдалась, взяла монетку и как обычно, купила банку лимонада за семьдесят пять центов.

— Спасибо, милочка. Я вам никогда не говорила, что ненавижу брюссельскую капусту?

— Нет. За что же вы так невзлюбили бедную брюссельскую капусту?

— Трудно сказать. Не люблю, и все. Но всех остальных её родственников очень даже уважаю. Но только не замороженные овощи, и не консервированные. Люблю свежую сладкую кукурузу, лимскую фасоль и хороший коровий горох. И ещё жареные зеленые помидоры.

— А вы знаете, что помидор — это фрукт? — спросила Эвелин.

Миссис Тредгуд удивилась:

— Что вы говорите!

— Да, фрукт.

На какое-то мгновение миссис Тредгуд от изумления потеряла дар речи.

— Не может быть! Я всю жизнь считала, что это овощи, и готовила их как овощи. Помидоры — фрукты?

— Да.

— А вы уверены?

— О да. Я вычитала это в книге по домоводству.

— Ох, нет, мне вредно об этом думать. Давайте считать, что вы мне ничего об этом не говорили. Ну, а брюссельская капуста — овощ, правда же?

— Несомненно.

— Ну и ладно. Мне хоть немного легче стало. А как насчет стручковой фасоли? Вы же не будете утверждать, что это тоже фрукт?

— Нет, фасоль — овощ.

— Ну и ладненько.

Она доела пирог, о чем-то вспомнила и улыбнулась.

— Знаете, Эвелин, вчера ночью мне приснился чудный сон. Я так ясно его видела, будто наяву. Мне снилось, что мама и папа Тредгуды стоят на крылечке старого дома и машут мне, мол, иди сюда. А потом появились Клео и Альберт, и все Тредгуды собрались на ступеньках и стали меня звать. Я так хотела подойти к ним, но понимала, что нельзя. И говорю им, мол, сейчас не могу прийти, пока миссис Отис не станет лучше. А мама сказала своим тихим, добрым голосом: «Ты поторопись, Нинни, мы все тебя ждали». — Миссис Тредгуд повернулась к Эвелин: — Иногда мне прямо не терпится попасть на небеса. Жду — не дождусь. Первое, что я

там сделаю, — это поищу старого Железнодорожного Билла, тогда ведь так и не узнали, кто он был на самом деле. Конечно, это был негр, но я уверена, что он попал на небеса. Как вы думаете, Эвелин, попал или нет?

— Я уверена, что попал.

— Что ж, если кто и заслужил жить в раю, так это он. Надеюсь, я его сразу узнаю, когда увижу.

КАФЕ «ПОЛУСТАНОК»

*Полустанок, штат Алабама
3 февраля 1939 г.*

Наступило время обеда, и маленький зал был до отказа набит рабочими с железной дороги. Грэди Килгор подошел к двери в кухню и крикнул:

— Эй, Сипси, дай-ка мне побольше ваших жареных зеленых помидоров и приготовь чаю со льдом, ладно? А то я спешу.

Сипси дала ему тарелку, и он пошел искать свободное место. Зима 1939 года была пятой с тех пор, как Железнодорожный Билл начал грабить поезда. Чарли Флауэр, инженер Южной железной дороги, сказал Килгору:

— Ну, Грэди, говорят, старина Железнодорожный Билл прошлой ночью опять грабанул поезд. Что ж вы, сыщики, никак не поймаете этого парня?

Грэди подсел к стойке и принялся за еду. Мужчины засмеялись.

— Вы, ребята, конечно, можете хохотать сколько душе угодно, но лично я не вижу тут ничего смешного. За последние две недели этот сукин сын обчистил уже пять поездов.

Джек Баттс сказал с ухмылкой:

— Я так понимаю, этот ниггер заставил вас жирок порастрасти.

Сидевший рядом с ним Уилбур Уимс, улыбаясь, жевал зубочистку.

— А я слыхал, будто он опустошил целый вагон с консервами между Полустанком и Аннистоном, а ниггеры до рассвета успели все подобрать.

— Н-да, и это ещё не все, — сказал Грэди. — Черномазый ублюдок сбросил с поезда семнадцать окороков, принадлежавших федеральному правительству Соединенных Штатов, причем среди бела дня. Совсем обнаглел!

Сипси хихикнула и поставила перед ним чай со льдом. Грэди

потянулся за сахаром.

— Знаешь, Сипси, это совсем не смешно. Теперь сюда припрется инспектор из Чикаго, прижмет он мне хвост, как пить дать. А я, между прочим, сейчас поеду в Бирмингем встречать его. Ч-черт, мы и так уже лишних шесть человек на это дело бросили. Этот сукин сын скоро доведет меня до белого каления.

— А я слышал, — сказал Джек, — что вы до сих пор не знаете, как он забирается на поезда и откуда ему известно, в каком из них продовольствие. И как же ему удастся от вас улизнуть?

— Грэди, — подхватил Уилбур, — говорят, ты и близко к нему ещё ни разу не подбирался.

— Да пошли вы к черту! Арт Бевинс почти достал его вчера ночью за Гейт-сити. Минуты на две опоздал, так что недолго ему бегать осталось, вот увидите.

К столику подошла Иджи.

— Эй, Грэди, не хотите в подмогу Культяшку? Может, ему повезет больше?

Грэди огрызнулся:

— Иджи, а может, ты заткнешься и дашь мне ещё этих чертовых помидоров, — и сунул ей пустую тарелку.

Руфь за стойкой отсчитывала Уилбуру сдачу.

— Ну правда, Грэди, я не понимаю, какой от этого парня вред? Бедняги из Трутвилля почти умирают с голода, и если бы он не сбрасывал им уголь, многие замерзли бы до смерти.

— Так-то оно так, Руфь. Скажу тебе честно, никто не стал бы переживать из-за нескольких банок фасоли или пары-тройки горстей угля. Но все это уже вышло за рамки, компания теперь по двенадцать лишних человек к поездам приставляет, а мне приходится работать по ночам.

Смоки Одиночка сидел у края стойки, пил кофе и курил трубку.

— Двенадцать человек против одного несчастного ниггера? По мне, это все равно что из пушки по воробьям палить.

— Да не расстраивайся ты так, Грэди. — Иджи похлопала его по спине. — Сипси мне растолковала, почему вы его никак не поймаете. Потому что он может превращаться в зверей: хочет — в лису, а хочет — в кролика. Как думаешь, Грэди, это правда?

Уилбур поинтересовался, какая награда причитается за его поимку.

— Сегодня утром было двести пятьдесят долларов, — ответил Грэди. — Может, и до пятисот дойдет, пока вся эта чертовщина не кончится.

Уилбур покачал головой:

— Дьявол, да ведь это целая куча денег! А как, говоришь, он выглядит?

— Ну, если верить нашим парням, — обычный старый ниггер с чулком на голове.

— Причем умный ниггер, — сказал Смоки.

— Н-да, может, и так. Но я тебе клянусь, когда я его поймаю, ему плохо придется. Ч-черт, я неделями не сплю по-человечески, дома, в своей постели.

— Да брось, Грэди! — воскликнул Уилбур. — Насколько я знаю, тебе к этому не привыкать.

Все засмеялись.

А когда Джек Баттс, который тоже был членом клуба «Маринованный огурец», сказал: «Да-а, нелегко тебе приходится. Я слышал, Ева Бейтс тоже жаловалась», кафе чуть не рухнуло от хохота.

— И как тебе, Джек, не стыдно, — укоризненно заметал Чарли. — Разве можно так обижать бедную Еву?

Грэди встал и мрачно оглядел мужчин.

— Знаете, что я вам скажу? В этом кафе одни болваны собрались. Да, черт подери, абсолютно тупые болваны, все до одного! — Он подошел к вешалке, надел шляпу и обернулся: — Это кафе следовало назвать Кафе Болванов. Я, пожалуй, подыщу себе другое место.

Все, включая Грэди, засмеялись, потому что это было единственное кафе на всю округу. Он вышел и отправился в Бирмингем.

УИЛЛИНА-ЛЭЙН, 1520

Атланта, штат Джорджия

27 ноября 1986 г.

Культияшка Тредгуд, который в свои пятьдесят семь все ещё держался молодцом, зашел к своей дочери Норме на праздничный обед в честь Дня благодарения. Он только что посмотрел футбольный матч Алабама — Теннесси и теперь беседовал со своим зятем Маком, внучкой Линдой и её тощим приятелем в очках, который учился на мануального терапевта. Все пили кофе с ореховым пирогом.

Культияшка повернулся к парнишке в очках:

— Знаешь, у меня был дядя Клео, тоже мануальный терапевт. Конечно, он на этом ни цента не заработал, потому как весь город лечил бесплатно. Правда, это было во время Великой депрессии, так что денег все равно ни у кого не было.

А моя мама и тетя Иджи в ту пору держали кафе — ничего особенного, домишко с сосновую шишку. Но вот что я вам скажу: и мы всегда ели досыта, и все, кто туда заглядывал, тоже голодными не уходили. Ни черные, ни белые. Тетя Иджи никого не выгоняла, и все знали, что если человека припрет, она никогда не откажет в глотке спиртного.

У неё всегда была припасена бутылочка в кармане фартука, а мама сердилась: «Иджи, ты потакаешь их дурным привычкам». Но тетя Иджи и сама была не прочь пропустить стаканчик, и знаете, что она говорила? «Руфь, не хлебом единым жив человек».

Иногда к нам в день заходило по десять-пятнадцать бродяг. Но они всегда предлагали что-нибудь сделать, старались отработать обед. Не то что эти нынешние. И листья убирали во дворе, и дорожки подметали. Тетя Иджи давала им какую-нибудь работу, чтобы они не чувствовали себя нахлебниками. Даже разрешала им посидеть со мной, мол, пусть им кажется, будто они помогают. И почти все они были хорошими ребятами, просто удача от них отвернулась. А самым большим другом тети Иджи был старый бродяга Смоки Одиночка. Господи, да ему можно было доверить собственную жизнь! Ни разу чужого не взял.

У этих безработных был свой кодекс чести. Смоки рассказывал, что как-то раз они поймали бродягу, который украл в одном доме не то серебряные вилки, не то ложки. Так они его убили, а серебро вернули хозяевам. Мы тогда даже двери не запирали. Эти, новые, что бродят теперь по дорогам, совсем из другого теста. Лоботрясы да наркоманы, и слепого обворуют. Но у тети Иджи ни единой вещички не пропало. — Он засмеялся. — А может, все дело было в револьвере, который она хранила под кроватью. Крепкая была женщина, как каленое железо, правда, Пегги?

Пегги крикнула из кухни:

— Да нет, я бы сказала — покрепче.

— Конечно, чаще это была просто игра на зрителя, но она могла и всерьез расхулиганиться. У неё была давнишняя вражда с одним старым проповедником из баптистской церкви, где мама преподавала в воскресной школе. Ох и доставалось же ему! Он был трезвенником и однажды в воскресной проповеди прошелся насчет её подруги Евы Бейтс. Вы бы видели, как разозлилась тетя Иджи! До конца своих дней не простила ему этого. Когда в город приезжал какой-нибудь бездельник, которому позарез

нужно было виски, она отводила его за кафе, показывала на дом преподобного Скроггинса и говорила: «Видите вон тот зеленый домик? Идите туда и постучите в дверь. Хозяин — лучший самогонщик в штате». Но это не все... Она посылала туда и других обормотов, которые кой-чего другого искали.

Из кухни вышла Пегги и села рядом с ним.

— Культяшка, хватит трепаться!

Он засмеялся:

— А что, я серьезно. Вечно она ему всякие пакости устраивала. Ей просто нравилось, чтобы люди думали о ней плохо. А на самом деле она была мягкой, как зефир. Вот, например, когда Бобби Ли, сына этого проповедника, арестовали, как вы думаете, кому он позвонил? Ей и больше никому. Попросил, чтобы приехала и вытащила его из участка.

Этот Бобби Ли с двумя не то тремя друзьями поперся в Бирмингем и наклюкался до такой степени, что стал бегать по улицам в исподнем, а потом начал кидать с седьмого этажа бутылки из-под воды. Только в эти бутылки Бобби Ли наливал не воду, а чернила, и одну уронил на жену члена муниципального совета, как раз когда она направлялась в отель на вечеринку.

Тете Иджи стоило двести долларов отмазать его от тюрьмы и ещё двести, чтобы имя Бобби вычеркнули из протоколов, и у него не было привода в полицию, и папаша ничего не узнал. Я ездил тогда с ней и помню, что она сказала Бобби, когда мы вернулись домой. «Если хоть кому-нибудь проболтаешься о том, что я сделала, отстрелю тебе сам знаешь что». Она бы не пережила, если б кто узнал, что она совершила добрый поступок, тем более ради сына проповедника.

Да и вся эта компашка из клуба «Маринованный огурец» была вроде нее. Они много хорошего делали, и никто об этом не догадывался. Но самое смешное в этой истории было то, что Бобби Ли стал известным адвокатом, а потом и генеральным прокурором штата.

Дочь Культяшки Норма принялась убирать со стола посуду.

— Папа, расскажи им про Железнодорожного Билла.

Линда бросила на мать недовольный взгляд. Культяшка усмехнулся:

— Про Железнодорожного Билла? Бог ты мой, неужели вы хотите послушать про Билла?

Парень, которому хотелось только одного — поскорей утащить Линду в какое-нибудь укромное местечко, нехотя сказал:

— Да, сэр, я с удовольствием послушаю.

Мак улыбнулся жене. Они эту историю слышали раз сто и знали, что

Культияшка обожает её рассказывать.

— Ну хорошо, тогда слушайте. Это было во время Великой депрессии. Один человек, которого прозвали Железнодорожным Биллом, повадился каким-то образом забираться в поезда с правительственными запасами и сбрасывать цветным продукты. И его ни разу не поймали — он всегда ухитрялся спрыгнуть до того, как его засекут. Так продолжалось несколько лет, и скоро цветные стали придумывать про него всякие небылицы. Божились, что однажды видели, как он превратился в лису и пробежал двадцать миль по забору с колючей проволокой. Еще они уверяли, что он носит длинное черное пальто и черный чулок на голове. Даже песню про него сочинили. Сипси говорила, что каждое воскресенье они молятся за Железнодорожного Билла, чтобы Бог его защитил.

Железная дорога назначила за его голову огромную награду, но в Полустанке не нашлось ни одного предателя, его никто не выдал, даже если и догадывался, кто он такой. Все только удивлялись и строили разные догадки.

Я почему-то решил, что Железнодорожный Билл — это Артис Пиви, сын нашего повара. Он был примерно такого же роста и быстрый, как молния. Я день и ночь ходил за ним по пятам, но так и не застукал. Мне было тогда лет девять-десять, и я бы отдал все на свете, лишь бы увидеть его в действии.

Помню, однажды рано утром, светло уже было, мне приспичило в туалет. Я ещё толком не проснулся, и когда подошел к ванной комнате, там были мама и тетя Иджи, а в раковину лилась вода. Мама посмотрела на меня и сказала: «Подожди минутку, милый». И захлопнула дверь перед моим носом.

Ну я, конечно, давай хныкать: скорей, мам, я не могу ждать — сами знаете, как это бывает у детей. Я слышал, как они разговаривали, а потом вышли, и тетя Иджи вытирала полотенцем лицо и руки. Когда я зашел в ванную, раковина была грязной от угольной пыли, а на полу за дверью валялся черный чулок — маска!

И тут до меня дошло, почему они вечно шушукаются со стариком Грэди Килгором, железнодорожным детективом. Он просвещал их о расписании продуктовых поездов... А моя тетя Иджи грабила их все эти годы.

Линда спросила:

— Дедушка, а ты в этом уверен?

— Конечно. Твоя тетя Иджи как только не сходила с ума! — Он повернулся к Маку. — А я тебе когда-нибудь рассказывал, что она учудила,

когда Уилбур и Дот Уимс поженились? Как они съездили на медовый месяц в Бирмингем?

— Да нет вроде бы, не припомню.

— Культяшка, стоит ли при детях? — осторожно спросила Пегги.

— Да брось ты, все нормально. В общем, старина Уилбур был членом клуба «Маринованный огурец», и прямо после свадьбы тетя Иджи и вся их компания сели в машину и покатали в Бирмингем. Там они подкупили администратора в отеле, чтобы впустил их в номер люкс, который Уилбур снял для медового месяца, и разложили на кровати все эти смешные штучки... Бог ты мой, чего там только не было!

— Культяшка! — строго сказала Пегги.

Он засмеялся:

— Ладно, черт, я точно не знаю, что там было. В общем, сели они в машину и укатали домой, а когда молодожены вернулись из Бирмингема, Уилбура спросили, как ему понравился его номер люкс в «Рэдмонде». И тут выяснилось, что они перепутали отель и до смерти перепугали какую-то пару молодоженов.

Пегги укоризненно покачала головой:

— Ну вы можете себе такое представить?

Норма высунула голову из кухни:

— Пап, расскажи им, как ты ловил зубаток в Уорриор-ривер.

Культяшка прямо загорелся:

— Ну ладно. Вы не поверите, какие огромные были эти зубатки. Помню, однажды шел дождь, и у меня так сильно клюнуло, что я слетел с берега. Мне пришлось сражаться с этой рыбиной, а то она утащила бы меня в реку. Сверкали молнии, а я изо всех сил боролся за жизнь и часа через четыре выудил-таки эту сумасшедшую громадину из воды. И надо вам сказать, весила она фунтов двадцать, а то и больше, и была вот такой длины!..

Культяшка развел единственной рукой.

Будущий тощий мануальный терапевт сидел с идиотским лицом, пытаясь представить себе огромную зубатку.

Линда сердито хлопнула ладонями по бедрам:

— Ну, дедушка, ты даешь!

Из кухни послышалось сдавленное хихиканье Нормы.

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
28 сентября 1986 г.*

Сегодня у них был богатый выбор: кока-кола и картофельные чипсы, а на десерт — фиги, специально по заказу миссис Тредгуд. Она объяснила Эвелин, что миссис Отис съедает по три штуки в день, чтобы поддерживать пищеварение.

— Лично я их ем потому, что люблю. Но я вам скажу, что на самом деле вкусно. Дома, когда я была не в настроении готовить, я отправлялась в лавку Осии, покупала пакет маленьких золотисто — коричневых булочек и поливала их кленовым сиропом, это и был мой обед. Это совсем недорого. Попробуйте как-нибудь, очень советую.

— Нет, это я вам скажу, что на самом деле вкусно, миссис Тредгуд. Медовые пончики.

— Медовые?

— Ага. По вкусу напоминают булочки с корицей. Ну вы знаете.

— Да, с корицей я обожаю. Давайте как-нибудь поедем их, ладно?

— Хорошо.

— Знаете, Эвелин, я так рада, что вы больше не сидите на диете. Эта сырая пища вас рано или поздно прикончила бы. Мне не хотелось вам этого говорить, но миссис Эдкок едва не померла, когда села на какую-то диету для похудения. Она ела столько сырых продуктов, что угодила в больницу с острой резью в желудке и её пришлось срочно оперировать. Она рассказывала мне, что когда врач ковырялся у неё внутри, то вытащил печень, чтобы как следует её рассмотреть, и уронил на пол. И, представляете, эта печень подпрыгнула раз пять или шесть, прежде чем её удалось поймать. Миссис Эдкок жаловалась, что с тех пор у неё ужасно болит спина.

— Ох, миссис Тредгуд, неужели вы ей поверили?

— Ну, дорогая, она сама рассказала мне об этом вчера за обедом.

— Да она просто выдумала. У человека печень соединена с телом.

— Ну, может, она чего и напутала, может, это и не печень была, а что-то другое, но я на вашем месте ела бы поменьше этой сырятины.

— Хорошо, миссис Тредгуд, раз вы говорите... — Эвелин откусила кусочек картофельного чипса. — Я вас вот о чем хотела спросить. Вы, как-то сказали, что люди думали, будто Иджи убила человека. Или мне слышалось?

— Нет, милочка, многие действительно думали, что это так. Особенно когда её и Большого Джорджа судили в Джорджии за убийство.

Эвелин ахнула:

— Судили?

— Да разве я вам не говорила?

— Нет. Ни разу.

— Это было ужасно! Как сейчас помню то утро. Я мыла посуду и слушала радио, когда к нам зашел Грэди Килгор и позвал Клео. У него было такое лицо, будто кто-то умер. Он сказал: «Клео, я с большим удовольствием дал бы отрезать свою правую руку, лишь бы не делать этого, но мне поручено арестовать Иджи и Большого Джорджа, и я прошу тебя пойти со мной».

Знаете, ведь Иджи была его лучшим другом, и ему действительно легче было умереть. Он признался Клео, что мог бы послать любого полицейского, но при мысли, что Иджи придет арестовывать кто-то чужой, ему становилось совсем тошно.

Клео сказал: «Господи Боже мой, Грэди, да что она натворила?» А он ответил, что её и Большого Джорджа подозревают в убийстве Фрэнка Беннета в тридцатом году. А мы даже не знали, умер он, или просто исчез, или ещё что.

Эвелин спросила:

— А почему они решили, что это сделали Иджи и Большой Джордж?

— Ну, вроде бы они раза два угрожали, что убьют Фрэнка, и в полиции в Джорджии имелась об этом запись, поэтому, когда нашли грузовик, их сразу взяли под стражу...

— Какой грузовик?

— Фрэнка Беннета. Искали в реке его тело, а нашли грузовик недалеко от заведения Евы Бейтс. Вот почему они узнали, что в тридцатом году Фрэнк был около Полустанка.

Грэди просто лопался от злости, что какому-то кретину пришло в голову позвонить в Джорджию и навести их на след. Руфь к тому времени уже восемь лет как умерла, Культяшка с Пегги поженились и переехали в Алабаму, значит, шел пятьдесят пятый или пятьдесят шестой год.

На следующий день Грэди отвез Иджи и Большого Джорджа в Джорджию, и Сипси тоже с ними поехала. Не смогли её отговорить. Иджи никому больше не велела с ней ехать, и мы все остались дома ждать.

Грэди постарался не поднимать шума. В городе об этом не болтали, даже те, кто был в курсе. Дот Уимс знала, но не напечатала в газете ни слова.

Помню, ту неделю, пока шел суд, мы с Альбертом жили в Трутвилле с Онзеллой, которая совсем потеряла голову от ужаса. Ведь если бы Большого Джорджа признали виновным в убийстве белого человека, он бы наверняка угодил на электрический стул, прямо как мистер Пегий.

В этот момент вошла медсестра Джинин и подсела к ним выкурить сигаретку и перевести дух.

— Джинин, это моя подруга Эвелин, — сказала миссис Тредгуд. — Помнишь, я тебе рассказывала про нее? Ну что она тяжело переносит климакс.

— Здравствуйте, — сказала Эвелин.

— Здравствуйте, — приветливо кивнула Джинин.

И миссис Тредгуд завела с Джинин бесконечный разговор о том, как, по её мнению, Эвелин прекрасно выглядит, и не кажется ли Джинин, что Эвелин стоит попробовать рекламировать косметику «Мэри Кэй».

Эвелин надеялась, что Джинин скоро уйдет, и миссис Тредгуд расскажет ей, чем кончилось дело, но так и не дождалась. И когда за ней зашел Эд, она расстроилась, поскольку теперь придется ждать целую неделю, чтобы узнать, как прошел суд. Когда медсестра наконец ушла, Эвелин сказала:

— Так не забудьте, где вы остановились.

Миссис Тредгуд посмотрела на неё недоуменно:

— Остановилась? А-а, вы имеете в виду «Мэри Кей»?

— Да нет же! Суд.

— Ах, ну да. Это было что-то!

ОКРУЖНОЙ СУД

Валдоста, штат Джорджия

24 июля 1955 г.

Надвигалась гроза, в зале суда было душно и жарко. Иджи оглядывала зал, по спине у неё бежал пот. Ее адвокат Ральф Рут, приятель Грэди, ослабил галстук и шумно вздохнул.

Шел третий день заседаний, все мужчины, присутствовавшие в парикмахерской в тот день, когда Иджи угрожала убить Фрэнка Беннета, были уже опрошены. Свидетельское место занял Джейк Бокс.

Она снова оглядела зал. Где же Смоки Одиночка? Где его черти носят?

Грэди послал ему записку, что Иджи попала в беду и просит его приехать. Не иначе как что-то случилось. Он давно должен быть здесь. Иджи забеспокоилась: да жив ли он вообще?

В эту минуту Джейк Бокс указал на Большого Джорджа и сказал:

— Вот он. Тот, который шел на Фрэнка с ножом, а эта женщина была с ним.

Публика зашумела от возмущения — ещё бы, черный посмел угрожать белому человеку! Грэди Килгор нервно заерзал на стуле. Сипси, единственная, кроме обвиняемого, чернокожая в этом зале, стояла на балконе и молилась за свое дитя, хотя ему перевалило уже за шестьдесят.

Даже не потрудившись допросить Большого Джорджа, обвинитель направился прямым к Иджи. Она встала.

— Вы знали Фрэнка Беннета?

— Нет, сэр.

— Вы уверены в этом?

— Да, сэр.

— То есть вы утверждаете, что не были знакомы с человеком, чья жена Руфь Беннет в течение восемнадцати лет была вашим деловым партнером?

— Совершенно верно.

Он повернулся к присяжным и засунул большие пальцы за жилетку.

— То есть вы хотите сказать, что в августе тысяча девятьсот двадцать восьмого года вы не заходили в парикмахерскую в Валдосте и не вели разговора на повышенных тонах, угрожая смертью Фрэнку Беннету, человеку, которого вы, по вашим словам, не знали?

— Нет, я была там. Я думала, вы хотите узнать, были ли мы знакомы. Нет, я не была с ним знакома. Да, я грозила его убить, но мы никогда не были, как говорится, представлены друг другу.

Несколько зрителей, которые недолюбливали напыщенного прокурора, засмеялись.

— Итак, другими словами, вы признаете, что угрожали жизни Фрэнка Беннета?

— Да, сэр.

— А правда ли, что вы вместе с вашим негром посетили Джорджию в сентябре тысяча девятьсот двадцать восьмого и уехали, забрав с собой жену Фрэнка Беннета и его ребенка?

— Только его жену, ребенок появился позже.

— На сколько позже?

— Как обычно, через девять месяцев.

В зале снова засмеялись. Брат Фрэнка Джеральд, сидевший в первом

ряду, не сводил с неё глаз.

— Правда ли то, что вы дурно отзывались о характере Фрэнка Беннета в разговорах с его женой и склонили её к мысли, что его моральные устои намного ниже признанных обществом? Вы внушали ей, что он ей не подходит как муж?

— Нет, сэр, она и без меня это знала.

В зале опять послышался смех. Обвинитель начал злиться.

— Вы заставили её поехать в Алабаму, угрожая ножом? Отвечайте, да или нет?

— А никакого ножа и не понадобилось. Она уже ждала нас с вещами.

Он сделал вид, что не слышал последней фразы.

— Правда ли, что Фрэнк Беннет приезжал в Полустанок, штат Алабама, и пытался вернуть то, что принадлежало ему по праву — свою жену и малютку-сына, — и что вы с вашим негром убили его, дабы предотвратить возвращение Руфи Джемисон в лоно счастливой семьи и воспрепятствовать обретению сыном отца?

— Нет, сэр.

Этот крупный мужчина с гордо выпяченной грудью, казалось, не слышал её слов — его несло.

— Осознаете ли вы, что своим вторжением опустошили самое святое на этой земле — христианский дом с матерью, отцом и возлюбленным чадом? Что разрушили самое интимное и священное — брак между мужчиной и женщиной, брак, освященный самим Господом Богом нашим в баптистской церкви в Валдосте первого ноября тысяча девятьсот двадцать четвертого года? Что вы стали причиной того, что добрая христианка нарушила Божий закон и слово, данное пред алтарем мужу своему?

— Нет, сэр.

— Полагаю, вы сбили с толку бедную слабую женщину обещаниями денег или напоили её до бесчувствия и на какой-то момент она потеряла над собой контроль, а когда муж приехал забрать её домой, не вы ли с вашим негром хладнокровно убили его? — Он повернулся и крикнул ей прямо в лицо: — Где вы были ночью тринадцатого декабря тысяча девятьсот тридцатого года?

Иджи прошиб холодный пот.

— Сэр, я была в доме моей матери в Полустанке.

— Кто ещё был с вами?

— Руфь Джемисон и Большой Джордж. Он той ночью был с нами.

— Руфь Джемисон может это подтвердить?

— Нет, сэр.

- Почему?
- Она умерла восемь лет назад.
- А ваша мать?
- Она тоже умерла.

Казалось, прокурор вернулся на землю. Он постоял секунду, покачиваясь на носках, и снова повернулся к присяжным.

— Итак, мисс Тредгуд, вы полагаете, что двенадцать образованных людей поверят вам, несмотря на то, что два ваших свидетеля мертвы, а третий, ваш работник, который был с вами в день похищения Руфи Джемисон из родного дома, — всего лишь дрянной и лживый ниггер? И вы осмеливаетесь просить этих достойнейших людей взять и поверить вам на слово?

Конечно, Иджи нервничала, и все же прокурору не стоило обзывать Большого Джорджа такими словами.

— Вот именно, ты, тупорылый, слюнявый, толстожопый ублюдок!

Зал взорвался, а судья принялся изо всех сил стучать молотком.

Большой Джордж, стараясь перекрыть шумевших зрителей, умолял её не сопротивляться, но она твердо решила обеспечить ему алиби на ту злосчастную ночь. Иджи понимала, что она — его единственная надежда. У нее, белой женщины, куда больше шансов выйти сухой из воды, чем у Джорджа, особенно если его алиби основано всего лишь на показаниях другого негра. Нет, она никогда не допустит, чтобы Большой Джордж сел в тюрьму, даже если от этого будет зависеть её жизнь.

Суд был настроен враждебно к Иджи, и когда в последний день заседания в зал торопливо вошел свидетель, которого Иджи никак не ожидала видеть, она решила, что ей крышка. Он шествовал между рядами, весь из себя набожный, благочестивый, дальше некуда... её старый заклятый враг, человек, которого она изводила годами.

Все, теперь мне конец, подумала она.

— Пожалуйста, назовите ваше имя.

— Преподобный Герберт Скроггинс.

— Чем вы занимаетесь?

— Я проповедник баптистской церкви Полустанка.

— Положите правую руку на Библию.

— Спасибо, я принес свою. — И, важно положив руку на собственную Библию, преподобный Скроггинс поклялся говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, и да поможет ему Бог.

Иджи была окончательно сбита с толку. Неужели это её адвокат додумался пригласить Скроггинса? Почему он не посоветовался с ней? Она

бы растолковала ему, что этот человек никогда в жизни ничего хорошего про неё не скажет. Но теперь слишком поздно, он уже стоял на свидетельском месте.

— Преподобный Скроггинс, не могли бы вы поведать суду, почему вы мне позвонили и что рассказали вчера вечером?

Преподобный откашлялся.

— Да, могу. Я прибыл сообщить уважаемому суду некоторые сведения относительно местонахождения Иджи Тредгуд и Джорджа Пульмана Пиви в ночь на тринадцатое декабря тысяча девятьсот тридцатого года.

— Находились ли она и её негр в тот вечер в доме её матери, как было доложено суду ранее?

— Нет, их там не было.

О, черт! — подумала Иджи. Адвокат настаивал:

— Означает ли это, преподобный Скроггинс, что она солгала насчет своего местонахождения в тот вечер?

Проповедник поджал губы.

— Ну, сэр, как христианин я не могу с уверенностью утверждать, что она лгала. Я думаю, тут дело в другом: она просто перепутала даты. — Он открыл Библию в самом конце и принялся искать нужные страницы. — У меня есть привычка записывать в конце Библии даты наших церковных собраний, и недавно, проглядывая свои записи, я обнаружил, что как раз вечером тринадцатого декабря начались наши ежегодные молитвенные собрания в загородном баптистском лагере. И сестра Тредгуд была там со своим работником Джорджем Пиви, который занимался буфетом. Хочу заметить, что он это делает каждый год последние двадцать лет.

Обвинитель вскочил с места:

— Возражаю! Это ничего не доказывает! Убийство могло произойти и через день-два после этого.

Преподобный Скроггинс посмотрел на него исподлобья и обернулся к судье:

— В том-то и дело, ваша честь, что наши собрания всегда длятся три дня и три ночи.

— И вы абсолютно уверены, — спросил адвокат, — что мисс Тредгуд там присутствовала?

Преподобный Скроггинс, казалось, был несколько удивлен, что кто-то мог усомниться в его словах.

— Ну, разумеется. — Он повернулся к присяжным: — Мисс Тредгуд никогда не пропускает наших собраний, и к тому же она солистка церковного хора.

Первый раз в жизни Иджи была так смущена, растеряна и обескуражена. Она не знала, что и думать. Все эти годы члены клуба «Маринованный огурец» вали напропалую и рассказывали небылицы, пребывая в полной уверенности, что никто на белом свете не сможет их перещеголять, а преподобный Скроггинс за какие-то пять минут умудрился положить их на обе лопатки. Его слова звучали настолько убедительно, что Иджи и сама едва не поверила ему.

— Более того, прихожане нашей церкви настолько высоко ценят сестру Тредгуд, что все они приехали сюда в автобусе, чтобы выступить в её защиту.

При этих словах дверь зала отворилась, и проход заполнила самая невероятная публика, какую только Господь Бог мог собрать вместе: Смоки Одиночка, Джимми Шишка Хэррис, Эл Заноза в Брюхе, Кривой Саккет, Элмо Уильямс Клякса, Долгоносик Джейк, Бородавочник Билли и так далее. Все как один подстриженные в салоне Опал и во взятых напрокат костюмах — небольшая горстка той толпы безработных бродяг, которых Иджи и Руфь кормили в годы депрессии. Смоки подросел как раз вовремя.

Один за другим они выходили на свидетельское место и припоминали до мельчайших подробностей ход молитвенного собрания, которое состоялось под тентом на берегу реки в декабре 1930 года. Последней была Ева Бейтс — с сумочкой и в шляпе, украшенной цветами. Она едва не разбила сердце присяжным своим трогательным рассказом о том, как сестра Тредгуд подошла к ней в первую ночь молитвенного служения и сказала, что Господь вошел в её душу благодаря вдохновенной проповеди преподобного Скроггинса, направленной против плотских утех и зла, приносимого алкоголем.

Маленький, сухопарый судья с тощей шеей даже не обратился к присяжным с просьбой огласить приговор. Он стукнул своим молотком и сказал обвинителю:

— Сдается мне, Перси, что твои шансы равны нулю. Во-первых, тело не найдено. Во-вторых, у нас есть свидетели, показания которых никто не собирается оспаривать. А что есть у тебя? Да ничего. Я так думаю, что этот Фрэнк Беннет напился и утонул. И его давно съели рыбы. А это можно расценить как смерть в результате несчастного случая. Вот так-то! — Он ещё раз стукнул молотком и торжественно объявил: — Судебное заседание объявляется закрытым.

Сипси пустилась в пляс на балконе, а Грэди облегченно вздохнул.

Судья, достопочтенный Кертис Смут, великолепно знал, что в середине декабря никаких трехдневных молитвенных собраний под тентом не было

и быть не могло, а со своего места прекрасно видел, что книга, на которой поклялся преподобный Скроггинс, была отнюдь не Библией. И уж конечно, он не поверил свидетельским показаниям этой оравы умытых и принаряженных забулдыг. Но две недели назад умерла его дочь, не успев состариться и прожив собачью жизнь на городской окраине, а все из-за Фрэнка Беннета. Вот почему судье было глубоко безразлично, кто уколошил этого сукиного сына.

Преподобный Скроггинс подошел к Иджи и пожал ей руку.

— Увидимся в воскресенье в церкви, сестра Тредгуд. — Он подмигнул ей и вышел.

Его сын Бобби, узнав о суде, позвонил отцу и рассказал, как Иджи спасла его от тюрьмы. И Скроггинс, которого Иджи так изводила на протяжении многих лет, тут же помчался её выручать.

Иджи была настолько смущена его поступком, что долго не могла выдать из себя ни слова. Однако по дороге домой она сказала:

— Вот что я подумала... Не представляю, что хуже — сесть в тюрьму или до конца жизни быть благодарной священнику.

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»

*Старое шоссе Монтгомери,
9 октября 1986 г.*

Сегодня Эвелин не терпелось поскорее попасть в приют, и она всю дорогу подгоняла Эда. Как всегда, она зашла к свекрови и хотела угостить её медовыми пончиками, и та, как всегда, отказалась:

«Если я это съем, то потом буду блевать как собака. Прямо в голове не укладывается, как ты можешь жрать такую приторную дрянь».

Эвелин извинилась и поспешила вниз, в зал для посетителей. Миссис Тредгуд, в платье с ярко-зелеными цветами, увидев её, воскликнула:

— С Новым годом!

Эвелин села рядом с ней в полном недоумении.

— Дорогая, но до Нового года целых три месяца. Еще и Рождество не справляли.

— Я знаю, — засмеялась миссис Тредгуд. — Просто я подумала, может, чуть-чуть поторопим время? Хоть повеселимся немножко. Все эти старики такие мрачные ходят, бормочут что-то ужасное.

Эвелин вручила миссис Тредгуд гостинец.

— Ой, Эвелин, неужели медовые пончики?

— Они самые. Помните, я вам про них говорила.

— Какие замечательные! — Старушка взяла пончик. — Вот спасибо, милочка. А вы никогда не пробовали пончики с кремом? Они такие легкие, прямо воздушные. Я всегда говорила Клео: «Если будешь проходить мимо кондитерской, прихвати нам с Альбертом дюжину пончиков — шесть глазированных с кремом и шесть с джемом». А ещё я люблю такие плетеные, знаете, как косичка. Забыла, как они называются.

Эвелин не вытерпела:

— Миссис Тредгуд, ну рассказывайте про суд.

— Вы имеете в виду суд над Иджи и Большим Джорджем?

— Да.

— Ну это действительно было что-то невероятное. Помню, мы тогда перепугались до смерти. Думали — все, они никогда больше домой не вернутся, но в конце концов их признали невиновными. Клео говорил, будто они представили доказательства, что на момент совершения преступления находились в другом месте и у них просто не было физической возможности это сделать. А ещё он сказал, что Иджи держалась молодцом, потому, что хотела защитить другого человека.

Эвелин задумалась.

— А кто ещё мог желать смерти Фрэнку?

— Ну-у, милочка, не важно, кто мог желать, важно кто убил. Вот в чем вопрос. Одни говорили, что это сделал Смоки Одиночка, другие — что это дело рук Евы Бейтс и её дружков с реки. Прости меня Господи, но там ведь собирался довольно грубый народец, да и все члены клуба «Маринованный огурец» горой друг за дружку стояли, так что Бог их знает. И потом, конечно... — миссис Тредгуд помолчала, — там ведь ещё и Руфь была.

Эвелин удивилась:

— Руфь? А где была Руфь в ночь убийства? Ведь кто-то это знал?

Миссис Тредгуд покачала головой:

— В том-то и дело, милочка, что никто ничего наверняка не знал. Иджи говорила, что они с Руфью были в доме мамы Тредгуд, она тогда болела. И я ей верю. Но некоторые не верят. Я знаю только одно: Иджи скорее умерла бы, чем позволила запятнать имя Руфи убийством.

— Так нашли убийцу или нет?

— Нет, милая, так и не нашли.

— Ну ладно, если Иджи и Большой Джордж не виновны, то кто же, по-вашему, это мог сделать?

— Чего не знаю, того не знаю.
— И вам не хотелось узнать правду?
— Ну конечно хотелось бы, кому ж не хочется? Это одна из самых больших загадок. Но этого никто никогда не узнает, милочка, за исключением разве что убийцы Фрэнка Беннета и самого Фрэнка Беннета. Знаете, как говорится, — мертвый не выдаст.

МИССИЯ СПАСЕНИЯ ДЖИММИ ХЭТЧЕРА

*23-я авеню, 345, Бирмингем, штат Алабама
23 января 1969 г.*

Смоки Одиночка сидел в миссии^[30] на краешке железной кровати и заходил в кашле от первой утренней сигареты. После того как закрылось кафе, Смоки долго болтался по стране, пока не устроился поваром в бирмингемской придорожной забегаловке, однако пил без продыха, поэтому его скоро выгнали.

Через две недели, когда Смоки околевал от холода под виадуком на Шестнадцатой улице, его подобрал брат Джимми и привел в миссию. Он был слишком стар, чтобы и дальше вести бродячую жизнь, здоровье у него стало совсем никудышное, да и зубы почти все выпали. Но брат Джимми с женой отмыли его, подкормили, и Смоки почувствовал себя в этом приюте почти как дома — впервые за последние пятнадцать лет.

Брат Джимми сам когда-то был горазд на выпивку, но, проделав долгий путь от бутылки виски к Иисусу, решил посвятить жизнь спасению таких же бедолаг.

Он приставил Смоки к кухне. Ели они, главным образом, замороженные продукты, которые им жертвовали доброхоты, — в основном рыбные палочки да картофельное пюре быстрого приготовления. Но никто не жаловался.

Когда Смоки не был пьян или занят на кухне, он торчал наверху, пил кофе и играл в карты с другими обитателями миссии. Он много чего насмотрелся там. Например, человек с единственным пальцем на руке встретил тут своего сына, которого не видел со дня его рождения. Отец и сын — от обоих отвернулась удача, и обоих занесло ветром в одно и то же место. Он встречал здесь преуспевавших некогда врачей, адвокатов и даже бывшего сенатора от штата Мэриленд.

Однажды Смоки спросил у Джимми:

— Как эти люди могли так опуститься?

— Я думаю, от разочарования, — ответил Джимми. — Обычно все дело в женщине. Кто-то её потерял, а кто-то так за всю жизнь и не нашел. Вот и несет человека под горку. Ну и конечно, виски многих на крючок ловит. Но я уже давно наблюдаю, как люди приходят сюда и уходят, и могу точно сказать: разочарование — вот что чаще всего губит.

Полгода тому назад Джимми умер. Центр города перестраивали, и миссия подлежала сносу. Скоро Смоки опять собираться в путь. Куда, он пока не знал...

Он спустился вниз и вышел на улицу. День был морозным и ясным, а небо — ярко-синим, и Смоки захотелось пройтись.

Он миновал закусочную Гаса, прогулялся по Шестнадцатой улице, оставил позади старую сортировочную станцию и пошел вдоль железнодорожных путей, пока не обнаружил, что ноги несут его к Полустанку.

Он был и остался безработным бродягой, скитальцем, рыцарем дорог, которому судьба даровала сплошные потери, потери, и больше ничего. Свободный и безмятежный, он смотрел, как падают звезды, стоя в проемах товарных вагонов бегущих в ночи поездов. Он судил о благосостоянии страны по величине окурков, подобранных на обочине. Он вдыхал вольный ветер от Алабамы до Орегона. Чего только он не насмотрелся, чем только не занимался — одинокий бродяга, свободный от всех и вся. Еще один лоботряс без рода и племени, ещё один беспробудный пьяница. Но он, Смоки Джим Филлипс, вечный неудачник, любил только одну женщину и хранил ей верность всю свою жизнь.

Да, он спал со многими шлюхами в грязных притонах, под кустами, в разбитых вагонах, но ни одну из них он не смог полюбить. Она всегда была для него единственной и неповторимой.

Он полюбил её в ту же секунду, когда увидел за стойкой кафе в том клетчатом платье, — полюбил навсегда. Он любил её, когда ему было тошно жить, когда он блевал на задворках какой-то пивнушки, когда полумертвый валялся в ночлежке среди доходяг с открытыми язвами, которые металась в бреду белой горячки и отбивались от воображаемых насекомых и крыс. Он любил её, кашляя по ночам под ледяным дождем, когда из теплых одежек на нем оставались только прохудившаяся шляпа да башмаки, размокшие и неподъемные, как два утюга. И когда в госпитале для ветеранов у него отхватили легкое, и когда псина выдрала у него здоровенный кусок мяса из лодыжки, и на рождественском обеде Армии

спасения в Сан-Франциско, где незнакомые люди хлопали его по плечу и угощали подгоревшей индейкой и сигаретами.

Он и в миссии спасения любил её каждую ночь, лежа на тощем матрасе из какой-то давно закрытой больницы, глядя на мигающие неоновые буквы: «ИИСУС СПАСЕТ ВАС» и слушая шум попойки на первом этаже, звон бьющихся бутылок и крики со двора: «Пустите погреться, пустите!» Каждый раз, когда его сердце сжимала тоска, он закрывал глаза, снова входил в кафе и видел: вот она стоит, улыбается ему.

Перед ним мелькали беспорядочные картины: Руфь хохочет над Иджи... Руфь за стойкой обнимает Культяшку, откидывает волосы со лба... Руфь беспокоится, когда ему плохо...

Смоки, возьми ещё одно одеяло. Сегодня, говорят, будет холодно. Смоки, ну зачем ты все время уезжаешь, мы так волнуемся, когда тебя нет.

Он ни разу до неё не дотронулся, разве что иногда пожимал руку. Ни разу не обнял её, не поцеловал. Но только ей одной хранил он верность. Ради неё он мог убить, потому что она была из тех женщин, ради которых убивают. Мысль, что кто-то или что-то могло причинить ей боль, вызывала у него спазмы в животе.

За всю жизнь он украл только один раз — фотографию Руфи, сделанную в день открытия кафе. Она стояла у входа, держа ребенка на одной руке, а другой прикрывала от солнца глаза. Этот снимок путешествовал с ним по городам и весям в конверте, приколотом булавкой к изнанке рубахи, чтобы, не дай Бог, не потерять.

И даже после смерти она жила в его сердце. Для него она никогда не умрет. Забавно: за столько лет она так и не догадалась. Иджи знала, конечно, но молчала. Она была не из тех, кто заставит тебя стыдиться любви, но она знала.

Как она старалась разыскать его, когда заболела Руфь, но он мотался черт-те где в товарных вагонах. Когда он вернулся, Иджи повела его туда. Каждый понимал, что творится в душе другого. Они как будто вместе её оплакивали. Но не вслух. Кто сильнее страдает, тот меньше об этом говорит.

РУФЬ ДЖЕМИСОН

1898–1947

БОГ ВЕДАЛ, ЧТО ТВОРИЛ,

КОГДА ПРИЗВАЛ ЕЕ В ДОМ СВОЙ

Четверг, 26 января 1969, страница 38

СМЕРТЬ ОТ ХОЛОДА

Рано утром в среду около железнодорожных путей, в миле к югу от Полустанка, обнаружен труп. Как установлено, тело принадлежит белому мужчине примерно 75 лет. Несчастный, на котором были только рабочие брюки и легкий пиджак, очевидно, скончался ночью от переохлаждения. На теле не найдено никаких документов, кроме женской фотографии. Похоже, этот человек был бродягой.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

*«Бюллетень Полустанка»
9 декабря 1956 г.*

ПОЧТА ЗАКРЫВАЕТСЯ

Наше кафе закрылось, салон красоты — тоже; кажется, настал и мой черед. Почта скоро перестанет работать, и всю корреспонденцию будут пересылать в почтовое отделение в Гейт-сити. Что и говорить, печальные времена для меня наступают. Но мне все ещё нужны свежие новости, так что звоните или приносите их домой или передавайте моей дражайшей половине, если наткнетесь на него в городе.

С тех пор как Эсси Ру получила место органистки в кинотеатре «Дримлэнд Роллер Ринк» в Северном Бирмингеме, они с мужем Билли надумали переехать туда. Но я надеюсь, что они никуда не уедут. Ведь после того, как нас покинули Джулиан и Опал, от нашей старой компании осталась лишь я, Нинни Тредгуд и Бидди Луис Отис.

С сожалением сообщая, что на этой неделе кто-то залез в дом миссис Эдкок и украл всех фарфоровых птичек из серванта, да и в буфете кое-чего недосчитались.

Но это ещё не все. Я ездила на кладбище положить цветы на мамину

могилку, и, представляете, кто-то умудрился стянуть у меня сумочку прямо из машины. Что и говорить, времена нынче не те. Просто любопытно, кто до этого мог додуматься?

Кстати, что может быть печальнее детских игрушек на могиле?

Дот Уимс

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ «РОЗОВАЯ ТЕРРАСА»
--

*Старое шоссе Монтгомери,
Бирмингем, штат Алабама
12 октября 1986 г.*

Сегодня Эвелин встала чуть свет и сразу побежала на кухню готовить для миссис Тредгуд угощение. Перед уходом она разогрела его прямо на блюде, завернула в фольгу и положила в сумку-термос, чтобы не остыло. И снова она всю дорогу поторапливала Эда.

Старушка ждала её на своем обычном месте. Эвелин попросила её закрыть глаза и принялась разворачивать блюдо. Потом она налила из бутылки мятного чая со льдом и сказала:

— Ну вот и готово. Можете смотреть.

Увидев, что ей принесли, миссис Тредгуд захлопала в ладоши, как девочка, получившая рождественские подарки. Перед ней лежали отлично поджаренные зеленые помидоры, молодая кукуруза, шесть ломтиков бекона, горка нежной лимской фасоли и четыре огромных, пышных булочки на пахте.

Эвелин едва не прослезилась, видя, с каким восторгом её приятельница разглядывает угощение. Она велела миссис Тредгуд поскорее есть, пока не остыло, и, извинившись, вышла в холл, чтобы разыскать Джинин. Вручив ей в конверте сто долларов и ещё двадцать пять лично для нее, она сказала:

— Я вас очень прошу, проследите без меня за миссис Тредгуд, чтобы у неё было все, чего она захочет — из еды, и вообще.

— Да не надо мне никаких денег, дорогая, — ответила Джинин, — она и без того моя любимица. Не волнуйтесь, миссис Коуч, я о ней позабочусь.

Когда Эвелин вернулась, тарелка была пуста.

— Ах, Эвелин! Вы меня балуете — за что? Ничего подобного не ела с

тех пор, как закрылось кафе.

— Вы заслужили, чтобы вас баловали.

— Вот уж не знала. В толк не возьму, за что вы так ко мне добры. Каждый вечер я благодарю Господа и прошу Его спасти вас и сохранить.

— Да, я это чувствую.

В тот день Эвелин долго сидела со старушкой, держа её за руку, и под конец сказала, что собирается ненадолго уехать из города, а когда вернется, то сделает ей сюрприз.

— Ой, я просто обожаю сюрпризы. Он больше хлебницы?

— Не скажу, а то не будет сюрпризом.

— Да, правильно. Ну тогда возвращайтесь поскорее, а то я теперь от любопытства с ума сойду, сами знаете. А это не ракушка? Вы поедете во Флориду? Опал и Джулиан прислали мне из Флориды ракушку.

Эвелин покачала головой:

— Нет, не ракушка. Ну не спрашивайте, потерпите немного и сами увидите. — Она протянула ей листок бумаги. — Вот номер телефона и адрес, где я буду жить. Если я вдруг понадоблюсь вам, дайте мне знать, ладно?

Миссис Тредгуд пообещала, что так и сделает, и не выпускала её руку до самого отъезда. Потом она проводила Эвелин к выходу, где её ждал Эд.

— Как поживаете, миссис Тредгуд? — спросил он.

— Прекрасно, молодой человек, просто прекрасно. Поела от души жареных зеленых помидоров и лимской фасоли. Это все ваша девочка мне принесла.

Эвелин уже прощалась с миссис Тредгуд, когда к ним подошла женщина с цыплячьей грудью, в ночной рубашке и лисьей горжетке, и громко сказала:

— Эй, вы, а ну уходите отсюда! Мы с мужем сняли это помещение, и чтобы до шести сюда никто не лез!

Она прошествовала в холл, пугая старушек «Розовой террасы».

Эвелин взглянула на миссис Тредгуд:

— Это Веста Эдкок?

— Она самая. Я же говорила вам, у неё в голове не хватает винтиков. У скупого рыбака нет на удочке крючка.

Эвелин засмеялась. Подруга помахала ей вслед и крикнула:

— Возвращайтесь поскорее! И вот что еще: пришлите своей старушенции открытку с каким-нибудь видом, ладно?

АВИАКОМПАНИЯ «ЮНАЙТЕД ЭЙРЛАЙНС»

Рейс 736 Бирмингем — Лос-Анджелес

14 октября 1986 г.

Семь лет назад, отправляясь за продуктами, Эвелин Коуч шла мимо магазина по продаже бытовой электроники и на экране телевизора, стоявшего в витрине, увидела какую-то подозрительно знакомую толстушку. Интересно, подумала Эвелин, кто это и что это за передача. Ей показалось, женщина смотрела прямо на нее. И вдруг её осенило: Господи Боже мой! Да ведь это же я! Она смотрела на саму себя. Эвелин даже испугалась.

Вот тогда-то Эвелин впервые поняла, до чего она толстая. Все полнела, полнела и в конце концов превратилась в жирную бабищу, точную копию своей матери.

После этого случая она перепробовала все на свете диеты для похудения, но ни одну не смогла выдержать. У неё не хватило силы воли даже на диету под названием «Последний шанс». Два раза пробовала, но — куда там!

Тогда она начала ходить в группу оздоровления, но, когда её заставили натянуть это дурацкое гимнастическое трико, ей стало так дурно, что пришлось уйти домой и лечь в постель.

Как-то раз ей попался на глаза «Космополитен», где она прочитала статью о том, что врачи теперь научились отсасывать лишний жир. Если бы Эвелин не испытывала такого панического страха перед врачами и больницами, то, наверно, решилась бы на эту операцию.

Поэтому она просто стала покупать одежду в магазине для полных и радовалась, когда встречала там женщин толще себя. Чтобы отпраздновать такое событие, она отправлялась в кафе в двух кварталах от магазина и ублажала себя оладьями. Еда стала смыслом её жизни, а конфеты, пирожные и торты — единственной отрадой.

Но теперь, после стольких воскресных дней, проведенных с миссис Тредгуд, все изменилось. Нинни Тредгуд пробудила в ней молодость, и она увидела, что впереди ещё целых полжизни! Ее подруга искренне верила, что Эвелин сможет рекламировать косметику «Мэри Кэй». Никто раньше не верил, что Эвелин на что-то способна, и меньше всех верила в это сама Эвелин. Чем больше говорила об этом миссис Тредгуд и чем больше

думала об этом Эвелин, тем реже буйствовала в её душе Тованда, которая с ненавистью крушила все подряд. В мечтах Эвелин уже видела себястройной и счастливой за рулем розового «кадиллака».

А потом, в одно из воскресений, она зашла в баптистскую церковь Мартина Лютера Кинга, и произошло чудо. Впервые за много месяцев она перестала думать, как прикончить себя или кого-то еще, и обнаружила, что ей хочется жить. Пребывая в возвышенном настроении после церковной службы, она собралась с духом и, приняв две таблетки валиума, отправилась наконец к врачу. Он оказался милым молодым человеком; обследования она толком не запомнила — главное, ничего серьезного у неё не нашли, разве что уровень эстрогена был ниже нормы, как и предполагала миссис Тредгуд. В тот же день по совету врача она начала принимать премарин и сразу почувствовала себя лучше, а через месяц испытала такой потрясающий оргазм, что перепугала Эда до полусмерти. Кстати, спустя десять дней после этого события Эд приступил к занятиям гимнастикой в Христианском союзе молодежи.

Дальше — больше! Получив демонстрационные образцы косметики «Мэри Кэй», Эвелин за две недели изучила приложенную брошюру «Отличное начало» с инструкциями и рекомендациями и поступила на курсы ухода за кожей и получила статус консультанта фирменной косметики. Вскоре на специальной церемонии директор местного отделения компании вручил ей значок с надписью «Отличное начало», который она носила с гордостью. А однажды произошел случай, совсем уж из ряда вон выходящий, — она забыла пообедать!

События разворачивались быстро, но не достаточно быстро для Эвелин. И, взяв пять тысяч долларов из семейных сбережений, она собрала чемодан и села на самолет, который должен был доставить её в далекую Калифорнию, на курорт для страдающих избыточным весом. Она читала их брошюру и волновалась, как первоклассница в первый день занятий.

РАСПИСАНИЕ ДЛЯ ГОСТЕЙ НАШЕГО КУРОРТА

7.00 Прогулка в течение часа, возможна экскурсия в город или на природу.

8.00 Кофе и полстакана томатного сока без соли.

8.30 Оздоровительные упражнения под мелодию сестер Пойнтер «Я под собой не чую ног».

9.00 Упражнения на гибкость и растяжку с использованием мячей, палок и обручей.

11.00 Упражнения в воде с использованием мячей и надувных подушек.

12.00 Обед — 250 калорий.

13.0 °Свободное время, массаж, косметические маски, горячие масляные ванночки для рук и ног.

18.00 Ужин — 275 калорий.

19.30 Художественные занятия, рукоделие. Миссис Джеми Хигдон дает уроки живописи (в натюрмортах используются только искусственные плоды).

ТОЛЬКО ПО ПЯТНИЦАМ. Миссис Александра Бэгг научит вас делать плетеные корзиночки из теста (несъедобные).

ПОЛУСТАНОК. ШТАТ АЛАБАМА

7 ноября 1967 г.

Хэнку Робертсу недавно стукнуло 27 лет, и он возглавлял собственную строительную компанию. Нынче утром ему и его длинноволосому приятелю Тревису подвернулась работенка. Огромный желтый бульдозер кряхтел и стонал, выворачивая наизнанку пустырь около старого дома Тредгутов на Первой улице. Здесь собирались возвести из красного кирпича пристройку к баптистской церкви.

Тревис, с утра пораньше успевший выкурить два косячка, шлялся по пустырю, пиная комья, и вдруг забормотал себе под нос:

— Не, ты только глянь на это дерьмо. Да-а, ни хрена себе...

Вскоре Хэнк решил передохнуть, и Тревис позвал его:

— Эй, дружище, глянь-ка сюда!

Хэнк подошел и уставился на развороченную землю. Там было полно рыбьих голов, вернее, того, что от них осталось: вперемешку лежали маленькие челюсти с острыми зубками и ссохшиеся черепа свиней и кур, съеденных на обед людьми, о которых, наверно, давным-давно все позабыли. Но Хэнк вырос в деревне, и ему было не впервой такое видеть.

— Надо же! — только и сказал он.

Он уселся в сторонке, открыл судок и принялся за сандвич. Но Тревис никак не мог уgomониться, все ходил по пустырю и поражался. Выуживал из земли то кость, то черепушку, то челюсть с зубами.

— Господи Иисусе, да их тут прямо сотни! На кой хрен их сюда закопали?

— А я почему знаю.

— Чудно все-таки!

Хэнк огрызнулся:

— Да иди ты к черту! Подумаешь, куча свиных голов. Ты меня уже достал с ними!

Тревис пнул ботинком ещё один ком земли и вдруг застыл как вкопанный.

— Эй, Хэнк! — крикнул он хриплым голосом.

— Ну чего еще?

— Ты когда-нибудь слышал, чтоб у свиней были стеклянные глаза?

Хэнк нехотя подошел к нему и глянул вниз.

— Да-а, — сказал он. — Чертовщина какая-то!

КАФЕ «ПОЛУСТАНОК»

Полустанок, штат Алабама

13 декабря 1930 г.

Мама Тредгуд заболела, и Руфь с Иджи отправились её навестить. С ребенком, как обычно, пришла посидеть Сипси. Правда, сегодня она была не одна: за ней увязался одиннадцатилетний Артис. Он был суший дьяволенок, но прогнать его она не могла.

Пробило восемь, Артис уснул, а Сипси слушала радио и ела домашний хлеб с черной патокой.

Неожиданно в полнейшей тишине послышался шорох листьев под колесами черного пикапа с номерами штата Джорджия. Фары у него были погашены. Машина остановилась у кафе. Через две минуты пьяный Фрэнк Беннет пинком распахнул дверь черного хода и напрямик направился через кухню в детскую. Он наставил на Сипси ружье и шагнул к кровати. Сипси рванулась было к ребенку, но он схватил её за шиворот и швырнул через всю комнату.

Она вскочила на ноги и закричала:

— Оставьте дите в покое! Это дите мисс Руфи!

— Вали отсюда, черномазая! — Фрэнк со всего маху ударил её прикладом, и Сипси упала замертво, из-за уха потекла струйка крови.

Артис проснулся и с криком «Бабуля!» бросился к ней, а Фрэнк Беннет вытащил из кровати ребенка и, шатаясь, направился к выходу.

Луна в ту ночь только народилась, и её света едва хватило Фрэнку, чтобы найти дорогу к грузовику. Он открыл дверцу, положил спящего ребенка на переднее сиденье и уже собирался сесть за руль, как вдруг услышал за спиной какой-то звук. Будто чем-то тяжелым ударили по бревну, накрытому стеганым одеялом. Этот звук — звук от удара тяжелой чугунной сковороды, обрушившейся на его пышную шевелюру и расколовшей череп, было последнее, что он услышал в своей жизни. Он умер мгновенно — раньше, чем свалился на землю, а Сипси уже шла к дому, качая младенца и приговаривая:

— Никто не заберет это дите, пока я живая, нет, сэр!

Фрэнк Беннет никак не мог предположить, что она очухается после его удара. Он не знал, что эта худенькая, хрупкая женщина с одиннадцати лет орудовала огромными сковородами. Он ничего этого не знал, и это стоило ему жизни.

Когда Сипси проходила мимо остолебеневшего от ужаса Артиса, он заметил, что глаза у неё стали совсем безумными.

— Беги, — сказала она, — беги и разбуди Большого Джорджа. Я там белого убила, совсем убила, до смерти.

Артис на цыпочках подкрался к лежавшему у машины человеку и наклонился, пытаясь разглядеть, кто это. В зыбком свете луны блеснул стеклянный глаз.

Артис мчался по шпалам с такой скоростью, что у него перехватывало дыхание, и, пока добежал до дому, совсем задохнулся. Большой Джордж спал, но Онзелла ещё не ложилась и прибирала на кухне. Он рывком распахнул дверь и, держась за бок и хватая ртом воздух, выпалил:

— Мне отца надо!

— Ты отца лучше не буди, — сказала Онзелла, — не то он тебя так вздует, что на задницу до старости не сядешь.

Но Артис уже влетел в спальню и принялся трясти Большого Джорджа за плечо.

— Папа, папа, пошли со мной!

Большой Джордж сразу подскочил.

— Ты чего? Что случилось, парень?

— Не могу сказать. Бабушка велит тебе идти в кафе.

— Бабушка?

— Да, срочно! Она сказала, чтобы быстро срочно!

Большой Джордж уже натягивал штаны.

— Молись, если это шутка, парень. Так всыплю, что своих не узнаешь. Онзелла, стоя в дверях, с тревогой прислушивалась к их разговору. Она потянулась было за свитером, чтобы пойти с ними, но Большой Джордж велел ей остаться.

— Может, ей плохо стало? — беспокоилась она.

— Да нет, детка, не плохо. Сиди дома, — мягко сказал Джордж.

В комнату заглянул сонный Джаспер:

— Чего это вы?

— Ничего, милый, иди спать, да смотри не разбуди Билли.

Когда они отошли от дома, Артис сказал:

— Папа, бабушка убила белого, до смерти.

Луна совсем скрылась в облаках, и Большой Джордж не видел лица своего сына.

— Если кто и будет мертвым, так это ты, парень, когда я выясню, что за игры ты затеял посреди ночи.

Сипси ждала их во дворе. Большой Джордж наклонился, потрогал холодную руку Фрэнка, потом откинул простыню, которой Сипси накрыла тело, отступил на полшага и убрал руки за спину.

— М-м-м, — качал он головой, глядя на труп. — На этот раз ты его пришибла, мать.

Но Большой Джордж не только качал головой, он лихорадочно соображал, как быть дальше. Негру, который убил белого в Алабаме, ни на какие поблажки рассчитывать не приходилось, и у него не было выхода, кроме как сделать то, что он придумал.

Он поднял тело Фрэнка и, взвалив его на плечо, сказал Артису:

— Пошли.

Он отнес труп в деревянный сарай на заднем дворе, положил на грязный пол и снова сказал Артису:

— Сиди тут, пока я не приду. Надо избавиться от грузовика.

Когда через час вернулись Руфь и Иджи, малыш спокойно спал в кровати. Иджи отвезла Сипси домой и по дороге говорила, как она беспокоится о здоровье мамы Тредгуд, а Сипси так и не призналась, что они чуть было не потеряли ребенка.

Артис всю ночь просидел в сарае на корточках, раскачиваясь взад и вперед и стуча зубами в нервном ознобе. Около четырех утра, не в силах больше сопротивляться, он достал перочинный нож и в кромешной тьме стал бить накрытое простыней тело: один, два, три, четыре — он наносил удары один за другим.

Когда почти рассвело, дверь со скрипом отворилась, и Артис от страха

описался. Это вернулся его отец. Он утопил грузовик в реке около «Фургонного колеса» и весь обратный путь — почти десять миль — прошел пешком.

— Надо сжечь его одежду, — сказал Большой Джордж.

Он откинул простыню, и оба остолбенели, уставившись на тело. Первые солнечные лучи пробивались сквозь щели старого сарая. Артис, открыв рот, взглянул на Большого Джорджа круглыми, как блюдца, глазами.

— Пап, у этого белого нет никакой головы.

Большой Джордж снова покачал головой:

— М-м-м!

Его мать отрезала белому голову и где-то закопала.

Он постоял немного, чтобы прийти в себя от потрясения. Потом сказал:

— Помоги-ка мне с его одеждой.

Артис никогда раньше не видел белого человека голым. Тело у него было бело-розовое, прямо как у мертвой свиньи, которую ошпарили и опалили.

Большой Джордж отдал ему простыню и окровавленную одежду и велел закопать в лесу, а потом идти домой. И чтобы ни слова. Никому. Нигде. Никогда.

Копая яму, Артис невольно улыбался: теперь у него была тайна. Огромная тайна, которую придется хранить до самой смерти. Тайна, которая придаст ему сил, если он ослабеет духом. Тайна, которая принадлежит только ему и разве что дьяволу. Эта мысль доставляла ему необыкновенную радость. Никогда больше не почувствует он ни гнева, ни боли, ни унижения, никогда — теперь он другой. Навеки отделен от остальных негров. Он вонзал нож в белого человека...

И пусть теперь белые издеваются над ним сколько влезет, он будет только улыбаться про себя: однажды я ударил ножом одного из вас!

В полвосьмого утра Большой Джордж уже резал свиней и кипятил воду в большом чугунном котле — рановато, конечно, для этого времени года, но не так чтобы слишком.

А днем к ним явился Грэди с двумя следователями из Джорджии, которые расспрашивали о пропавшем белом, и Артис едва не потерял сознание от страха, когда тощий мужчина заглянул прямо в котел. Он был уверен, что этот человек заметит, как среди кипящих и булькающих кусков свинины плавала рука Фрэнка Беннета. Но, к счастью, тот ничего не увидел, и два дня спустя толстяк из Джорджии сказал Большому Джорджу, что в жизни не пробовал такого вкусного барбекю, и спросил, в чем тут

секрет.

На что Большой Джордж усмехнулся и ответил:

— Спасибо, сэр. Все дело в подливке, да, сэр.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК МИССИС УИМС

«Бюллетень Полустанка»

10 ноября 1967 г.

В САДУ ОБНАРУЖЕН ЧЕРЕП

Мы поздравляем нашего дорогого нового губернатора, миссис Лэрлин Уоллес, которая одержала блестящую победу в предвыборной борьбе. На инаугурации она прекрасно держалась и пообещала платить своему мужу Джорджу доллар в год, если он станет её первым советником.^[31] Удачи вам, Лэрлин!

У нас случилось ещё одно происшествие, почти столь же волнующее, как избрание нового губернатора. Во вторник утром на месте старого дома Тредгуудов нашли человеческий череп.

Прибывший из Бирмингема следователь утверждает, что череп принадлежал не индейцу, а белому среднего возраста со стеклянным глазом. Кто это — пока не установили, зато точно известно, что ему отрубили голову. По словам следователя, тут налицо убийство. У кого пропал знакомый со стеклянным глазом, просят сообщить в «Бирмингем ньус» — или звоните мне, я сама свяжусь с газетой. Да, кстати, глаз у черепа — голубой.

Моя дражайшая половина сотворил в субботу страшную глупость. Взял и до смерти напугал свою бедную женушку сердечным приступом. Врач говорит, ничего серьезного, но курить ему все-таки придется бросить. Теперь у меня в доме завелся большущий ворчливый медведь, но я хожу его и лелею, так что всю последнюю неделю мистер Уилбур Уимс получает завтрак в постель. Если у кого-нибудь из наших бравых мужчин возникнет желание подбодрить моего старичка, милости просим, забегайте. Только не вздумайте брать с собой сигареты — сразу отнимет. У меня он уже стянул пачку. Видно, придется и самой бросать это дело. Как оклемается, возьму его с собой в отпуск.

Дот Уимс

ОТЕЛЬ ДЕ ЛЮКС. КОМНАТЫ ДЛЯ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ

*Восьмая авеню, Бирмингем, штат Алабама
2 июня 1979 г.*

Один чернокожий джентльмен спросил о другом чернокожем джентльмене, который сидел в вестибюле отеля и смеялся:

— Он что, ненормальный? Чего это он хохочет? Никто вроде с ним не разговаривает.

Рябой, прокопченный солнцем мужчина за стойкой ответил:

— А ему без надобности с кем-то разговаривать. У него мозгов в башке не осталось.

— И давно он тут?

— Два года как. Баба одна его привела.

— Кто ж, интересно, за него платит?

— Она же и платит, та баба.

— Понятно.

— Приходит каждое утро, одевает его, а вечером, значит, в постельку укладывает.

— Неплохо устроился.

— Во-во.

Артис О. Пиви, о нем и шла речь, сидел на красном диване с торчавшей из прорех набивкой и продирался сквозь дебри накопленных за многие годы слез и страданий. Подернутые пеленой карие глаза пристально смотрели на настенные часы с розовым неоновым кольцом вокруг циферблата. Кроме часов, единственным объектом созерцания был для него рекламный плакат, на котором симпатичная чернокожая парочка курила сигареты «Салем». Надпись уверяла, что дым этих сигарет прохладен и свеж, как весна в горах. Артис запрокинул голову и опять расхохотался, показав синие десны, в которых некогда сверкали золотые зубы.

Для стороннего наблюдателя было очевидно, что мистер Пиви сидит сейчас в коридоре захудалой ночлежки на клеенке, предусмотрительно подстеленной управляющим, поскольку этот мистер частенько умудрялся прописать насквозь резиновые подштанники, которые та женщина каждое утро на него натягивала. Однако для самого мистера Артиса О. Пиви на

дворе снова был 1936 год, и шел он по Восьмой авеню в темно-вишневом костюме из акульей кожи и лимонного цвета ботинках за 50 долларов, а его выпрямленные, напомаженные волосы блестели как черный лед. А под руку в тот субботний вечер с ним шла мисс Бетти Симонс — по словам колонки светских новостей «Слэгтаун ньюс», любимица «эбеновой» элиты Бирмингема.

Они миновали Мэсоник-холл и, без сомнения, направлялись к дансингу Эксли, где в тот вечер должен был играть Каунт Бейси, — или Кэб Кэллоуэй?

Неудивительно, что он смеялся. И хвала Господу, оберегавшему его от воспоминаний о тех временах, когда субботний вечер не сулил «ниггеру» ничего хорошего. О тех нескончаемых, мучительных ночах в тюрьме «Килби», когда его били и пинали, когда над ним измывались и охранники, и заключенные. Когда он спал с открытыми глазами, готовый в любую минуту убить — или быть убитым. В конце концов, разум Артиса стал походить на Театр проказ и показывал ему только легкие комедии и любовные пьески с Артисом в главной роли в окружении множества шоколадных, бронзовых и желтых красоток с шелестящими вокруг бедер юбками и сияющими глазами.

Он хлопнул ладонью по некогда блестящему, а ныне весьма потертому подлокотнику дивана и снова засмеялся. На этот раз в его голове крутилась кинохроника: он вернулся из Чикаго и важничает, рассказывая взхлеб, каких знаменитых актрис повидал: Этель Уотерс, Чернильное Пятнышко, Лена, Льюис...

Он смог забыть прошлые оскорбления и унижение, которое он испытывал, когда его отшивали белые женщины. Именно их пренебрежение заставляло Артиса с удвоенной прытью гоняться за более доступными, как будто он стремился доказать самому себе, что он мужчина хоть куда.

Хочешь белую женщину?

Я никогда не хотел белую. Предел моих мечтаний — светло-желтая.

На самом-то деле ему нравились крупные и черные... Чем чернее ягодка, тем слаще сок. И папой могли называть его куда больше детишек, чем он полагал, но это никогда его не беспокоило, потому что у него была тайна.

Да что там говорить, он прожил замечательную жизнь! Женщины, многозначительные разговоры, «Рыцари пифии», право быть надменным, дорогой одеколон, женщины в шелковых пеньюарах и вечерних платьях до пола, шоколадного цвета котелки и пальто с меховым воротником,

женщины цвета полуночи, целующие в губы на сон грядущий, кубинские сигары, золотые часы — чтобы узнать время или просто вытащить из кармана на зависть всем... Потряси-ка этой штучкой... Повеселись в «Салоне черных теней»... Отбеливай кожу, черным быть негоже... Кто бел, тот посмел. Парень краснокожий — милый да пригожий. Желтый друг заменит двух. А ты, негритос, получай в нос... получай в нос.

Теперь кино показывает пятидесятые годы. Он стоит перед входом в аптеку. В кармане звякает мелочь. Шуршание бумажных денег никогда не волновало его, и он сроду не испытывал особой страсти к «зеленым», чтобы ради них гнуть спину. Для счастья ему вполне хватало горстки блестящих монет достоинством в 10 и 25 центов, которые он выигрывал в азартных играх. Но чаще мелочью снабжали его щедрые подружки.

Когда он к восьмидесяти годам потерял былой лоск и силу — и возраст был уже не тот, и подустал изрядно, — в Слэгтауне осталось много разочарованных дам. Для них он был весьма желанным товаром: дамским угодником.

Кадры кинохроники побежали быстрее. Женщина весом в триста фунтов дрожит и кричит в церкви... и в постели... «О Боже, я сейчас кончу!..» Мистер Артис О. Пиви и его многочисленные женщины обмениваются клятвами верности перед алтарем... Он сидит в кафе «Агат» и болтает со своим приятелем Бэби Шепардом: «Эта баба проломила мне башку...» — «А я слышал, что это был её муж...» — «Я бы сражался за тебя, Одетта, но у него в руках был козырь — заряженный и с взведенным курком, а на фига мне быть дураком?..» — «Дайте мне свиную ножку и бутылку пива...» — «Весь мир в этой бутылке, и пробка у меня в руке...» — «Ты не единственная устрица в плове, не строй из себя Бог весть что...» Синие тени и белый жасмин... Для сигар пластиковые мундштуки под янтарь... «Джазовые демоны» профессора Фесса Уотли... Минута отчаяния? Вам поможет жевательная резинка «Фина-мент»... Танцевальный зал в парке «Счастливая страна»... Хартли Тутс убит в автобусе... «Я был вынужден на ней жениться, что ж теперь говорить...» — «Эта женщина помыкает мною...» Все от тебя отвернутся, если ты попал в беду... Берегись... А ну не суйся сюда... О нет, вы разозлите этих белых парней... Нет, нет, я не с ними, босс, они сущие дьяволы, да... Да, сэр... «Убирайся вон из автобуса!»

Артис топнул три раза, и кино волшебным образом переменялось. Теперь он маленький мальчик, и мама что-то стряпает в кафе на кухне... А ну, не путайся у мамы под ногами, не то она вышвырнет тебя за дверь. Вот Озорная Птичка и Билли... И Джаспер. А вон бабушка Сипси намазывает

патоку на кукурузный хлеб — Мисс Иджи и мисс Руфь. Они обращаются с тобой как с белым! И Культиашка. И Смоки Одиночка.

И вдруг старик, минуту назад беспокойно ерзавший на диване, улыбнулся и замер. Сейчас он в кафе, помогает отцу готовить барбекю. Он счастлив. У него есть тайна.

Отец дал ему порцию барбекю и бутылку сока, и он побежал в лес, там прохладно и мягкие сосновые иголки...

Рябой дежурный подошел и потряс улыбающегося Артиса О. Пиви — тихого и умиротворенного.

— Эй, ты чего? — Дежурный отпрянул. — Господи Иисусе! А ниггер-то помер! — Он обернулся к стоявшему около стойки приятелю: — Мало того что помер, он ещё и весь пол обоссал.

Но Артис в это время бежал в лес со своим барбекю.

САНАТОРИЙ «ТРОСТИНКА» ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ СБРОСИТЬ ВЕС

Монтесито, штат Калифорния

5 декабря 1986 г.

Эвелин жила в санатории уже почти два месяца и сбросила 23 фунта. Но главное было не в этом. Здесь она наконец-то нашла «своих» — родных по духу людей, которых искала всю свою жизнь. Вот они, пожиратели сладостей: круглощечные женушки и разведенные, одинокие учительницы и библиотечарши, преисполненные надежд начать новую жизнь стройными и здоровыми людьми.

Она и представить себе не могла, что здесь будет так весело. Эвелин Коуч и её подружек по ежедневному взвешиванию больше всего на свете волновало, какой десерт подадут сегодня вечером. Будет ли это тыквенный пирог — 55 калорий или обезжиренный фруктовый крем — 50 калорий? А может, сегодня подадут её любимое блюдо — открытый пирог с фруктами — 80 калорий?

Могло ли Эвелин прийти в голову, что сердце её будет петь от радости только потому, что сегодня — «день ухода за ножками и ручками»? Или что она окажется в числе «ранних пташек», которые встают чуть свет, чтобы явиться на водные процедуры?

Но здесь произошло и кое-что другое, о чем она раньше и мечтать не смела. Она стала самой популярной обитательницей этих стен! Когда в

санаторий приезжали новенькие, их спрашивали:

— А вы уже познакомились с той милейшей женщиной из Алабамы? Непременно послушайте, как она говорит. Такой очаровательный акцент! А какая душка!

Эвелин никогда не думала, что может быть душкой или что у неё очаровательный акцент. А оказалось, стоит ей что-то сказать, как окружающие начинают просто визжать от восторга. И Эвелин с удовольствием пользовалась своей популярностью, развлекала подруг и устраивала вечерние посиделки у камина. Ближе всех она сошлась с тремя женщинами из Таузенд-Оукс. Одну звали Дороти, а двух других — Стеллами. Они создали собственный клуб толстушек, поклялись встречаться раз в год до конца своих дней, и Эвелин была уверена, что так оно и будет. После зарядки Эвелин переодевалась в новый голубой спортивный костюм и отправлялась на прогулку, останавливаясь у стойки с письмами. Эд заботливо переправлял ей всю корреспонденцию, но ничего, кроме реклам, там обычно не было. Однако сегодня её ожидало письмо со штемпелем «Полустанок. Алабама». Она вскрыла конверт, гадая, кто же это ей мог написать...

Дорогая миссис Коуч!

С прискорбием сообщаю, что в прошлую субботу, в 6.30 утра ваша подруга миссис Вирджиния Тредгуд ушла от нас в мир иной. У меня остались некоторые вещи, которые она хотела вам передать. Мы с мужем будем рады завезти их вам в Бирмингем, или можете забрать их сами, если вам это удобно. Я весь день дома. Мой телефон 555 — 7760.

С уважением, миссис Хартман, соседка.

Внезапно Эвелин перестала ощущать себя остроумной и обаятельной. Ей захотелось домой.

ПОЛУСТАНОК, ШТАТ АЛАБАМА

8 апреля 1987 г.

Эвелин протянула с поездкой в Полустанок до первого весеннего солнышка, ей не хотелось ехать туда, пока не кончится зима. И вот она в Полустанке, перед домом миссис Хартман. Дверь открыла миловидная брюнетка.

— А-а, миссис Коуч, входите! Очень рада с вами познакомиться! Миссис Тредгуд столько о вас рассказывала, что мне кажется, будто я вас сто лет знаю.

Она провела Эвелин в сияющую чистотой кухню, где уже были приготовлены чашки для кофе, а посреди стола на зеленом блюде красовался пирог с пылу с жару.

— Мне так не хотелось огорчать вас тем письмом, но я знала, что должна это сделать.

— Вы себе и представить не можете, как я вам благодарна. Я ведь и понятия не имела, что миссис Тредгуд уехала из «Розовой террасы».

— Да конечно. Ее подруга миссис Отис умерла через неделю после вашего отъезда.

— О Господи! И этого я не знала. Но почему она не написала мне?

— Я говорила ей, но она сказала, что вы уехали отдыхать, и не захотела вас беспокоить. Такая уж она была, всегда думала о других. Мы поселились по соседству, как раз когда умер её муж, значит, тридцать лет назад, и сколько я её знаю, ни разу не слышала от неё ни одной жалобы, а ведь ей жилось ой как непросто. Сын её, Альберт, был сущее дитя. Она каждый день брила его, купала, присыпала тальком, подгузник надевала, словом, ухаживала как за младенцем, даже когда он совсем взрослый вырос. Наверно, ни одного ребенка в мире так не любили, как Альберта Тредгуда. Благослови Господь её доброе сердце! Как же мне её не хватает, да и вам, я вижу, тоже.

— Да, страшно не хватает. А главное, я так мучаюсь, что меня не было рядом. Может, я смогла бы хоть чем-то помочь, врача вызвать или ещё что.

— Не изводите себя попусту, ничего бы вы не сделали. Она ведь и не болела даже. Мы по воскресеньям брали её с собой в церковь, и всегда она поджидала нас на крыльце. В то воскресенье мы собрались ехать, посмотрим, а её все нет и нет. Рэй, мой муж, постучал к ней — никто не отвечает. Он вошел и через несколько минут вышел один. Я его спрашиваю: «Рэй, а где же миссис Тредгуд?» Он и говорит: «Милая, миссис Тредгуд умерла», а потом сел на ступеньки и заплакал. Во сне умерла, не мучилась. Думаю, она догадывалась, что её час близок, потому что я как-то зашла к ней и она мне сказала: «Смотри, Джо, если со мной что случится, отдай это Эвелин».

Она только о вас и думала. Хвасталась все время, что в один прекрасный день вы повезете её кататься на новом «кадиллаке». Бедная старушка, умерла, и ничего после неё не осталось, вот только несколько безделушек. Кстати, я вам сейчас их отдам, пока не забыла.

Миссис Хартман принесла фотографию маленькой девочки на качелях с голубыми шарами в руке, коробку из-под обуви и кувшинчик с чем-то похожим на гравий.

Эвелин взяла кувшинчик.

— А это что такое?

Миссис Хартман засмеялась:

— Это её камни из желчного пузыря. Один Господь ведает, почему она решила, что они вам нужны.

Эвелин открыла коробку. Там лежало свидетельство о рождении Альберта, выпускной диплом Клео — 1927 год, Пальмеровская школа мануальной терапии в Давенпорте, штат Айова, и штук пятнадцать проспектов разных похоронных бюро. Потом Эвелин заметила пакет с фотографиями. Сверху лежал снимок мужчины с мальчиком в матросском костюмчике. Под ней школьная фотография светловолосого паренька, сделанная в 1939 году, на обороте надпись: «Культишка Тредгуд — 10 лет», а затем — семейный портрет Тредгутов, 1919 год. Эвелин показалось, что она встретила старых друзей. Бадди она узнала сразу — по горящим глазам и широкой улыбке. Были там Эсси Ру, и близняшки, и Леона, позирующая с видом королевы, и маленькая Иджи с деревянным петухом. А позади в длинном переднике стояла Сипси, преисполненная чувства собственного достоинства.

На следующем снимке была девушка в белом платье. Она стояла в том же дворе и заслоняла от солнца глаза, улыбаясь фотографу. Эвелин подумала, что перед ней самое милое создание, какое ей доводилось видеть, с длинными ресницами и очаровательной улыбкой. Но она не узнала её и спросила миссис Хартман, кто это.

Миссис Хартман надела очки, висевшие у неё на цепочке, и принялась внимательно разглядывать фотографию.

— А-а, я сейчас вам скажу, кто она. Это её подруга, она здесь жила когда-то. Из Джорджии. Руфь её звали, а вот фамилию не помню.

Боже мой, подумала Эвелин, Руфь Джеммисон! Наверно, это её первое лето в Полустанке. Она не могла оторвать взгляда от снимка. Руфь была настоящей красавицей.

Еще одна фотография. Седеющая женщина в охотничьей шапочке сидит на коленях у Санта Клауса, внизу надпись: «Новый год, 1956».

Миссис Хартман поглядела на снимок и рассмеялась:

— Ой, да это же та дурочка, Иджи Тредгуд. Она тут когда-то кафе держала.

— Вы её знали?

— Да кто ж её не знал! Такая была сорвиголова, никогда не знаешь, что она в следующий момент выкинет.

— Смотрите, миссис Хартман, а вот миссис Тредгуд.

Снимок был сделан лет 12 назад — седая старушка у входа в супермаркет. Она почти не отличалась от той миссис Тредгуд, которую Эвелин видела в последний раз.

Миссис Хартман взяла фото.

— Благослови её Бог, я ведь помню это платье. Темно-синее, в белый горошек. Она носила его, наверно, лет тридцать, не снимая. Хотела, чтобы вся её одежда досталась бедным. У нее, бедняжки, действительно ничего не было — только старое пальто да несколько домашних платьев. И ведь всю мебель увезли, всю, кроме кресла-качалки. Я не позволила его забрать. Она в этом кресле с утра до ночи сидела, все ждала, когда пройдет поезд. Мне показалось неправильным, если в этом кресле будет сидеть кто-то чужой. А дом свой она завещала нашей дочери Терри.

Эвелин перебирала мелочи в коробке.

— Поглядите, миссис Хартман, меню кафе «Полустанок». Годов, наверно, тридцатых. Ну и цены были, просто не верится. Барбекю — десять центов, обед — тридцать пять! А за пирог всего пять центов!

— Быть не может! Теперь даже в кафе приличный обед стоит долларов пять-шесть, не считая напитков и десерта.

Пока миссис Хартман рассуждала о нынешней дороговизне, Эвелин нашла фотографию Иджи в клоунских очках и с фальшивым носом. Рядом стояли четыре слегка чокнутых с виду паренька в немыслимых одежках. Внизу надпись: «Клуб „Маринованный огурец“. „Глупости из морозилки“, 1942». Снимок Клео, сделанный на Пасху. Открытка, которую Эвелин прислала из Калифорнии. Меню пульмановского вагона — ресторана Южной железной дороги пятидесятых годов, наполовину использованный тюбик губной помады. Листок с текстом 90-го псалма и больничный жетон, который надевают на руку больному: «Миссис Вирджиния Тредгуд, 86 лет».

А на самом дне коробки Эвелин обнаружила конверт с надписью «Миссис Эвелин Коуч».

— Смотрите-ка, она оставила мне письмо!

Эвелин открыла конверт и прочитала:

«Эвелин, я тут написала вам несколько рецептов Сипси. Они мне очень нравились когда-то, вот и я подумала, может, вам тоже понравятся. Особенно обратите внимание на рецепт жареных зеленых помидоров.

Я люблю вас, Эвелин, детка. Будьте счастливы. Я счастлива.

Ваша подруга, миссис Вирджиния Тредгуд.»

Миссис Хартман сказала:

— Ну что ж, благослови её Бог.

Эвелин принялась аккуратно укладывать фотографии обратно в коробку, и ей стало горько. Боже мой, подумала она, человек прожил на этой земле восемьдесят шесть лет, и все, что от него осталось, — это коробка из-под обуви, набитая старыми бумагами.

Потом Эвелин попросила миссис Хартман показать ей, где было раньше кафе.

— Но ведь от него ничего не осталось! Конечно, я с удовольствием прогуляюсь с вами и все покажу, если хотите.

— Это было бы просто замечательно, если вам не трудно, конечно.

— Ничуть. Подождите немного, я только сниму с плиты фасоль и поставлю мясо в духовку, я мигом.

Эвелин отнесла коробку в машину и, поджидая миссис Хартман, прошла до дома, где жила миссис Тредгуд. Подойдя к крыльцу, она взглянула вверх и засмеялась. Высоко в ветвях березы торчал веник, которым миссис Тредгуд запустила в соек почти год назад, а на телефонных проводах сидели дрозды — те самые, что подслушивали её телефонные разговоры. Дом оказался совершенно таким, как говорила миссис Тредгуд, — с геранями в кадках и кустами жасмина перед входом.

Потом вышла миссис Хартман, они проехали несколько кварталов, и она показала место, где когда-то было кафе, — совсем рядом с железнодорожными путями. Тут же стояло кирпичное здание, тоже заброшенное, но Эвелин удалось прочесть надпись над входом: «Салон красоты миссис Опал». Все было так, как она и представляла.

Потом миссис Хартман показала, где стоял магазинчик папы Тредгуда, — на его месте теперь красовалась аптека, а с другой стороны здания располагался Клуб любителей лосей.

Эвелин спросила, нельзя ли ей посмотреть на Трутвилль.

— Конечно, почему же нельзя, дорогая, это совсем рядом, за путями.

Когда они проезжали негритянский район, Эвелин удивилась, насколько он был маленький — всего лишь несколько кварталов с деревянными лачугами. Миссис Хартман показала на домик с выцветшими зелеными креслами на крыльце и сказала, что здесь жили Большой Джордж с Онзеллой, пока не переехали в Бирмингем к своему сыну Джасперу.

На обратном пути Эвелин заметила бакалейную лавку Осии рядом с разрушенным деревянным тиром — когда-то он был выкрашен в светло — голубой цвет. На фасаде лавки ещё виднелась полустертая надпись тридцатых годов: «Пейте имбирный эль „Буффало-рок“».

Внезапно Эвелин вспомнилось детство.

— Как вы думаете, миссис Хартман, у них есть земляничная газировка?

— Наверняка.

— А ничего, если мы зайдем?

— Конечно, тут многие белые покупают.

Эвелин остановила машину, и они зашли в лавку. Миссис Хартман подошла к старику негру в белой рубаше и подтяжках и крикнула ему прямо в ухо:

— Осия, это миссис Коуч! Она дружила с миссис Тредгуд.

Услышав имя миссис Тредгуд, Осия бросился к Эвелин и прижал её к груди. Никогда в жизни Эвелин не обнимал негр, и она растерялась — не знала, что сказать. Зато Осия принялся тарыхтеть как пулемет, но Эвелин не смогла разобрать ни слова, поскольку у него не было зубов.

Миссис Хартман крикнула:

— Нет, дорогой, она не дочка ей! Это её подруга, миссис Коуч из Бирмингема.

Осия смотрел на неё во все глаза и улыбался, а миссис Хартман принялась искать в холодильнике земляничную воду.

— Ага, наконец-то!

Эвелин хотела заплатить, но Осия опять затараторил, и опять Эвелин ничего не поняла.

— Уберите деньги, миссис Коуч. Он хочет угостить вас.

Эвелин стало неловко, но она поблагодарила его, и Осия проводил их до машины, что-то лепеча и не сводя с неё глаз.

Миссис Хартман крикнула ему: «Пока!» — и шепнула Эвелин:

— Глухой как пень.

— Я так и подумала. Никак не могу прийти в себя после его объятий.

— Он просто обожал миссис Тредгуд, с самого детства её знал.

Они снова переехали пути, и миссис Хартман сказала:

— Знаете, дорогая, если здесь свернуть направо, то дальше будет старый дом Тредгудов.

Едва они въехали на следующую улицу, как Эвелин увидела его: большой двухэтажный белый деревянный дом с верандой вокруг. Она узнала его по фотографиям.

Эвелин остановила машину, и они вышли. Почти все окна были выбиты, пол на веранде сгнил и провалился, так что попасть внутрь им не удалось. Казалось, он вот-вот рухнет. Они обошли дом, и Эвелин сказала:

— Какая жалость, что он в таком состоянии. Когда-то он, наверное, был очень красивый.

— Да, это был самый красивый дом во всем Полустанке, — согласилась миссис Хартман. — Но никого из Тредгудов в живых не осталось, и, я думаю, его скоро снесут.

Они прошли на задний двор и остановились в удивлении: старая решетка у задней стены была покрыта ковром из роз, которые цвели так, словно им было невдомек, что их хозяев давно нет на свете.

Эвелин заглянула в разбитое окно и увидела белый стол с треснутой столешницей. Интересно, подумала она, сколько тысяч печений нарезали на этом столе?

Потом она отвезла миссис Хартман домой и поблагодарила за компанию.

— Ну что вы, я с таким удовольствием прокатилась с вами. С тех пор как перестали ходить поезда, здесь почти никто не бывает. Жаль, конечно, что нам пришлось свидеться при таких печальных обстоятельствах, но я очень рада была познакомиться и прошу вас, приезжайте к нам в любое время.

Хотя было поздно, Эвелин решила ещё разок съездить к старому дому. Уже темнело, и, когда фары её машины осветили окна, ей показалось, будто внутри движутся люди. И внезапно Эвелин услышала, — она могла поклясться в этом, — как Эсси Ру играет на пианино в маленькой гостиной: «Эй, девушки из Буффало, погуляем вечером».

Эвелин остановила машину. Она плакала, и сердце её разрывалось от горя. Почему, думала она, ну почему так устроено, что люди должны стареть и умирать?

«Бюллетень Полустанка»

25 июня 1969 г.

НЕЛЕПО ГОВОРИТЬ «ПРОЩАЙ»

Как мне ни жаль, но этот выпуск — последний. С тех пор как моя дражайшая половина съездил со мной в отпуск на юг Алабамы, он просто помешался на мысли все бросить и поселиться там. Мы подыскивали себе домик у самого залива и недели через две переезжаем. Теперь этот старый пенёк сможет рыбачить день и ночь, если захочет. Я, конечно, его избаловала, но, знаете, несмотря на всю свою злобную ворчливость, он был и остается неплохим малым. Не придумаю, что бы такого ещё сказать по поводу нашего отъезда, потому и говорить ничего больше не буду. Мы оба выросли в Полустанке. Славное было время, и славные люди нас окружали, но почти все они разъехались кто куда. Теперь здесь ничего не узнать: столько появилось новых скоростных шоссе, что уже и не знаешь, где кончается Бирмингем и начинается Полустанок.

Мысленно я оглядываюсь назад, и мне становится ясно, что, когда закрылось кафе, перестало биться сердце города. Забавно, как эта крошечная дешёвая забегаловка смогла объединить столько разных людей.

По крайней мере, память-то у нас никто не отнимет, и мой любимый старикан до сих пор при мне.

Дот Уимс

P. S. Если кто-то из вас проездом окажется в Фэрхоупе, штат Алабама, милости просим. Я наверняка буду сидеть на заднем крылечке и чистить бесконечную рыбу.

КЛАДБИЩЕ ПОЛУСТАНКА

Полустанок, штат Алабама

19 апреля 1988 г.

На вторую Пасху после смерти миссис Тредгуд Эвелин заставила себя поехать на кладбище. Она купила чудный букет белых пасхальных лилий и отправилась к своей подруге в новом розовом «кадиллаке», а на груди у неё

красовалась брошь: пчела, усыпанная драгоценными камнями в четырнадцать каратов и с изумрудными глазами, — ещё одна награда.

Утром она успела побывать на праздничном завтраке с группой Мэри Кэй, и день клонился к вечеру. На кладбище почти никого не было, но разноцветные лампочки на ограде ещё горели.

Эвелин пришлось изрядно поплутать, пока она нашла место, где была похоронена семья Тредгутов. Могилу Руфи Джемисон она обнаружила сразу, а пройдя дальше, увидела большое двойное надгробие с ангелом:

УИЛЬЯМ ДЖЕЙМС ТРЕДГУД
1850–1929

АЛИСА ЛИ КЛАУД ТРЕДГУД
1856–1931

ЛЮБИМЫМ РОДИТЕЛЯМ,
НЕ ПОТЕРЯННЫМ,
НО УШЕДШИМ ПЕРВЫМИ ТУДА,
ГДЕ МЫ ВСТРЕТИМСЯ ВНОВЬ

Следующей была могила:

ДЖЕЙМС ЛИ (БАДДИ)
1898–1919

СЛИШКОМ РАНО ОБОРВАЛАСЬ ТВОЯ ЖИЗНЬ,
НО ТЫ НАВЕКИ ЖИВОЙ В НАШИХ СЕРДЦАХ

Чуть дальше лежали Клео Тредгуд и Милдред, но могилу своей подруги она никак не могла отыскать и начала нервничать. Где же миссис Тредгуд? Подойдя к следующему ряду надгробий, она увидела:

АЛЬБЕРТ ТРЕДГУД
1930–1978

НАШ АНГЕЛ ЗЕМНОЙ,
НАКОНЕЦ ТЫ ОБРЕЛ ПОКОЙ
В ОБЪЯТИЯХ ИИСУСА

Она оглядела плиты рядом с могилой Альберта и наконец нашла то, что искала:

МИССИС ВИРДЖИНΙΑ (НИННИ) ТРЕДГУД
1899–1986

ВЕРНУЛАСЬ ДОМОЙ

И сразу на Эвелин нахлынули воспоминания, сердце сжалось от нежности, и она поняла, как сильно скучает по этой милой старушке. Она положила цветы и, пока полола сорняки вокруг камня, тихо плакала. Эвелин пыталась утешить себя мыслью, что если и есть где-нибудь небеса, то миссис Тредгуд наверняка там. Интересно, думала она, появится ли когда-нибудь на земле хоть одна столь же чистая и бескорыстная душа? Вряд ли.

После знакомства с миссис Тредгуд Эвелин перестала панически бояться старости и смерти, она больше не воспринимала смерть как что-то бесконечно далекое. Даже сейчас ей казалось, что миссис Тредгуд все ещё где-то рядом. И она тихонько заговорила со своей подругой:

— Простите, миссис Тредгуд, что не смогла приехать раньше. Вы даже не представляете, как мне вас не хватает, и сколько раз хотелось поговорить с вами. Мне так горько, что мы не простились, но кто же знал, что тот раз был последним? А ведь я вас так и не поблагодарила тогда. Если бы не ваши терпеливые уговоры, даже не знаю, что бы я натворила.

Она помолчала и продолжила:

— Я-таки раздобыла этот розовый «кадиллак», миссис Тредгуд. Думала, сразу стану счастливой. Но, знаете, — не стала. Без вас как-то все не так. Я часто мечтала, что приеду в субботу, и мы с вами прокатимся с ветерком, заскочим к Олли, поедем барбекю.

Она перешла на другую сторону могилы и опять принялась за сорняки.

— Меня спросили, не могу ли я поработать в группе психического

здоровья в университетской больнице. Наверно, могу. — Эвелин засмеялась. — Я сказала Эду: с теми, у кого такая же болезнь, как у меня, я уж точно справлюсь. Вы не поверите, миссис Тредгуд, но я уже бабушка. Причем дважды. Джанис родила двойняшек, девочек. А помните Большую Маму, мать Эда? Так вот, мы перевезли её в «Дом жаворонка», и ей там больше нравится, чему я очень рада. Я эту «Розовую террасу» прямо возненавидела после вашей смерти. В последний мой приезд Джинин сказала, что Веста Эдкок все продолжает сходить с ума из-за того, что уехал мистер Данауэй.

По вам все скучают — и Джинин, и соседи ваши, Хартманы. Я ездила к ним, взяла вещи, которые вы мне оставили, и теперь все готовлю по вашим рецептам. Кстати, миссис Тредгуд, с тех пор как вы меня видели, я похудела на сорок три фунта. Еще пять сброшу — и хватит.

А ваш друг Осия умер месяц назад, но вы, наверно, это и без меня знаете... Ой, чуть не забыла! Помните ту фотографию, где вы в платье в горошек стоите возле магазина Лавмэна? Она теперь висит в рамочке над моим столом, и одна моя гостя ахнула: «Эвелин, как вы похожи на свою маму!» Потрясающе, правда?

Эвелин рассказала подруге все, что вспомнила важного за два года, и не ушла, пока не убедилась, что миссис Тредгуд поверила: с ней, с Эвелин, теперь все в порядке.

Она улыбалась, направляясь к машине, но, когда проходила мимо могилы Руфи Джемисон, вдруг остановилась. Что-то изменилось. На плите стоял стеклянный кувшин с маленькими свежими розами, а рядом лежал конверт, надписанный мелким, торопливым почерком: «Руфи Джемисон».

Удивленная, Эвелин взяла конверт. В нем лежала старомодная пасхальная открытка — маленькая девочка держит корзину, полную раскрашенных яиц. Она раскрыла её и прочитала:

Никому не равна ты своей красотой,
И к любому добра неземной добротой.
Ты нежна и прекрасна, как солнечный свет,
И тоска подступает, когда тебя нет.

И подпись:

Никогда не забуду тебя.
Твоя подруга
Заклинательница пчел.

Эвелин стояла посреди кладбища с открыткой в руке и оглядывалась, но вокруг никого не было.

«БИРМИНГЕМ НЬЮС»

17 марта 1988 г.

ПРОПАЛА ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА

Миссис Веста Эдкок, 83-летняя пациентка приюта для престарелых «Розовая терраса», вчера вышла из дверей заведения, сказав, что ей необходимо подышать свежим воздухом, и не вернулась.

Последний раз её видели в розовой шенилевой накидке с лисьим мехом и в темно-синих войлочных тапочках. Возможно, на ней был также красный ночной колпак, а в руках — черная, расшитая бисером сумочка.

Водитель автобуса вспомнил, что вчера вечером возле приюта к нему села пожилая дама отвечающей указанным приметам наружности и попросила её подвезти.

Если вы встретите какую-либо женщину, подходящую под это описание, просьба позвонить миссис Вирджинии Шмитт, директору приюта, по телефону 555-7760.

Сын пропавшей женщины, мистер Эрл Эдкок-младший, говорит, что его мать могла просто заблудиться.

«БИРМИНГЕМ НЬЮС»

20 марта 1988 г.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА НАЙДЕНА В ЛЮБОВНОМ

ГНЕЗДЫШКЕ

Миссис Веста Эдкок, 83-летняя женщина, которая четыре дня назад была объявлена пропавшей из приюта для престарелых «Розовая терраса», найдена в мотеле «Бама» в Ист-Лэйк. С её спутником, восьмидесятилетним мистером Уолтером Данауэем, сегодня утром случился легкий удар, и он доставлен в университетскую больницу для обследования.

Миссис Эдкок согласно её просьбе возвращена в приют. Она сильно разочарована, поскольку, по её словам, «Уолтер оказался вовсе не тем мужчиной, каким я его себе представляла». Состояние мистера Данауэя в данный момент удовлетворительное.

ШОССЕ № 90

*Марианна, Флорида
22 мая 1988 г.*

Билл и Марион Нил и их восьмилетняя дочь Пэтси ехали на машине весь день. Увидев у дороги щит с рекламой: «Свежие яйца, мед, свежие фрукты и овощи, свежая зубатка и прохладительные напитки», они почувствовали, что умирают от жажды, и Билл свернул с шоссе. Когда они вышли из машины, им сначала показалось, что вокруг никого нет, но потом они заметили двух стариков в рабочих комбинезонах, сидевших под большим дубом прямо за щитом. Один из них встал и подошел к ним.

— Привет, ребята. Что вам предложить?

Услышав голос, Марион сообразила, что это никакой не старик, а старуха с совершенно седыми волосами и загорелым, обветренным лицом.

— Нам, пожалуйста, три кока-колы.

Пэтси, как зачарованная, разглядывала горшки с медом, расставленные в ряд. Пока женщина открывала запотевшие от холода бутылки, Пэтси показала на один из горшков и спросила:

— А это что?

— А это медовые соты, прямо из улья. Ты что ж, раньше такого не видела?

Пэтси смутилась:

— Нет, мэм.

— А вы откуда?

— Из Бирмингема, — ответила Марион.

— Понятно. Я когда-то жила там неподалеку в маленьком городке. Да вы, небось, о таком и не слыхали, совсем крошечный городишко — Полустанок называется.

— Нет, почему же, — сказал Билл. — Там когда-то была сортировочная станция, а рядом — забегаловка с барбекю, насколько я помню.

— Верно, — улыбнулась старуха.

Билл кивнул на рекламный щит:

— Вот уж не думал, что зубатка сюда может приплыть.

— Очень даже может, но другая — морская. Только сегодня, к сожалению, у неё это не получилось.

Она скосила глаза на белокурую девчушку, чтобы убедиться, что та слушает.

— На прошлой неделе поймала я одну, да вытащить не смогла, очень уж здоровущей оказалась.

— Правда? — воскликнула Пэтси.

У старушки вспыхнули глаза.

— Конечно, правда. Скажу вам честно, это была такая громадная зубатища, что мы её сфотографировали, и одна только фотография весила фунтов сорок.

Девочка склонила голову, пытаясь осмыслить услышанное.

— А вы не ошиблись?

— Ни в коем случае... Но раз ты не веришь... — Она обернулась и крикнула старику: — Эй, Джулиан! Пойди-ка в дом да принеси фотографию зубатки, что мы на прошлой неделе поймали.

Он лениво крикнул в ответ:

— Не-е, не пойду. Больно она тяжелая, так и спину надорвать недолго.

— Вот видишь! А я тебе что говорила?

Билл засмеялся, а Марион расплатилась за колу. Они уже собрались уходить, но тут Пэтси стала дергать мать за подол:

— Мама, пожалуйста, давай купим этого меда!

— Радость моя, у нас дома полным-полно меда.

— Пожалуйста, мама, у нас ведь не с сотами. Ну пожалуйста!

Маркой поглядела на дочь и сдалась:

— Сколько стоит горшок?

— Меда-то? Сейчас посмотрим... — Старушка принялась что-то считать, загибая пальцы, а потом сказала: — Вы, может, не поверите, но вам здорово повезло, потому что сегодня он совершенно ничего не стоит.

— Правда?

— Правда-правда.

— Мне как-то неловко брать бесплатно, — смутилась Марион. —
Позвольте, я хоть что-нибудь заплачу.

— Нет, мед бесплатный. Вы его выиграли, честно и без дураков.
Может, вы этого не знали, но так уж получилось, что ваша дочь — мой
миллионный покупатель в этом месяце.

— Я?

— Да, ты.

Марион улыбнулась старухе:

— Что ж, если вы настаиваете... Пэтси, что надо сказать?

— Спасибо!

— На здоровье. Послушай, Пэтси, если ты когда-нибудь приедешь в
эти края, заглядывай ко мне, хорошо?

— Хорошо, мэм, я обязательно загляну.

Отъезжая, Билл посигналил на прощание, а девочка помахала рукой.

Старуха стояла на дороге и тоже махала им вслед, пока машина не
скрылась из глаз.

РЕЦЕПТЫ СИПСИ, ЛЮБЕЗНО ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ЭВЕЛИН КОУЧ

ПЕЧЕНЬЕ НА ПАХТЕ

2 стакана муки, 2 чайные ложки разрыхлителя, 2 чайные ложки соли, ¼ чайной ложки соды, ½ стакана кулинарного жира «Криско», 1 стакан пахты.

Просейте муку и смешайте сухие ингредиенты. Добавьте «Криско» и все разотрите до однородной массы. Потом влейте пахту и тщательно размешайте. Тонко раскатайте тесто и нарежьте печенья желаемого размера. Выпекайте в смазанном жиром противне при 230 °С до золотистого цвета.

Любимое кушанье Озорной Птички!

КУКУРУЗНЫЙ ХЛЕБ В ФОРМЕ

¾ чайной ложки соды, 1½ стакана пахты, 2 стакана просеянной кукурузной муки, 1 столовая ложка жира, 1 вытопленного из бекона, 1 чайная ложка соли, 1 яйцо.

Растворите соду в пахте. Смешайте кукурузную муку с солью, яйцом и пахтой и добавьте горячий жир. Положите тесто в смазанную жиром форму и выпекайте при 190 °С до готовности.

Прощайте, ибо вы умрете от восторга!

ПИРОГ С КОКОСОВЫМ КРЕМОМ

3 яичных желтка, 1/3 стакана сахара, ¼ чайной ложки соли, 2½ столовой ложки кукурузного крахмала, 1 столовая ложка растопленного сливочного масла, 2 стакана кипящего молока, 1 стакан тертых кокосов, 1 чайная ложка ванили или рома, ¼ чайной ложки тертого мускатного ореха, заранее испеченная форма из теста с загнутыми краями диаметром около 23 см.

Взбейте яичные желтки. Постепенно вбивайте сахар, соль, кукурузный крахмал и масло. Добавьте молоко и размешайте. Крем готовьте на водяной бане, постоянно помешивая, пока не загустеет. Добавьте кокосовую стружку и охладите. Смешайте с ванилью или ромом и мускатным орехом и вылейте в форму. Накройте меренгой и выпекайте 15–20 минут в духовке при температуре 150°.

Ням-ням!

ОРЕХОВЫЙ ПИРОГ

Сырая форма из теста диаметром около 23 см, 2 стакана измельченного ореха-пекана, 1 стакан сахара, 1 стакан кукурузного сиропа, 1 столовая ложка муки, 1 чайная ложка ванили, ¼ чайной ложки соли, 3 яйца, 2 столовые ложки сливочного масла.

На дно формы положите слой орехов. Смешайте сахар, муку, кукурузный сироп, ваниль и соль до однородной массы. Вбейте туда яйца по одному, каждый раз как следует размешивая. Вылейте в форму и сверху в нескольких местах положите комочки масла. Выпекайте при 180 °С, пока не затвердеет, — около часа.

Сладок как грех — любимый пирог Культяшки!

ЦЫПЛЕНОК ПО-ЮЖНОМУ, ИЗОБРЕТЕНИЕ СИПСИ

Цыпленок для жарки, 1½ стакана просеянной муки, соль, перец, молоко.

Порежьте цыпленка на куски, натрите солью и перцем и дайте немного постоять. Потом опустите в молоко примерно на полчаса. В пакет положите куски цыпленка, муку, немного соли, перца и хорошенько потрясите, чтобы каждый кусок как следует обвалялся. Жарьте в большом количестве жира при температуре 200° до золотистой корочки. Куски потолще жарьте подольше.

Прощайте, мистер Цыпленок!

ЦЫПЛЕНОК С КЛЕЦКАМИ

2 стакана пшеничной муки, 3 чайные ложки соды, 1 чайная ложка

соли, 2/3 стакана молока, 1/3 стакана кулинарного жира «Криско», кастрюля с вареным цыпленком.

Смешайте муку, соду и соль, добавьте молока и жира. Отмеренные столовой ложной порции полученной массы бросайте в кипящий бульон с цыпленком. Варить 15 минут, часто помешивая клецки.

Осторожно: эти клецки сами в рот прыгают!

ЖАРЕНАЯ ВЕТЧИНА С КРАСНОЙ ПОДЛИВКОЙ

Ветчину нарежьте на ломти толщиной в полсантиметра. Жарьте в чугунной сковороде, пока ломти не подрумянятся с обеих сторон. Во время готовки слегка смочите ветчину подслащенной водой. Выньте обжаренную ветчину и накройте, чтобы не остыла, потом вылейте в сковороду ½ стакана холодной воды или чашку кофе. Оставьте жидкость кипеть, пока полученная подливка не станет красной. Тщательно размешайте и полейте ею ломти ветчины.

Отличное блюдо!

МАМАЛЫГА

2 столовые ложки сливочного масла, 1 чайная ложка соли, 5 стаканов кипящей воды, 1 стакан дробленой кукурузы.

Положите масло и соль в кипящую воду, медленно засыпьте крупу, помешивая. Накройте крышкой и варите на медленном огне 30–40 минут.

Способствует пищеварению.

ЖАРЕНАЯ ЗУБАТКА

1 килограмм зубатки, выпотрошенной и без кожи, ½ стакана просеянной пшеничной муки, ½ стакана желтой кукурузной муки, 3 столовые ложки жира из бекона или «Криско», соль и перец по вкусу.

Обсушите зубатку салфеткой. Смешайте пшеничную и кукурузную муку, соль и перец. Обваляйте зубатку в этой смеси и жарьте до золотистой корочки сначала на одной, а потом на другой стороне. На все про все у вас уйдет 8-10 минут.

Слава Господу за то, что он создал зубатку!

МОЛОЧНАЯ ПОДЛИВКА

Используйте сок от свинины или цыпленка после жарки. На каждые три столовые ложки сока добавьте три столовые ложки муки и как следует перемешайте. Подогрейте, помешивая, до золотистого оттенка. Добавьте 1½ — 2 стакана молока. Держите на огне, помешивая, пока не загустеет.

Годится к любому блюду.

СВИНЫЕ ОТБИВНЫЕ С ПОДЛИВКОЙ

4 ломтика бекона, 4 больших и толстых свиных отбивных, соль и перец, 1/3 стакана муки, 1½ стакана молока.

Сначала обжарьте бекон, потом обваляйте свинину в муке с солью и перцем. Оставшуюся муку не выкидывайте. Поджарьте свинину с обеих сторон до золотистой корочки на жире от бекона. Уменьшите огонь, накройте крышкой и тушите минут 30, пока свинина не станет мягкой. Добавьте оставшуюся муку в жир и тушите до золотистого цвета. Влейте молоко и кипятите на слабом огне, пока подливка не загустеет.

Большой Джордж за раз мог съесть 8 отбивных.

СТРУЧКОВАЯ ФАСОЛЬ

Кость от окорока, 1 чайная ложка сахара, 1 кг стручковой фасоли, немного красного жгучего перца, соль по вкусу.

Положите кость в кастрюлю и добавьте воды. Доведите до кипения. Очистите фасоль от хвостиков и поломайте или порежьте стручки на кусочки желаемой длины. Добавьте в кастрюлю вместе с сахаром и перцем. Тушите на среднем огне около часа.

Восхитительная фасоль, пальчики оближешь!

КОРОВИЙ ГОРОХ СИПСИ

1 стакан сухого коровьего гороха, 1 нарезанная луковица, 1 кусок соленой свинины или 4 кусочка бекона, 4 стакана воды, немного красного перца.

Все продукты положите в кастрюлю и тушите на медленном огне до мягкости — часа три.

На следующий день даже вкуснее.

КУКУРУЗА ПОД БЕЛЫМ СОУСОМ

6 початков кукурузы, сладкой и белой, ½ — 1 стакан молока, разбавленного водой, 2 столовые ложки сливочного масла, соль и перец.

Отделите зерна кукурузы от початка и поскребите кочерыжку тупым концом ножа, чтобы снять то, что осталось. Тушите с маслом на медленном огне, постепенно добавляя молоко с водой, соль и перец. Прокипятите минут десять до готовности.

Полезно для здоровья.

ЛИМСКАЯ ФАСОЛЬ И КАРОЛИНСКИЕ БОБЫ

Литровая банка свежих бобов и фасоли, кусок соленой свинины или 6 кусочков бекона, соль и перец по вкусу.

Налейте воды, чтобы покрыла бобы и фасоль, доведите до кипения и варите до готовности на слабом огне. Добавьте соли и перца.

Прямо с грядки у вашего дома!

СЛАДКИЙ БАТАТ (КАРТОФЕЛЬ)

1/3 стакана масла, ½ чайной ложки соли, 1/3 стакана воды, 2/3 стакана коричневого сахара, 2 щепотки корицы, 6 штук сладкого картофеля (батата) средних размеров, сваренного, очищенного и нарезанного ломтиками.

В кастрюле или сковороде разогрейте масло с сахаром до однородной массы. Добавьте нарезанный батат и переворачивайте его, пока не пропитается сиропом и не станет коричневого цвета. Добавьте соли, воды, корицы и тушите на медленном огне до готовности.

Слаще любых конфет.

ЖАРЕНАЯ ОКРА

Вымойте окру и срежьте со стеблей. Нарежьте стручки на куски длиной примерно по полдюйма. Обваляйте в кукурузной муке. Обжарьте на жиру от жареного бекона до красивой хрустящей корочки. Обсушите на бумажной салфетке, посолите, поперчите и подавайте в горячем виде.

Лучше поп-корна!

ЖАРЕННЫЕ ЗЕЛЕННЫЕ ПОМИДОРЫ

1 зеленый помидор среднего размера (на едока), соль, перец, белая кукурузная мука, жир, вытопленный из бекона.

Нарежьте помидоры на ломтики толщиной в полсантиметра, посолите, поперчите, обваляйте в муке. В большой сковороде разогрейте жир и жарьте помидоры до золотистой корочки с обеих сторон.

Вам покажется, что вы уже в раю!

ЖАРЕННЫЕ ЗЕЛЕННЫЕ ПОМИДОРЫ С МОЛОЧНОЙ ПОДЛИВКОЙ

3 столовые ложки жира, вытопленного из бекона, 4 твердых зеленых помидора, нарезанных ломтиками толщиной в сантиметр, взбитые яйца, панировочные сухари, мука, молоко, соль и перец.

Разогрейте жир в чугунной сковороде. Окуните помидоры в яйца и обваляйте в панировочных сухарях. Медленно жарьте в жире с обеих сторон до золотистой корочки. Выложите помидоры на тарелку. На каждую столовую ложку оставшегося в сковороде жира добавьте столовую ложку муки и перемешайте, затем влейте стакан теплого молока и не снимайте с огня до загустения, все время помешивая. Добавьте соль и перец по вкусу. Помидоры залейте подливкой и подавайте горячими.

Это самое вкусное блюдо на свете!

notes

Примечания

1

1 фунт (единица веса) = 453, 6 г.

Название комедийного телесериала 1977–1986 годов. (Здесь и далее примеч. переводчика)

3

Cloud — облако (*англ.*)

При крещении баптистский священник окунает человека целиком и некоторое время держит под водой.

Программа медицинской помощи неимущим в США.

Silk and silver — шелк и серебро (*англ.*)

Ежемесячный иллюстрированный журнал для женщин.

Комедийный телесериал 1962–1974 годов.

Тележурналист, одна из звезд современного американского телевидения.

Серия радиопередач 1929–1948 годов о двух неграх, которые пускались на различные ухищрения в поисках дополнительного заработка.

11

1 метр 84 см

12

113, 5 кг

Неточная цитата из Книги Пророка Исаии, 9:6.

Свернутая горячая маисовая лепешка с начинкой из сыра, лука, рубленого мяса и бобов, с острой подливкой.

Бесси Смит (1898–1937) — певица, одна из лучших исполнительниц блюза. Погибла после автомобильной катастрофы из-за того, что в больнице для белых ей отказали в помощи.

Этель Уотерс (1900–1977) — актриса и певица, первая негритянка в США, выступавшая в театре на главных ролях.

Ма Рейни — Гертруда Рейни (1886–1939) — одна из первых женщин-исполнительниц блюзов, получила прозвище Мать Блюза.

Остролист краснеет на Рождество.

Каджуны — эмигранты из Канады французского происхождения.

Американский легион — военно-патриотическая общественно-политическая организация, основанная в 1919 г.

Гувервилль — поселки из домов, сложенных из картонных коробок, листов жести и т. п., которые безработные строили в годы Великой депрессии, совпавшей с президентством Г. Гувера.

Один из крупнейших в мире медицинских центров, оснащенных по последнему слову техники. Находится в Рочестере, штат Миннесота.

Сестра нынешней королевы Великобритании.

Медаль за ранение в ходе боевых действий.

Неточная цитата из Евангелия от Иоанна, 14:2.

Английский перевод Библии 1611 года, одобренный королем Яковом I.

Так называют Чикаго, где часто дуют сильные ветры с озера Мичиган.

Проповедник, выступающий в телепрограмме «Традиционный евангельский час».

Ball (*англ.*) — яйцо (слэнг)

Миссия спасения — религиозная организация, занимающаяся перевоспитанием и трудоустройством опустившихся людей.

На самом деле губернатором Алабамы был именно Джордж Уоллес, а не его жена.